

84 (2) 000 = Pvd/6

Г 35

ГЕОМЕТРИЯ И МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Умел

84/2Рас = Р.УС/6

П.35

УДК 78.01
ББК 85.01
78.01

ГЕОМЕТРИЯ

И МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Сборник
рассказов и стихов
слушателей Школы
литературного мастерства
Владислава Крапивина
при Тюменском
государственном
университете

9/14

21

-96293/1-

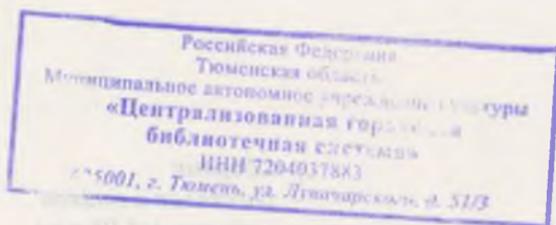
Издательство Тюменского
государственного университета
2009

УДК 821.161.1
ББК Ш6(28)6
Г 35

ГЕОМЕТРИЯ И МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ: Сборник произведений слушателей Школы литературного мастерства Владислава Крапивина. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2009. 236 с.

Сборник литературных опытов слушателей Школы литературного мастерства, созданных под руководством профессора кафедры русской литературы ТюмГУ, писателя и педагога Владислава Петровича Крапивина, включает в себя произведения разных жанров, стилей и тематики. Однако всех авторов объединяет то, что они в разные годы учились в стенах Тюменского университета, читали книги своего знаменитого земляка и, конечно же, все хотят научиться писать, подобно ему, Настоящую Литературу. Большинство произведений публикуется впервые.

Предназначен для читателей и издателей, интересующихся поиском новых писательских имен и перспективами развития тюменской книги.

Составитель: **В. П. Крапивин**
Редактор: **О. В. Макманаман**

ISBN 978-5-400-00111-6

© ГОУ ВПО Тюменский государственный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие руководителя, составителя, профессора и т. д.</i>	6
--	---

ПРОЗА

Михаил Булатов

Общежитие	11
Геометрия и мыльные пузыри	17

Борис Конаков

На два часа раньше	40
ПТСЛ	45

Валентина Паршак

На чердаке	49
Весеннее обострение	51
Идиотическая пародия на детектив	55

Екатерина Хромова

Монтаж	60
--------------	----

Алина Иноземцева

Бутория	63
Домушник	67
Иноземцы	68
Непохожие друзья	68
Серое небо	69
Ты	70
У нее никого не было	70
Цвет моей лжи	71

Иван Семенов

Глянец	73
Уездное	78

Денис Подкорытов

Спор на повороте	93
------------------------	----

Анна Шушунова

По воле Случая	109
----------------------	-----

Поле	114
<i>Виолетта Кудрявцева</i>	
Инна	118
<i>Ольга Добрынина</i>	
Чего-то там	145
Играющий в кабаке	146
Canis Major	147
Пух	149
<i>Лилия Герц</i>	
Полусказка	152
<i>Дарья Нечай</i>	
Пустышка	155
<i>Сергей Потемкин</i>	
Один день из жизни стада	171
СТИХИ	
<i>Анастасия Перлухина</i>	
Игры на траве	190
Осень	191
Замки на песке	191
На этой неделе уже окончанье зимы	192
Время для поэта	193
Я стану птицей	193
Рай Васильевского острова	194
Рождество в Петербурге	196
На возвращение писателя в родной город	196
Герои командора	197
<i>Ольга Добрынина</i>	
Вечерний натюрморт с автопортретом	198
Крысиные гонки	198
«Девушка на остановке...»	199
Первый снег (акrostих)	200
«На крышах снег отсыпается до весны...»	201
Счастье	201
«Не на пир, а на тихий берег реки...»	201
«Как рассказать...»	202
Курортное	203
Сталкер	205

<i>Виолетта Кудрявцева</i>	
По душам	207
Монашка и ключ	208
Летней ночью	209
<i>Андрей Ларионов</i>	
Кукловодам	211
<i>Лилия Герц</i>	
Осколки	213
<i>Елена Мошкина</i>	
Боль России	214
Прошлое.....	216
Ностальгия	217
<i>Валентина Паршак</i>	
Размышление маленького человеческого существа на тему дружбы, навеянное долгой дорогой из детского садика домой	219
Современный детский стих о потребностях подрастающего поколения	219
«У меня появился братишка...»	220
<i>Алина Иноземцева</i>	
Ботинки	222
Скамейки	222
<i>Яна Янина</i>	
Африка и вены	224
Йорд	225
<i>Анна Шушунова</i>	
«Это вам не хухры-мухры...»	226
«Я его видела, он уходил на север...»	227
Изломы	227
«Из распахнутых глаз бойниц...»	228
«Я твой барьер скрещенных ног...»	229
«Брешь моих бешеных...»	229
<i>Михаил Булатов</i>	
Деньги. Простая арифметика	231
Слоны ушли воевать	232
Вы казнили артиста	233
Одиночество и высокие технологии	234
Ведьмовской блюз	235
Танцующий на радуге	235

ПРЕДИСЛОВИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ, СОСТАВИТЕЛЯ, ПРОФЕССОРА И Т. Д...

Широко известно суждение, что никого нельзя научить писать романы, повести, рассказы и произведения разных других литературных жанров. Здесь все зависит от врожденных способностей. Талант — он от Бога... На эту истину я и ссылался, когда руководство Тюменского госуниверситета «навьючивало» на меня должность руководителя «Школы литературного мастерства» при филологическом факультете.

Но в ответ на мои аргументы авторитетные люди говорили, что да, «научить нельзя, если нет способностей». А если способности есть, а умения недостаточно? Даже самому гениальному по своей природе скрипачу надо сначала показать, как держат смычок, а потом уже ждать от него «божественных звуков». Всякий талант требует огранки. Для искусства необходимо не только вдохновение, но и владение техникой, ремеслом. Ну, и так далее... Недаром существует в столице аж целый Литературный институт.

«Но там учат несколько лет! — отбивался я. — А мне предоставлены два семестра. Что можно сделать за этот срок?!»

«Но от Вас и не требуется многого, — возражали мне. — Постараетесь расширить литературный кругозор Ваших подопечных, прочитаете и разберете несколько их произведений, сделаете замечания по стилю и композиции, — (у меня начали болеть зубы), — ну, а задача-максимум такая: может быть, Вы отыщете среди слушателей одного-двух... а если повезет, то и трех!.. перспективных авторов, которые в будущем пополнят славные ряды писателей нашего края...»

Куда было деваться? Меня выбрали профессором, я должен был тянуть лямку...

По правде говоря, первые контакты с «кандидатами в славные ряды» не вызывали восторга. Рассказы и стихи казались корявыми и надуманными. Интерес к литературе у слушателей «Школы» представлялся мне жидким, как разбавленное пиво.

«Люди! — иногда в сердцах восклицал я. — Ну, если вам не интересна классика, то почитайте хотя бы Стругацких!»

«Люди» отвечали, что они в общем-то читают и Стругацких, и классику, но просто на все не хватает времени в этой суматошной жизни. И порой ошарашивали меня, путая Гайдара с Гайдаем, утверждая, что «Поднятую целину» написал Солженицын, что роман «Солярис» принадлежит перу братьев Стру-

гацких, а у старого фантаста Александра Беляева есть роман «Голова профессора Гарина». Теперь я подозреваю, что они просто испытывали мое терпение...

Но иногда они приносили вместо раздражающих мною опусов новые, которые были гораздо интереснее прежних...

Да, два семестра — срок небольшой. Но... и не столь маленький. Порой мне начинало казаться, что я знаком с этими молодыми талантами не один год.

Будучи давним и преданным поклонником Константина Паустовского, я в каких-то случаях невольно примерял факты его биографии на себя и вдруг спохватился, что все чаще вспоминаю эпизод из его гимназической жизни. Классный наставник, латинист Субоч, перед выпускным балом сказал своим воспитанникам речь:

«В четвертом классе я вас только терпел. В пятом я начал вас воспитывать, хотя было мало шансов сделать из вас настоящих людей. В шестом классе я с вами подружился. В седьмом я вас полюбил, а в восьмом я начал даже вами гордиться»...

Два семестра — не пять гимназических классов, но если воспринять эти девять месяцев как «ускоренную перемотку пленки», то получается что-то похожее. Не буду делать объяснений в любви, но весной все чаще чувствовал, что начинаю скучать по дружной компании «Школы», если долго не бываю в ней...

А что касается «задачи-максимум» (помните? — найти одного-двух, а то и трех перспективных авторов), то я полагаю, что она перевыполнена.

Не знаю, как реализуют себя слушатели «Школы» в будущем. Известно, что литературный талант лишь на пять процентов состоит из врожденных способностей, остальное — усидчивость, трудолюбие, творческая дисциплина. Эту мысль я постоянно внушал своим студентам и надеюсь, что в какой-то мере они ее усвоили. А если усвоили — у них немало шансов занять место в «славных рядах».

Я нарочно не пишу ни о ком конкретно. Получилось бы, что раздаю авансы и занимаюсь «преждевременной рекламой». Читатели сборника пусть сами делают выводы и ставят оценки. Авторы — люди очень неодинаковые. И по возрасту, и по уровню дарований, и по взглядам на жизнь, и по тематике своих произведений. Кстати, они — не только студенты филфака. В «Школе» занимались и «вольнслушатели», уже закончившие институты, и люди разных профессий, и школьники, и студенты других факультетов и даже других вузов. Так было оговорено в условиях набора. В общем, ничуть не похожие друг на друга. Лишь одно объединяет их — «первые пять процентов», изначально необходимые для литературного творчества, есть у каждого.

Если бы я был владельцем какого-нибудь издательства, то непременно бы приложил усилия, чтобы выпустить в свет рассказы и стихи многих из представленных здесь авторов. Но, увы, издательства у меня нет (со своими-то книжками порой не знаешь, куда ткнуться), вот и приходится всех «селить под одну крышу» (что, впрочем, не так уж плохо).

А когда «поселились» под обложкой этой книги, встал вопрос — как ее назвать? Нужно ведь найти какой-то стержень, что-то объединяющее все эти совершенно разные по тематике, размерам, сюжетам и философским взглядам произведения поэзии и прозы. Ломали головы, спорили... И наконец решили дать сборнику название одного из помещенных в нем рассказов. Почему «Геометрия и мыльные пузыри»? Рассудили так. В каждом литературном произведении должны сочетаться твердость геометрических построений (в сюжете, композиции, убеждениях автора, четкости психологических прорисовок) с легкостью, красочностью, лиричностью и даже некоторой эфемерностью чувств, что порой напоминает мыльные пузыри — непрочные, но милые игрушки нашего детства...

Подобной мыльным пузырям была и надежда, что сборник увидит свет. Но вот — увидел. Теперь слово за читателями.

Не призываю читателей к снисходительности (да авторы и не потерпят ее). Но жду читательского понимания и доброжелательности. У авторов еще столько всего впереди, многому им предстоит научиться, многое узнать. Обрести «геометрическую прочность» в литературном деле. Хочется сказать им по студенческому обычаю: «Ни пуха, ни пера»...

Владислав Крапивин

ИЗДАНИЕ

1924

ИЗДАНИЕ

В

Проза

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

Михаил Булатов

*Студент 1 курса филологического факультета
(журналистика)*

Я — страус с большими, сильными волосатыми ногами и некоторым слабым намеком на крылья. Я — черепаха, которая всегда носит с собой дом и не имеет дома. Я — очень маленький, но гордый зверек лемминг. И у меня есть достойная цель — переплыть это море.

Герр Лемминг Грим

ОБЩЕЖИТИЕ

Рассказ

Предисловие

В моем общежитии живут очень разные персонажи. От романтических бабочек и до обычных проституток, из которых никогда не вылупятся Марии Магдалины. От вечно голодных поэтов «с глазами кроликов» и до сытых графоманов, что наращивают слой сала на сердце вместо того, чтобы его отскребать. От гениев до сумасшедших (искушенный читатель знает, что это одного поля ягоды). От блаженных счастливцев до циничных сволочей.

В моем общежитии есть художники и столяры, коммерсанты (особый подвид человека разумного) и инженеры, мультипликаторы и наемные убийцы, есть даже безработный бомж в размере одной человеко-единицы, словом, целая куча бездельников, только царя над ними нет. Никакой монархии нет и быть не может в этом общежитии. Все просто и весело, как на Ямайке: пьют, доходят до кондиции, поют песенки про мороз, плавно перетекающие в задушевные беседы о степени уважения слесаря художником и наоборот. Снова пьют. Спорят о боге. Наутро кого-нибудь хоронят, плачут, а к обеду выясняется, что этот кто-то воскрес. Снова спорят о боге. Заколачивают гвозди, ищут смысл бытия, растят детей, создают образчики искусства на общей кухне под симфонию шкворчащей яичницы — вот такой ладный народец.

Да, наверное, возник вполне закономерный вопрос: а я сам-то кто? Так вот — я Автор, Бог и Демииург, ну, или просто управдом, это легче вообразить. Так что все жильцы передо мной каждый день как на ладони. Позвольте же представить вам кусочки биографий самых интересных персонажей этого маленького театра, и имейте в виду — это я вам по секрету.

Мизантропия

О, Мизантропия, одна из самых видных дам. Она молода, ей не больше тридцати, но на ее лице печать старости египетских пирамид и молчаливой агрессии фашистской свастики. Она живет в темной маленькой комнате с кучей перегородок, я как-то раз был у нее в гостях (мы старые знакомцы). И мне там не очень-то понравилось.

Впрочем, Миза все больше любит бродить по коридорам, тяжело ступая и бросая убийственные взгляды на соседней. Моя Миза очень высока и похожа на монахиню, а на шее она носит огромный кусок горной породы, который,

как мне кажется, увеличивается с каждым днем. Как-то раз я увидел ее, идущую мимо, и спросил, не помочь ли ей понести эту каменюгу. В ответ Мизантропия зашипела, радуясь поводу выплеснуть злобу, как ребенок радуется Деду Морозу:

— Дууурак! Отцепись от меня, жалкий конформист, ты своим ограниченным умишком все равно не поймешь, ведь этот камень — моя сила!

— Как так? — спрашиваю. — Смотри, ты его сейчас себе на ногу уронишь, ведь не железная, такие тяжести таскать.

А она мне в ответ:

— Как есть debil. Чест-слово. Этот камень — моя злоба. Кто я без злобы? Стоит мне избавиться от камня, как все начнут надо мной насмеяться, и я буду, что твоя улитка без раковины!

Миза поплелась, придерживая тонкими бледными руками свой булыжник. Так и было.

Лучшая подружка Мизантропии — Высокомерие. Впрочем, Миза всех ненавидит, и слово «подружка» здесь неуместно. Еще есть Эгоцентризм, ухажер, который постоянно крутится рядом с ними.

Эгоцентризм

Кстати, немножко о товарище Эго. Только немножко, потому как множко он, право, не заслуживает. Эгоцентризм отчаянно пытается привлечь к себе внимание, когда же на него внимания не обращают, он задирает высоко нос и выпячивает нижнюю губу. Очень смешно смотрится, но Эго так не кажется. Он считает, что выглядит в такой позе мужественно, как Наполеон. Да, еще почему-то этот парень решил, что он непременно должен переплюнуть разом Казанову и Дон Жуана, даже если бы те объединили свои усилия в совращении невинных дев. Тоже мне, нашелся половой гигант. Палас в моей гостиной, к слову, имеет много больше оснований претендовать на эту роль.

Эго знает только местоимение «Я» (именно так, с большой буквы), местоимения «ты», «он», «она» ему совершенно безразличны.

Да и мамане нашей Мизантропии такой женишок совсем не по вкусу. Кстати, знакомьтесь:

Романтика. Мама Мизантропии

Удивлены? А чему тут, в общем-то, удивляться? Все закономерно. Итак, Романтика сегодня не в ходу, путешествует только с тросточкой и то на очень короткие дистанции. Это седая бабуля, похожая на пожилую Раневскую, она дни напролет пьет чай в компании лучшей подруги — Ностальгии. С ней

они бесконечно могут вспоминать о том, что раньше и трава была зеленее, и деревья выше, и люди лучше, и вообще, как в Советях прекрасно жилось. Ах! Ну и еще слушать старые пластинки на пыльном патефоне: «Сеееердце, тебе не хочется покооооа...». Довольно скучные дамы, что та, что другая...

Да, у Романтики есть еще и сын, помимо дочери. Зовут Цинизмом, но она не любит о нем говорить, как, впрочем, и Мизу поминает нечасто. Только подливает себе, пока подружка не видит, коньяку в чай.

Папа Мизы, Реализм, давно уже скрылся в неизвестном направлении. Дебоширит, очевидно, вместе с Призраком Коммунизма на необъятных просторах Европы. Сделал свое грязное дело — и был таков. Даже алиментов, сволочь такая, не платит. Так что доподлинно о нем ничего не известно.

Любовь

Что-то не очень весело получается, надо бы и про Любовь сказать. Как Шекспир заповедал, во всем и везде есть любовь. Есть она и в моем общезитии. Бедная, она почти не выходит из своей комнаты, потому ее давно никто и не видел, иные и вовсе перестали верить в ее существование. Конечно, еще бы ей не сидеть взаперти — дверь комнатки оклеили мерзкими розовыми постерами Бритни Спирз и Леонардо Ди Каприо, а по коридору круглосуточно марширует боевой отряд вечно улыбающихся Барби и Кенов. И не поймешь — то ли это куклы так напоминают людей, то ли люди так хотят быть похожими на кукол.

Как же можно не сказать про принца на белом коне? Правда, в наше прогрессивное время этот мифический персонаж немножко видоизменился — теперь это красавчик Атлет-Похожий-На-Мясную-Колбасу, с большой пачкой зеленых долларов и поменявший непарнокопытное животное на дорогой лакированный лимузин. Впрочем, суть осталась той же. Смешно, конечно, но некоторые девочки и впрямь считают, что Принц-Мясная-Колбаса имеет что-то общее с любовью. Ну, что я могу посоветовать девочкам? Вытаскивайте стразы из мозгов.

Ах, да, все бы еще было не так плохо, если бы не эти обрюзгшие, пожилые уже младенцы с жировыми складками. Херувимы, мать вашу, бойцы невидимого фронта. Выправка небесной канцелярии чувствуется еще в их пороссячьих телах, они закладывают в небе фигуры высшего пилотажа, совершая артобстрел. Спасайтесь, кто может!!!

Ну, а про то, чем является символ, выдуманный для Любви, я вообще промолчу. Экие молодцы были римляне! Впрочем, они хотя бы не скрывали, что на самом деле это попа. А вот эстеты эпохи Возрождения решили, что все новое — это хорошо забытое старое, поэтому немного изменили римскую попу и назвали ее сердцем. Как бы это парадоксально ни было, но им удалось убедить весь мир в том, что попа и сердце где-то очень близко, просто одно и то же.

Мне совсем не понятен этот древний креатив. Но, может быть, поэтому Любовь в мыслях и делах человека все чаще сводится к грубой физиологической связи? Тень любви, кстати, давно отняли у законной владелицы, стряхнули с нее таинственный покров первой брачной ночи и продали порнографу Тинто Брассу. Как он распорядился приобретенным, смогут узнать даже первоклассники после вечернего выпуска новостей.

Но не делайте поспешных выводов! Я готов поделиться своей тайной. Однажды я видел Любовь, — да, прежде чем захлопнуть дверь, она одарила меня своей мимолетной улыбкой. Сей миг я храню в самых недоступных закромах души.

Пессимизм

Помнится, я еще вначале обещал рассказать про пройдоху и пьяницу, бомжа, который существует где-то в необозримых катакомбах под моим общежитием, которые назвать подвалом язык не поворачивается. Временами он выползает на божий свет и попрошайничает на крыльце или роется в помойке. Зовут его Пессимизм. В большинстве случаев невменяем, и, если честно, ума не приложу, где он умудряется находить деньги на выпивку. Стыдно, пожалуй, признаваться в том, что он тоже, в какой-то степени, жилец моего общежития. Выглядит крайне неопрятно, небрит, много курит и пахнет совершенно непотребно. Когда к нему обращаешься, цепляется за подол, заглядывает в глаза, — требует внимания. Словом, просто «караул!», а не жилец. Сетует на все, что попадает ему на глаза. Да, кстати, про жалость...

Жалость

Вовремя упомянута эта неприятная, право, особа. Какая-то странная связь держит вместе до сих пор эту стервозную женщину и трагически пьющего бывшего слесаря Пессимизма. Хотя лично мне кажется, что бывших слесарей не бывает, это не профессия, а скорее состояние души. Да, как вы уже догадались, Жалость — жена этого бездаря. Пусть меня порвут в клочья феминистки, но я все же скажу — это именно Жалость довела мужика до такой жизни. Сдается мне, покупка огненной воды тоже спонсируется из ее кармана.

Легкая флегма и большие печальные глаза раскрывают в Жалости достойные задатки актрисы. Еще бы, кто в этой забытой богом провинции, кроме нее, сможет с таким чувством кивать и поддакивать?

По сути, Жалость — низкий и довольно подлый персонаж моего маленького театра, и я бы не советовал с ней связываться. Ни себе, ни людям вы таким образом чести не окажете. В своем вечном махровом халате и с закрученными бигуди она читается в любом Монстре из разряда Кухонных.

Другое дело Сочувствие — сводная сестра Жалости, впрочем, не имеющая с ней ничего общего. Дело с Сочувствием могут иметь только те, у кого кишка не тонка. Знаете ли, не слишком это просто — вытаскивать на собственных плечах чужую душу из болота, а потом поить этого птенчика собственной кровушкой и кормить хлебом. А как еще можно помочь чужой боли, скажите пожалуйста, если не принять ее, как свою собственную? Поэтому Сочувствие, мягко говоря, не так популярна, как Жалость.

Отчаяние

В современной жизни ничто, увы, не обходится без криминала, вот и в моем общежитии есть уголовные элементы. Отчаяние — это наемный убийца. Он сам уже давно не помнит, кто его нанял и кто конкретно его жертва, поэтому отправляет на всякий случай на тот свет целые эшелоны. Так увлекся процессом, что буквально не находит свободной минутки — весь в работе. Впрочем, сидеть на месте ему также не дает мысль о том, что опытный детектив уже давно идет по его следу.

Хочу представить, основной недруг Отчаяния — Деятельность, не раз уже ставил палки в колеса убийце. Выглядит Деятельность так, как и должно выглядеть настоящему детективу, — немного помятый, но живой дяденька в шляпе и с сигаретой, вечно чем-то занят. Его горящий взгляд и пылкая речь не оставляют людей равнодушными. Так он борется с Отчаянием, этот неугомонный дяденька, потому как Равнодушие — сообщник Отчаяния, и где есть один, непременно будет другой, они всегда ходят вместе, эти два душегуба.

Лицемерие

Матерая, опытная и беззастенчивая проститутка. Ее грехов хватает на то, чтобы отправить разом все население Земли в девятый круг ада, при условии, конечно, что оный круг существует. Лицемерие будет говорить, что любит вас, пока вы ей платите.

Оправдывая название своей профессии, Лицемерие набросила путы на правительство, и от века в лицах чиновников неизменно читается знакомство с этой ветреной дамой.

Лицемерие, как правило, можно встретить в компании сильных мира сего (или мнящих себя таковыми). Ее подобострастия нет и не будет предела, и я не перестаю удивляться — до чего же хитра эта шельма.

Но и ей, как видите, нашлось место под крышей моего общежития. Впрочем, хватит уже про всякий сброд!

Радость

Радость широко распахивает двери в темный холл, впуская аромат теплого хлеба из пекарни, что на углу. Радость пролетает ласточкой мимо ошалевшего от такой наглости вахтера. Радость — студентка первого курса. Она здесь недавно, она не знает еще местных порядков — да и знать не хочет, если честно. В чем я с ней абсолютно согласен, к черту всякого рода порядки! Как, скажите пожалуйста, можно придумать хоть что-то новое, если следовать во всем старому?

Легкие дробные шаги Радости раздаются в коридорах моего общежития, она не просто идет — она подпрыгивает, упруго отталкиваясь от заплыванного пола. И остальные персонажи смотрят на нее, — кто с неодобрением, кто с завистью, кто с вожделием, кто с надеждой, а кто с нежностью. Семнадцать лет, и уже в эти семнадцать Радость моя знает, как перевернуть мир. Бедняга Архимед со своей точкой опоры! Если бы он знал, что мир можно перевернуть всего лишь одним взглядом!

В моей душе звенят серебряные колокольчики, я подхватываю Радость на руки, и вместе мы убегаем из общежития. Гулять. Думаю, что во время нашего отсутствия не произойдет государственного переворота.

На улице воздух рвется под струями дождя. Самого настоящего майского дождя! Я беру ее руку, и мы скачем с ней по лужам, как потерявшие голову.

— Пап, ты видишь? — кричит мне Радость.

— Вижу! Вижу! — кричу я в ответ.

Послесловие

Вот такие плюшки, дорогие мои мальчики и девочки. Сказка закончилась, а общежитие стоит. И крыша на месте, даже не течет, что, вне всякого сомнения, хорошо. Да, я надеюсь, что вся эта разношерстная ватага не разнесет мое общежитие по кирпичикам в один прекрасный день. Наверняка хотите спросить, зачем я вам все это рассказал? Нет уж, вот сейчас я прибегну к классической авторской подлянке, — думайте сами, зачем! Думайте. Сами. Вот. Что бы такого еще умного напоследок сказать?

Прыгайте по лужам чаще, господа!

ГЕОМЕТРИЯ И МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ*

Маленькая повесть

Часть первая: Der Verfall. Как ломаются крылья

Герр Фриц

Терр Фриц ненавидел людей. Любил кошек и собак, и даже вполне терпимо относился к крысам и тараканам. Тараканов, например, просто убивал, находя весьма вредными. Он убивал их, но не ненавидел. Людей же ненавидел неистово и закоренело, как умеют только старые упрятанные в клетку волки, лишившиеся зубов, но не злобы. Говорил Фриц мало, и за все годы работы в морге от него нельзя было услышать и пары слов, не относящихся напрямую к роду занятий. Он был высок, худощав, сер лицом, и если бы ему довелось родиться и вырасти в фашистской Германии, то сам фюрер, встретив этого сурового молчаливого немца, непременно сказал бы, что тот — хороший солдат. И оказался бы неправ, потому как герр Фриц хотел быть в стороне от всех войн, да и от людей вообще.

Есть те, в ком не держится ненависть, и, едва зародившись, тут же выплескивается наружу. Герр Фриц был не таков, он был подобен закупоренному наглухо кувшину, в котором ненависть хранилась и настаивалась. Никто и никогда, казалось, не сумел бы проколоть кожу слона по имени герр Фриц, настолько она была толста.

Чаще слоны рождаются из маленьких мух, хотя в нашем случае все произошло несколько иначе. Слон по имени герр Фриц родился из бабочки.

Бабочка-наоборот

Давным-давно, много лун, зим и банок варенья назад, герр Фриц был вовсе не Господином Толстокожим Слоном, а обычным немецким мальчиком, жившим на восточной окраине Берлина, Рейнштейнштрассе, в уютном кирпичном домике с теплыми окошками и камином. Фриц рос достаточно странным мальчиком, он любил играть в одиночку и по своим правилам. Мама даже иногда специально выгоняла его на улицу: «Иди, погуляй, поиграй с ребятами». Фриц несколько часов просто бродил, проситься в чужую игру к незнако-

* В соавторстве с Анной Шушуновой

мым ребятам ему совсем не хотелось. Возвращался домой уставший, мать думала, что ребенок набегался с друзьями, и давала Фрицу что-нибудь вкусненькое. Больше всего он любил яблочный штрудель, который она готовила по выходным. Мать Фрица, Ирма, была той самой благочестивой женщиной из немецких шуток. «Küche, Kinder, Kirche» — и этими тремя понятиями вполне ограничивался круг ее бытия. Ирма была довольно милой, незлобивой и послушной. Она не читала сказки сыну на ночь, муж говорил, что мальчику это совершенно ни к чему. И Ирма слушалась.

Когда Фрицу исполнилось пять лет, она купила в подарок набор цветных фломастеров. С этого самого возраста он начал много и подолгу рисовать — маму с папой, овчарку Гура, деревья в парке. Дальше — начал рисовать по специальному книгам, учился правильно смешивать краски. По соседству жила молодая художница, Фрида, в гостях у которой Фриц часто бывал. Она стала понемногу учить мальчика основам, рассказывала о знаменитых художниках. Кроме того, приложив немало усилий, даже научила Фрица правильно точить карандаш:

— Заточивание карандаша в нашем деле — это то же самое, что для самурая заточка клинка. Какой самурай, скажи мне, потерпит, чтобы его меч был тупым, как русский валенок? Вот-вот, несчастный самурай просто сгорит от стыда и даже не сможет сделать себе хакакири. Так что давай, не ленись, — шутила Фрида, и смешно скрещивала руки на груди, изображая из себя строго наставника.

— Я научусь, вот увидите, фрейлейн Фрида, — отвечал ей Фриц.

Впрочем, это увлечение рисованием не слишком нравилось Штольцу, отцу Фрица. Он говорил, что настоящие мужчины не должны быть похожими на нежных девиц из благородного пансиона, у которых в голове только розовые лепестки. Штольц был солидным бюргером и любое шевеление души пытался упрятать подальше от сторонних глаз. Что уж говорить про собственного сына, — «сопли и слюни», — говорил Штольц. Он решил «сделать из сына настоящего мужчину» — то есть отдал его в школу начальной военной подготовки, как только тот немного подрос.

«Настоящие мужчины», пусть и будущие, не очень-то любят непохожих. У них это не приветствуется. Фриц хотел показать свои рисунки ребятам, но никто даже не стал смотреть. Ему легонько отвесили подзатыльник, чтобы не лез со своей ерундой. И все, может, обошлось бы, если бы Фриц не заплакал. Он не знал еще, что «настоящие мужчины» не плачут, да и вообще не понимал, как надо вести себя в подобной ситуации.

Фриц надолго запомнил крики десятка мальчиков постарше, которые дразнили его. «Mädchen, Mädchen!» — кричали они и смеялись.

После этого случая он долго ни с кем не пытался заговорить, боясь вызвать новую волну издевок. Фриц так и не понял, почему над ним посмеялись и надавали тумаков. А в школе с тех пор его стали считать маменькиным сыночком, девчонкой.

Но из врожденного упрямства Фриц не стал ничего рассказывать родителям. И не бросил занятия в школе, хотя над ним смеялись. Маленький и очень упрямый немец продолжал рисовать, но, увы, у него не получалось одновременно не выпускать кисти из рук и становиться «настоящим мужчиной», каким хотел видеть его отец.

Когда Фрица били, он не мог понять, за что. К тому же, эти тычки причиняли боль скорее его самолюбию, чем телу. На третий год травли Фриц бросил рисовать. Он сделал это в надежде, что его наконец-то оставят в покое, а может, просто иссяк запас упрямства. Так или иначе, однажды после «хорошенького дня» в школе он вывернул на мокрый асфальт содержимое сумки: краски, кисти, карандаши, нож для резки бумаги, стирательную резинку, и долго, упиваясь слезами, топтал то, что, как тогда казалось, принесло ему столько горя. Мальчику Фрицу было десять лет.

Возможно, крылья бабочки при ближайшем рассмотрении похожи на уши слона, если иметь известную долю фантазии. Она, должно быть, имелась в достатке у одноклассников Фрица.

Фриц больше не рисовал. Он пытался влиться в коллектив, вести себя, как остальные, надеялся, что его примут на равных. Но этого не случилось. Все так же летели в его сторону бумажки, а иногда даже карандаши, все так же он раз за разом слышал за спиной однообразные, но от того не менее обидные шутки: «Mädchen, Mädchen!».

Штольц, хотя и видел происходящее, все же считал, что сын просто дает слабину, и не хотел вмешиваться.

Фриц был единственным ребенком в семье, и не мог представить обидчикам самый действенный аргумент за всю историю человечества, — большой крепкий кулак старшего брата. Воистину, этот аргумент порой бывает намного весомее правильных и умных речей.

Каждый сосуд когда-нибудь наполнится, а когда он будет переполнен, то содержимое выплеснется за край. Так и с людьми. Глубока была чаша терпения Фрица, но она переполнилась. И выплеснулась в последнюю пятницу ноября.

Тогда, именно в эту пятницу, казалось бы ничем не выделяющуюся среди прочих пятниц, он отказался заниматься в спецшколе. В тот день Фриц впервые посмотрел в глаза отцу, скрестив руки на груди, и заявил: «Я не буду больше учиться в этой школе. Меня там покалечат».

И отец услышал в словах сына то, на что уже давно закрывал глаза. Впервые Фриц припер отца к стенке. Герр Штольц не знал, что ответить, сын был прав, а он, герр Штольц, нет. Без лишних слов родители забрали документы из спецшколы и перевели ребенка в обычную. Но Фриц уже был слишком нелюбим и замкнут, чтобы прижиться в новом коллективе. Он постоянно ждал тумачов от сверстников, втягивал голову в плечи, никогда ни с кем не заговаривал первым, а когда к нему обращались, он так волновался, что отвечал невпопад.

Учительница рисования, фрау Марта, спросила у Фрица, любит ли он ее предмет, и он ответил: «Ненавижу».

Фриц ждал новых издевок, боялся их, и этим сам же настраивал против себя одноклассников. Ждал. И дождался. Нелюдимого мальчика сторонились, считая странным, а потом, поняв, что он безобиден — начали издеваться. Его прозвище и дурная слава перешли вслед за ним из военной школы. И в сотый, в тысячный раз подтвердились слова Джеймса Барри, автора «Питера Пэна», что дети — самые бессердечные и непонимающие существа.

Так, постепенно, из просто забитого ребенка Фриц превратился в озлобленного и замкнутого подростка.

Он медленно, день за днем, неделя за неделей наращивал слои кокона. Фриц превращался в куколку. Стена за стеной, он выстроил целый лабиринт и заключил в нем себя. Бесконечность пустоты внутри лабиринта — и замкнутый кокон тела снаружи. И каждая новая стена, — это еще один слой кокона.

Всякая гусеница мечтает стать бабочкой. Смысл ее существования в обретении крыльев. И однажды, может быть, мечта будет достигнута. Если, конечно, гусеницу не проглотит птица или не раздавит чей-то башмак.

Но бывает и так, что крылья даны с самого рождения. Хрупкие крылья бабочки, которые можно сломать одним движением пальцев.

«Не летай в облаках, живи как все», — только и слышит юная бабочка. «Ах, маленький засранец, ты не такой, как мы? Ты не хочешь быть таким, как мы? Гордый, да?» — говорят бабочке. И тогда случается самое скверное, что только можно себе представить. Бабочка-наоборот — это мерзкий выворот природы. Это неправильно. Бабочка отбрасывает крылья, как сухие листья. Ее жалкое тельце закутывается в шелковую нить, из которой образуется кокон. И сам Бог не ведает, что за существо выйдет из него. Новый Гитлер, Мэнсон, де Сад? История знает множество примеров. А когда маньяк настигает людское правосудие, и под улюлюкание толпы бравый дядя с молодецким хаканьем рубит злодею голову, никто не вспоминает про искаленное детство.

Однажды в школе с Фрицем случилась история, раз и навсегда переменявшая отношение к нему. Это произошло перед уроком рисования. В тот день лопнул кокон. Это значило, что умер маленький Фриц и родился Господин Толстокожий Слон — герр Фриц.

Герман был первым задирой и красавчиком в классе. Девочки восхищались им, кто втайне, а кто явно. Свита из нескольких парней поддакивала во всем и ходила за ним по пятам. Он же, в свою очередь, отвечал им тем, что пожимал руки при встрече. Остальные парни просто старались с ним не связываться.

Герман был умен не по годам, и прекрасно понимал, что авторитет можно укреплять за счет тихонь.

Вот и сейчас, зайдя в класс со своими дружками, он заметил Фрица, съжившегося на задней парте. Учителя еще не было, и потому Герман громко сказал:

— А где же наша девочка? — никого в отдельности не спрашивая.

— Где же наша девочка, а? А, вот она! — протянул туповатый толстяк Бер, — посмотрите, кажется, он уже обделался!

Герман вальяжно подошел к Фрицу, присел рядом на стул, развязно закинул руку ему на плечо:

— Фриц, я тут подумал и решил, что ты вполне можешь стать моим другом. Я буду защищать тебя от всяких негодяев (он метнул шутивно-грозный взгляд в сторону своих дружков). Так что слушай, ты с этого дня больше не девка! Но для начала докажи мне, что ты парень. Это так, небольшая проверка, все так делают. А ну, покажи нам свои причиндалы!

Девочки, сидящие в строне, захихикали и устались на сгорбленного Фрица.

— А ну, снимай штанишки! — подначивал его Герман, — ну, что молчишь? А, я так и знал, что он девка, — снова обернулся Герман к своим дружкам. Те загоготали в ответ.

— Маменькин сынок, трусливая девка, — измывался Герман.

— Он сейчас расплещется! — с предвкушением начал Зик, еще один дружок Германа, — плаксивая девочка!

— Ну что, сосунок, побежишь жаловаться мамочке, да? — Герман ткнул Фрица под ребро. — Скажешь, что тебя обижают? А может, лучше к папочке? — Еще один болезненный тычок. — Да твой папочка старый козел, он тебе не поможет! — веселился Герман.

Он занес руку, чтобы отвесить Фрицу подзатыльник.

И тогда случилось то, чего никак не мог ожидать красавчик Герман, любилец публики.

Фриц резко выпрямился и бросился на обидчика. Он ухватил занесенную руку Германа и со всей злостью заломил кисть так, что послышался треск. Герман отскочил, ошалело оглядываясь, запнулся, упал под ноги своих прихлебателей и завопил, придерживая покалеченную руку.

Фриц смотрел на растерянные лица одноклассников, кричащего Германа, на его вывернутую руку. У него было ощущение немного кино: вот ошарашенно открывает рот вставший на ноги Герман, вот растерянно хлопают губами Бер и Зик.

Фриц стоял, приготовившись к новому броску. Он хотел этого, он сжимал кулаки. Внутри него повисла звенящая тишина. Внезапно пропал невидимый заслон, появился звук: гвалт одноклассников, нытье Германа, резанул по ушам звонкий голюсок выскочки-Берты: «Фрау Марта, фрау Марта, фраууу...» — словно все слова, кроме имени учительницы рисования, выветрились из ее голювы. Фрау Марта ворвалась в класс:

— Что у вас здесь происходит?

И началось: суета, беготня, кабинет директора, потом приехали родители мальчиков, слезы, крики, угрозы, и слова, слова, слова...

Случай с Германом прогремел на всю школу. Фрица даже хотели отчислить, но кто-то из одноклассников признался: «Над Фрицем иногда подшучивали, он что, шуток не понимает? У этого парня не все в порядке с головой!». Психолог поговорил с мальчиком с глазу на глаз, и сказал, что у ребенка случился нервный срыв. Историю замаяли. Рука у Германа, конечно, срослась, но он долго еще не появлялся в школе. А Фрица перевели в другой класс.

Там его стали обходить стороной. Слухи расплзались быстро, поговаривали, будто Фриц убил одноклассника, но то ли по малости лет не попал в колонию, то ли потому, что родители заплатили хорошие деньги полиции. «Псих, придурок» — так говорили о нем, но не решались кинуть эти слова в лицо.

Однажды произошло еще одно событие, которое закрепило за Фрицем славу ненормального. Как-то раз в столовой ему насыпали перца в чай и решили посмотреть, как он себя поведет. Фриц поперхнулся и выплюнул гадость.

Один из шутников, не выдержав, рассмеялся — право, зря. Фриц схватил стакан и выплеснул остатки горячего чая ему в лицо.

Больше никто не решался трогать молчаливого подростка. И, если приравнять страх к уважению, то можно сказать, что в какой-то мере его стали уважать.

Но Фрица так и не взяли в компанию, он всегда оставался в стороне. Девушки шарахались от него, как от чумного. Это было особенно больно для Фрица.

Ничего, однако, не закончилось. Толпе просто необходим козел отпущения, без этого почему-то не умеет существовать общество. На место Фрица нашелся некий Карл, низенький смешной мальчик. Он смешно шаркал ногами, у него были смешные штаны на ляпочках, и говорил он тоже смешно, как будто за щекой держал конфету. У Карла родители погибли в авиакатастрофе, а жил он у бабушки. Но это уже никак не относится к истории человека по имени герр Фриц.

В должности Сетха

Штольцу понравилось то, каким стал сын. Теперь он отвечал на вопросы отца четко, по-солдатски, и прятал любое шевеление души. Штольц смотрел и видел во Фрице себя, — а что может быть лучше, когда родитель смотрит на ребенка и видит в нем свои качества? Когда Штольц умер от рака, через год, сын не плакал на его похоронах. Отец наверняка похвалил бы Фрица за выдержку. Но был бы неправ, потому что Фриц не прятал чувств. Он просто ничего не почувствовал.

Мать умерла через два года после Штольца, она как-то раз уснула и больше не проснулась. Сердце отказалось работать. На ее похоронах Фриц запретил себе плакать, хотя впервые за долгие-долгие годы у него щипало глаза.

Он продал домик на Рейнштейнштрассе и купил на вырученные деньги небольшую квартиру в центре Берлина.

Дальнейшая судьба Фрица казалась предрешенной. Вчера было похоже на сегодня, а сегодня (и это Фриц знал совершенно точно), будет похоже на завтра.

Когда умерла мама, Фриц уже работал медбратом, как раз закончив обучение по специальности. Фриц не терпел своих собратьев по человеческому сообществу, однако это не помешало ему избрать профессию, напрямую связанную с людьми. Просто хотелось разобраться как можно лучше в том механизме, который называется человеком, а медицина давала все на то возможности. Грубо говоря, разве должен биолог нежно любить лягушек, которых вскрывает?

Но, какое-то время проработав медбратом в клинике, Фриц понял, что с живыми людьми решительно не желает иметь дела. Потому устроился в морг — лучшее место на Земле. Мертвые не умеют врать, мертвые не умеют смеяться. Мертвый не обидит. Словом, мертвецы — самые лучшие люди.

Фриц, пожалуй, нашел свою нишу. Единственное, что его смущало в работе — запах разложения. Этот сладкий аромат первое время никак не желал отпускать Фрица, ему казалось, что весь мир пахнет гнилью, пахнут улицы и мосты, пахнет сама земля, которая насквозь пропиталась мертвечиной. Но человек привык находить выход из любой ситуации. Фриц начал курить, чтобы убить ощущение тошнотворного запаха, и курил он постоянно, выбирая сигареты как меньшее зло.

Поначалу вместе с Фрицем поставили работать напарника, Генри. Но Генри не выдержал общества Фрица больше нескольких месяцев: слишком уж тот был молчалив и угрюм. Генри же, напротив, толстяк и весельчак, шутил, что «все там будем», да и вообще любил поболтать. Однако дальше монолога у Генри дело не продвинулось, все его попытки разговорить Фрица кончались ничем. И как-то само получилось: Фриц стал работать отдельно, к несказанной радости напарника.

Фриц считал работу патологоанатома самой обычной работой, да, по сути, так оно и было. Кто-то грузит мешки с цементом, кто-то подписывает и оформляет договора, а кто-то вскрывает людей после смерти. И это такая же рутина.

Уединение и тишина давали много поводов для философствования. Порой Фрицу казалось, что вскрытая черепная коробка похожа на старый пылесос. Отвинчиваешь колпак, а под колпаком только мусор. Фриц никак не мог взять в толк, как может мозг, под этот кусок серого бугристого вещества, неприятного с виду, управлять мыслями и чувствами человека при жизни. Нет, то есть теоретически он это прекрасно понимал, но представить не мог. Ему даже казалось, что мозг — это что-то ииородное, вроде паразита, овладевшего каждым человеком. И Фриц содрогался, представлял, что вот такой же паразит сидит в его голове, управляет руками и ногами, и мысли Фрица — вовсе не его мысли. Однако Фриц быстро приходил в себя, усмехаясь, что «так и спятить недолго». Не стоит думать, что у Фрица мозги были действительно набекрень, хотя он имел все шансы спятить во время своей школьной жизни.

Еще с детства он увлекся чтением, и начал, как ни странно, с классиков немецкой литературы и философии: с Гете, Шопенгаура, Ницше... однако не попал в те сети, в которые так часто попадают юные рыбешки, ушедшие от реальности в мир хрустящих переплетов, желтых страниц и букв. Иными словами, наш юный Слон не стал прятать голову в песок, оставив это занятие трусливым страусам.

Так Фриц сохранил трезвость ума и вообще изрядно натренировал свои извилины. Но какой прок от большого ума, если не делиться своими суждениями? Так что никому не было дела, умник Фриц или дебил. Он хорошо делал свою работу — значит, претензий у общества к нему не было. Как не было и интереса.

В детстве Фрицу не читали сказок. Став взрослым, он открыл для себя неизвестный прежде мир. Вечера он просиживал, укутавшись в плед, за увлекательными историями про мумми-троллей Туве Янсон и сказками Линдгрена. Иногда он даже брал с собой сборник сказок на работу.

Кривые руки

Как-то раз Фриц зашел в свое любимое арт-кафе «Лера Лайн» в центре Берлина. Цены там были не из низких, но зато посетителей всегда немного, если не сказать, что нет вовсе. Это стало существенным плюсом.

В этот понедельник Фриц решил позволить себе чашечку кофе с мускатом и корицей. Он хотел занять свой любимый столик в углу, в тени от большой пальмы, где его никто не видел бы, зато он мог видеть всех. И почитать там, за маленьким столиком, припасенный томик Туве Янсон. С такими мыслями он шел под промозглым дождем. Но привычно толкнув дверь в кофейню, он увидел людей. Их было много, они ходили, переговаривались, группками и по одному, и это раздосадовало Фрица. К чему бы их столько здесь, да еще и в понедельник? Ответ нашелся быстро. В арт-кафе открылась выставка молодых берлинских художников.

И все же Фриц решил не уходить сразу, он стал рассматривать работы. И чем больше он видел, тем более порывисты, более несдержанны становились его движения. Он весь превратился в зрение, он переходил от рисунка к рисунку, осторожно прикасался пальцем к рамам, читал названия. Особенно его заинтересовал рисунок некоего Фридриха Шнайдера, около него он простоял полчаса. На рисунке была изображена сгоревшая спичка.

Сгоревшая спичка с живыми крыльями бабочки.

Фриц не стал заказывать кофе и напрочь забыл о сборнике сказок в кармане пальто. Он вышел из кофейни, сел на трамвай и поехал в художественный салон. Фриц был словно одержим, такого с ним не случалось никогда после окончания школы, такого с ним не случалось с самого детства. Фриц не мог

ждать до завтра, он едва успел в салон до закрытия. Он купил самые лучшие беличьи кисти, и дорогую французскую гофрированную бумагу, и карандаши разной степени мягкости, и планшет. Фриц вывернул свои карманы, он потратил все, до последней марки.

Придя домой, он аккуратно снял пальто, не спеша прошел в комнату, достал бумагу, карандаши и планшет. Он был счастлив, он вспомнил что-то далекое, он хотел рисовать. Впервые за все эти годы он хотел рисовать. Он вспомнил ароматный яблочный штрудель, и как горел свет в окошке, когда он возвращался вечером. И теплые мамины руки. Все самое светлое, что у него было в жизни, вспомнилось ему. Он взял карандаш, наколол хрустящий тонкий лист на планшет, закрыл глаза, потом снова открыл и начал рисовать.

К его ужасу и непониманию, ничего не получалось. Не получалось ни черта, руки не хотели слушаться Фрица, это были совсем чужие руки. В припадке злобы он даже схватил нож для резки бумаги и порезал непослушные пальцы. Исчерканный дурацкими загогулинами, грязный, помятый лист дорогой французской бумаги закапало красным.

В эту ночь Фриц не спал. Он метался по маленькой квартире, как крысенок в клетке, хотелось сесть в угол и скулить, и ждать, когда чья-то теплая рука погладит по голове. Но не было и не будет руки, эта холодная, пустая квартира вообще никогда не знала гостей. Ссутулившись за настольной лампой, Фриц взял общую тетрадь, и быстро что-то начал писать...

Строчки из дневника:

«Мама, мне страшно. Здесь пусто. Страх попал в кровь, и теперь я точно не усну. Моя кровь такая же холодная, как у трупа? Я запутался. Мысли тяжелые, они одеты в робу. Мысли разгружают вагоны с пустотой. Мешки с пустотой тяжелее, чем мешки с песком. Пустота — внутри, снаружи, везде. Не продохнуть. Хочется распахнуть форточку и кричать, просто кричать, потому что у меня нет слов. У меня ничего нет, все отобрали. Пальцы непослушные, они налиты свинцом, тяжелые грузы на концах плетей-рук. Бесполезно! Слепой глаз настольной лампы приколотил к стене мою тень. Она как-то не в себе, моя тень, согнулась, сгорбилась, обхватила руками голову, что-то с ней не так. Холодно. Хочется включить во всех комнатах свет, радио, телевизор, поставить чайник, пускай свистит, только бы не эта тишина, пускай, пускай играет самая веселая и нелепая музыка. Но это все обман, никого нет! Сил нет, мне не сдвинуться с места, тень накрепко приколочена к стене.

Ночь имеет свой вкус и запах. Это вкус остывшего чая. Это запах крепких сигарет.

...Выпустите, выпустите меня отсюда!..

...Я не родился инвалидом. Зачем меня таким сделали?»

В ту ночь герр Фриц плакал. Сердито морща лицо, как будто кто-то мог увидеть, пытался остановить слезы и не мог.

Под утро он забылся, свернувшись на нерасправленной постели.

Сладкие духи

Женщины всегда казались Фрицу существами с другой планеты. Ему совершенно не было понятным, почему неожиданно они могут становиться злыми и раздражительными. Или почему мимолетная улыбка девушки, адресованная вовсе даже и не Фрицу, может заставить стадо мурашек пробежать по его спине. Это было детское любопытство, которое вовсе не сводилось к тому, чтобы залезть девушке под юбку. Фриц, конечно, понимал, что существует и плотская любовь, позывы страсти, и отнюдь не пытался давить в себе желание. Другое дело, что его желание плотской любви было наивным желанием подростка, то есть не имело очертаний. Что-то странно-притягательное, приятное, как сгущенка, и радостное, как солнечный день, виделось ему в женщинах.

Первый раз Фриц узнал женщину в двадцать пять, и этот случай стал для него одним из самых отвратительных моментов в жизни. Он так и не смог вытравить из памяти запах ее духов и имя. Эмма. Эмма. Эм... Это проклятое имя стало для Фрица поводом для тошноты.

Дрянь. Шалава. Разгульная девица. «Ты в постели такой же холодный, как твои трупики?» — вспоминал Фриц, и ему становилось дурно. «Ну что же ты так, мальчик мой? Айн-цвай-айн-цвай-аллес?» — словно киноплёнка, раз за разом... та душная, липкая, мерзкая ночь.

И это гадкое чувство, когда Эмма запихнула свой мерзкий язык ему в рот, прижалась душным, жарким телом. Так она, наверное, делала со всеми и всегда. И бьющий прямо в нос запах ее пота и вульгарных духов... приторный запах. Ему показалось, как будто он переспал с одной из своих полуразложившихся «пациенток».

Много, много часов подряд Фриц стоял под горячим душем. Ему казалось, что все его тело покрывает липкая дрянь. Но и потом, много позже, его не оставило ощущение, что он не смог отмыться.

Обычная смерть. Es ist alles

Вот и все, пожалуй, а более ничего интересного в жизни человека по имени герр Фриц не происходило до сорока лет. Дни текли, книги прочитывались, люди не перестали умирать, не изобрели они эликсир бессмертия — а это значило, что и Фрицу работы хватало. А в сорок Фриц и сам начал умирать.

Часть вторая: Der neue Anfang.

И болью можно лечить

Госпиталь

Фриц начал умирать. Он тяжело заболел, страшный кашель не давал покоя днем, и особенно ночью. Фриц быстро уставал, ничего не мог есть и постоянно хотел спать. Болела голова, иногда сильнее, иногда слабее, но совсем боль не исчезала никогда. И, черт возьми, выматывающий, с кровавыми ошметками, кашель выжимал наружу все нутро, так, что после приступа Фриц с трудом мог разогнуться и добрести до постели.

Это был туберкулез. Он вскрылся на последней стадии, и доктора сказали Фрицу, что шансов на выздоровление у него не много. Так Фрица определили в госпиталь.

Госпиталь находился за пределами Берлина, в небольшой дубовой роще. Туберкулезный корпус стоял чуть поодаль остальных, серый, пятиэтажный, похожий на тюрьму. Когда Фрица привезли, стоял теплый весенний день, ощущимо пригревало солнце, и от этого еще муторнее становилось на душе. Фриц ощущал себя заключенным, приговоренным к повешению. И не было ни одной лазейки, чтобы избежать казни.

Корпус госпиталя походил на тюрьму общего содержания не только снаружи, но и внутри. Отовсюду веяло казенным, чужим, враждебным. Едва ступив за порог, Фриц почуял — все. Так волк, которого загоняет стая гончих, чует свою скорую смерть.

Чистые полы, отделанные белым пластиком стены, и особенно приторно-добрые лица докторов — от этого тошнило. Стерильность, чистота и безыходность. Пахло лекарствами и кварцем. Вместе эти запахи рождали подавленность и тревогу, все становилось безразлично.

— Вот, ваша сто двадцать восьмая, герр Фриц, — сказала толстая дородная фрау, что провожала Фрица в палату.

В помещении было четыре койки, три пустовали. На четвертой, у двери, сидел иссохший старик, который что-то бормотал себе под нос. Когда вошел Фриц, он только глянул в его сторону, хотел что-то сказать, но закашлялся. Едва отдышавшись, старик представился:

— Меня зовут Луи, аррргх... — он говорил придушенно, — Луи Шильман. Я тут уже третью неделю, и чую — недолго осталось...

Фриц промолчал. Он прошел к кровати, что стояла у окна, и положил на нее тощий пакетик со своими вещами. Вещами, смешно сказать: он взял с собой книги и тетрадь в клеенчатой обложке — свой дневник. Ну, еще бритву, кусочек мыла и полотенце, как положено. А зачем на тот свет вообще что-то брать? «Помыться напоследок, чтобы ангелы не обсмеяли грязнулю», — по-

пытался пошутить Фриц сам с собой, но понял, насколько жалкой выглядит его бравада. Зачем лицемерить, да еще и с самим собой?

Бред. Ангелы. Чушь собачья.

Фриц не верил в рай, и вообще плевать хотел на любую религию. В детстве ему хватило отца, который «знал, как надо обращаться с мальчиками». Все, хватит с Фрица, никаких учителей и практических руководств пользования человеческой жизнью!

Он вытащил карандаш из кармана, достал тетрадь, и ни на что уже не обращая внимания, начал писать:

Строчки из дневника:

«Религия? Это как укол морфия. Это для слабых. Не смешите меня, умоляю... Религия. И этот их бестолковый Бог. Как, скажите, пожалуйста, умереть можно за весь мир? Умереть можно только за себя. Я видел много мертвецов. Сомневаюсь, что они задумывались, зачем умирают. Сомневаюсь, что они вообще задумывались, зачем живут. Я вижу толпу людей, но я не вижу человека. Толпа — это какое-то странное существо, самодостаточное в своей сытости и бедноте.

Какое точное определение дает их религия — паства. Да, всего-навсего отара овец. Овцы — самые безмозглые существа в мире. Тот, кто ищет, у них не в почете. Можно сколько угодно твердить о личности, но на деле все люди одинаковы. Иными словами, человек — животное коллективное.

А крест? Да, весьма остроумно сделать своим символом орудие пыток. Ну что же, церковь с лихвой оправдала свою символику — стоит только вспомнить, что она творила в средние века. А, много нагрешил? Все искупит звонкая монета — раз, и отпущение грехов уже у тебя в кармане. Иди дальше, насилуй, жги, убивай. Иисус, видимо, любит горячую кровушку. Как и любой другой идол, выращенный на людской фантазии.

Я не хочу в их рай. Не смешите меня... как может быть *всегда* хорошо? Я уже не говорю, как может быть *всем* хорошо?

Отвалите. Я просто хочу, чтобы все поскорее кончилось... и если рай есть, то первым делом я хорошенько начищу морду вашему Богу».

Я не родился инвалидом

Так незаметно наступил вечер, и сестра принесла ужин. Есть не хотелось.

Фриц почувствовал, что очень устал и хочет спать. Он лег вниз лицом на жесткую постель и закрыл глаза.

Ему снился очень странный сон. Фриц видел себя на работе, один из будних дней, ничего необычного. Привезли мальчика и велели Фрицу осмотреть тело. Мальчик был лет пяти. Надутые детские губки, носик сапожком, светлые во-

лосики. А у плеча, где должны начинаться ручки, там кровавые культяпки. Фриц отвернулся, чтобы взять нужные инструменты и приступить к вскрытию. Когда же он повернулся, ребенок уже сидел на операционном столе, смешно раскачиваясь, как русский ванька-встанька. «Произошла ошибка, мальчик живой, но как?» — пронеслось в голове у Фрица, а тем временем этот мальчик встал на ноги, едва не упал со стола, но сумел удержать равновесие. Ребенок встал и начал говорить:

— Я родился нормальным. Я не был таким. Зачем вы сделали меня инвалидом? — мальчик словно читал стишок на детском утреннике, смешно переступая с ноги на ногу. К горлу Фрица подкатила тошнота.

— Не родился таким. Зачем вы сделали меня инвалидом? — словно заведенная кукла, повторял ребенок.

Фрицу в голову пришла спасительная мысль: это и правда кукла, чья-то злая, очень злая шутка. Но ребенок пошел. Медленно он дошел до края стола, выгнулся, как кошка, и ловко спрыгнул на пол. Он шел к Фрицу.

— Сделали меня инвалидом! Зачем?...

Фриц шагнул назад и упал. Последнее, что он видел перед собой, прежде чем зажмуриться, было лицо уродца — совсем-совсем близко.

— Зачем? Меня? Инвалидом?

Уходить надо, не оглядываясь

Фриц закричал, и от его крика проснулся старик Луи, захрипел и закашлялся. Прибежала дежурная медсестра. Луи скорчился на кровати, задыхался, и когда его немного отпускало, хрипел, насколько позволяли связки:

— Сестра, сестра, мне страшно, сестра, я умираю! Сестра! — он судорожно стал хватать ее за руки, как утопающий.

— Успокойтесь, все в порядке. Сейчас я сделаю вам инъекцию, и все будет хорошо... потерпите немного, все сейчас будет хорошо, — бормотала девушка, наполняя шприц лекарством. Сделала укол, и Луи успокоился, распрямился, затих. Приступ прошел.

Все это не заняло и нескольких минут. Затем девушка подошла к кровати Фрица, присела на краешек:

— Тихе, тихе. Вам что-то плохое приснилось, да?

Фриц не мог разглядеть лица, но по голосу понял, что это не та медсестра, которая приносила ему ужин. У этой медсестры был какой-то странный акцент.

Фрица все еще била дрожь:

— Сестра, дайте успокоительного. Мне приснился сон. Плохой сон.

— Тихе, все уже позади. Все плохое закончилось. Успокоительное? Сейчас... — начала медсестра, но Фриц ее оборвал:

— Да о чем вы вообще говорите? Сегодня эти ублюдки в белых халатах весь день улыбались мне. Да, им еще жить, и они радуются, что вот я умираю,

а они живут. Уроды! И вы тоже! «Все плохое позади!»! Все позади! И вы туда же! Да я и без вас в курсе! Отвалите от меня!

Фриц точно захлебнулся на полуслове, и почувствовал, как по лицу течет что-то теплое, противное, как моча. Вытекает из глаз и вымывает русла на щеках. Он отвернулся, и ждал, пока сестра уйдет. Повисло молчание, и Фриц его нарушать не собирался. Зато нарушила сестра, и в ее голосе не было больше этой жеманной, обязательной вежливости:

— Вы, наверное, ждете, что я вас начну жалеть. Знаете, вы не первый, и уж точно не последний, кто умирает в этих стенах. Может, возьмете себя в руки и перестанете ныть? Поверьте, мне наплевать, кем вы были. Попробуйте хотя бы достойно умереть.

Фриц хотел бы разозлиться на эту дуру, но вместо того, чтобы бросить что-нибудь едкое, он спросил:

— У вас странный акцент, вы не немка?

— А у вас, должно быть, отличный слух, раз вы сообразили. Да, я не немка, но какая разница?

Фриц, к собственному удивлению, проглотил это высказывание:

— А кто вы? — спросил он, чтобы продолжить диалог.

Он уже не хотел, чтобы сестра уходила сейчас. Хотелось говорить, за годы внутреннего молчания.

— Русская. Меня Вера зовут, — уже спокойно ответила сестра, — знаете, мне обход надо продолжать. А вы... а ты все-таки подумай над тем, что я сказала.

Фриц понял, что эта странная русская оказалась права, и что вот сейчас она уйдет. Он хотел остановить ее, но это значило бы еще раз проявить слабость, прогнуться. Нет, такого не будет. Потому он просто выдал:

— Хорошо.

Девушка ушла, ничего не сказав, даже не пожелав напоследок доброго сна. А Фриц остался один в темной палате, один, потому что старика Луи он уже не считал за живого человека. Слезы давно высохли, но не принесли облегчения, как это иногда бывает. Было тяжело, и болела голова.

Слишком темно, чтобы делать записи в дневнике. Фрицу нужно было выплеснуть куда-нибудь бурлящий котел, в который обратилась душа, жажда диалога застряла в горле комком невысказанности, комком из спекшихся слез и желчи. Потому он начал говорить тихонько, шепотом, сам с собой:

— Эта русская оказалась права. Никому нет дела, как я жил до этой палаты, до этого паршивого госпиталя, до болезни. Как и мне нет ни до кого дела, мне решительно наплевать на чужие проблемы. Я жил в свое удовольствие, честно работал, и пусть кто-нибудь попробует сказать, что моя работа бесполезна. Но, ведь, по сути, если бы не было меня, разве не нашлось бы другого человека на эту должность? Да и сейчас, наверное, на мое место уже кого-то нашли. Каждый человек — это шестеренка, которая работает, пока

не изнашивается. А когда изнашивается, Завод Мирового Порядка выпустит на свет новую детальку. Вот и все. Выходит, я жил совершенно зря? Выходит, я точно такой же, как и все остальные люди? И сейчас меня похоронят, заруют в землю, в мягкий пирог чернозема с человеческими костями? Все, все, все едино для всех. Не важно, красавчик ты или урод, неудачник или баловень судьбы, когда ты мертв. Что же тогда вообще имеет смысл, когда все мы приходим в итоге к одному? Зачем? Впрочем, что это я, разумно ли спрашивать у коров, пасущихся на лугу, о смысле их бытия? Но что же вышло? Я такая же корова, как и все остальные. Чего я добился на деле, кроме пустой брехни? Ничего! Уйти достойно. Да, пожалуй что. Но и в этом уже нет никакого смысла, так, просто красивый жест. И все-таки, все ведь умирают, пройдохи и благородные сэры, президенты и нищие, гении и тупицы. В чем разница? Об одних вспоминают, а когда умирают другие, то этого просто не замечают. Я умру, и кому до этого будет дело? Даже родственников нет. Я всю жизнь прожил, как рак в своем панцире. Мир, в свою очередь, повернулся ко мне задницей. Что мне остается?

...Я вас всех ненавижу, ненавижу, ненави...

Ааааааааа!!! Я не хочу!

Какая разница, как ты умер? Важно, как ты до этого жил. Как обидно, герр Фриц, как обидно...

Фриц не смог уснуть до самого утра, он вертелся на узкой койке, не в силах сбегать от своих мыслей. А утром выяснилось, что умер старик Луи... Как его там, Луи... Штильман? Фриц не смог вспомнить.

Серые дни в госпитале были похожи один на другой. Утро: процедуры, завтрак, свободное время, терапия. Потом обед, послеобеденный сон, свободное время, ужин, отбой. Фриц походил на скелет, ел он мало и все реже вставал с постели. Так прошла неделя — одна маленькая вечность по дороге в смерть.

Кирпичи и леденец

Судьба похожа на рабочего, который все роняет нам на головы кирпичи — то ли случайно, то ли ради собственного развлечения. Странно, право. И если у пострадавшего не подломятся ноги, то, может быть, судьба превратится в добрую тетушку и подарит нам леденец — за терпение. У каждого своя судьба, своя смерть. Они идут рука об руку, эти две женщины. Идут вслед за нами шаг в шаг. И нет никого ближе, кроме нашей смерти и нашей судьбы.

Судьба достаточно осыпала человека по имени герр Фриц кирпичами. Свое право на леденец он заслужил.

Линии скрещиваются

Вера вышла из палаты, не сказав ничего. Да и вообще, о чем можно разговаривать с человеком, который уже сам вырыл себе могилу, лег в нее, и теперь пытается лаять на живых из этой могилы?

Вера работала в госпитале давно. Когда-то ее родители бежали в Германию от советского режима, в результате — безденежье, голод, презрение. Их тогда называли «русскими свиньями». Мать умерла почти сразу после переезда, когда Вера была еще маленькой. Сейчас Вера заботилась о больном отце. Ее скромной зарплаты едва хватало на еду и лекарства папе. Так она жила в благополучной Германии на краю бедности.

Несмотря ни на что, Вера любила Берлин, он напоминал ей русскую северную столицу, откуда приехали ее родители. Может быть, потому что именно немцы приложили руку к строительству Санкт-Петербурга?

Впрочем, город — это прежде всего люди, а не здания и улицы. Вера любила людей. Другое дело, что не всякий, кто может членораздельно выразиться и ходит на двух ногах, является человеком. Вере встречались только хорошие люди.

В госпитале коллеги коверкали ее имя, как могли. Казалось бы, что проще — Вера? Порой Вера даже думала, что это делают специально, но ее это мало задевало.

В свои двадцать семь Вера видела достаточно смертей, чтобы так смело разговаривать с тем умирающим немцем. Ухаживать надо, не оглядываясь.

Фриц часто думал о русской медсестре. Прошла неделя, а она ни разу не появилась в палате. Фриц собирался с силами и выходил в коридор, но и там не видел странную русскую. Ему хотелось поговорить с ней.

Фриц остался один, после того, как умер Луи, в палату никого не подсаляли. Он устал от жалости, его тошнило от вежливости. От девушки по имени Вера он впервые услышал хоть что-то честное, пусть и не слишком приятное.

Фриц вырвал из своей тетради чистый лист и написал на нем письмо. Вечером пришла сестра Гретхен, и Фриц долго упрашивал передать маленький конвертик Вере.

— Вы понимаете, что нам не велено брать что-либо... у больных, — Гретхен осеклась, потому что хотела сказать «обреченных».

— Пожалуйста, сестра, передайте это девушке, ну, вы должны знать, ее зовут Вера, она русская, это очень важно!

— Русская? Вера? Вы что-то путаете, я не знаю... нет. Нам не положено... Тогда Фриц не выдержал:

— Черт возьми, вам что, сложно выполнить мою просьбу? Где у вас кремируют трупы, а? Скоро я оценю по достоинству ваш крематорий! — И уже тише: — Передайте ей эту записку, пожалуйста...

— Ладно, давайте сюда, — уступила Гретхен.

Вера держала в руках конвертик, сложенный из тетрадного листа. На нем карандашом было написано: «Русской Вере, пациент из палаты № 128».

Развернула, начала читать:

«Меня зовут Фриц. Я учусь умирать. Дальше зачеркнуто. Я никому не жалуюсь и, в первую очередь, не жалею себя. Я тогда нагрубил вам. Вы, может быть, меня уже и не вспомните, я слышал, что русские помнят только хорошее и не помнят плохого.

Простите меня. От вас я впервые здесь услышал что-то честное. (Спасибо) зачеркнуто. Вы оказались правы — я в своей жизни не сделал ничего такого, что заставило бы обо мне вспомнить, и остается только достойно уйти. Как хотелось бы сделать хоть что-то, хотя бы перед смертью, что-то необычное. Знаете, я всегда старался быть в стороне и играть даже не вторые, а третьи роли в этом Маленьком Театре... Как оказалось, тяжелее всего играть ничего не значущую роль. Скоро придут рабочие сцены, унесут декорации. Зачеркнуто.

...У меня болят глаза, простите, я не могу больше писать...».

Ниже был коряво нарисован галчонок в клетке. И дальше, бегло, нервно, как прыжок, дописано:

«P. S. Я очень бы хотел вас еще увидеть».

Фриц не надеялся, что Вера ответит, он отдал письмо, и вдруг стало легче. Словно бы он сделал все, что мог. И потому, когда назавтра пришла сестра Гретхен и вытащила из кармана записку, Фриц не смог даже ничего сказать. Кольнул под ребра страх — а что, если Вера вернула его собственное письмо? Но это оказался ответ, всего одна строчка:

«Сегодня в 00.30 ждите возле палаты. Я приду».

Сердце Фрица забило — что там, отчего ему ответили, а вдруг просто захотели пошутить? Зачем возле палаты, придет ли эта русская, и если придет, то что потом?

В тревоге и ожидании прошел весь вечер. Небо темнело, Фриц сидел на койке одетый и следил за временем. Время, в свою очередь, ползло медленно, еще медленнее, чем обычно в госпитале, и казалось, минуты растягивались в часы. Фриц вспомнил, как однажды он ездил на поезде в Мюнхен — там, в дороге, минуты тоже тянулись — километры бегут, а время стоит.

Вера всегда была немного сумасшедшей с точки зрения любого нормального немца. Иными словами, она была русская — вся, от пяток и до затылка. А от русских можно ждать чего угодно. Почему Вера решила встретиться с этим немцем по имени Фриц? Она увидела в нем человека. Измученного, озлобленного, но человека. Что мешает ей подарить настоящему человеку маленькое чудо перед смертью? Если он, конечно, его оценит.

Вера посмотрела на часы — как быстро летит время, уже пора идти! Она запахнула белый халат, поправила волосы, и поспешила на второй этаж — к палате «обреченных» № 128.

Геометрия и мыльные пузыри

Фриц не выдержал, и вышел из палаты раньше. «Эта русская решила посмеяться надо мной!» — думал он, нервничал, оглядывался. В гулком коридоре было пусто. Вдруг сердце Фрица совершило сальто-мортале и приземлилось в желудок, — послышался стук каблуков. «А если это обход?» — прокатился медным звоном ужас, согнул слабые ноги. Но вскоре Фриц увидел Веру:

— Guten Tag. Ты, наверное, думал, что я не приду? — спросила она, видя, как нервничает Фриц.

— Да, то есть, нет, то есть да. Наверное. Почему...

— Тише, все вопросы потом задавать будешь, — подмигнула она Фрицу, — а сейчас пойдем.

— Куда?

— Увидишь, — она взяла Фрица за руку, тот вздрогнул.

— Пошли, пошли, скоро обход будет...

Стараясь не шуметь, они вышли на лестничную площадку и поднялись на пятый этаж.

— Знаешь, куда мы идем? — спросила Вера, и, не дожидаясь ответа, — еще выше!

Она достала из кармана халата ключи от крыши, которые ей едва удалось раздобыть. По сути, она их просто стащила. Фриц помог откинуть тяжелый люк, и они вдвоем выбрались на крышу туберкулезного корпуса.

Фриц едва не захлебнулся свежим ночным воздухом, простором, небом. Он зажмурил глаза и долго не открывал. Минут пять, наверное. Фриц дышал полной грудью, хотя дышать все равно было больно, воздух со свистом выдирался из легких. Но он хотел напоследок вобрать в себя побольше этой свободы, этого воздуха. Чистый ветер, казалось, омывал грязное тело, сдирал с лица коросты усталости. Потом Фриц открыл глаза. Большая Медведица раскинулась прямо у него над головой, и было еще много-много звезд, ярких и бледных. На

запредельной высоте повис желтым осколком стекла полумесяц. Молодой, тонкий, он только начинал жить.

Фриц точно стоял на дне колодца, и небо было высоко-высоко. Как в сказках про мумми-троллей. Фриц хотел поблагодарить Веру, но боялся что-то говорить, боялся, что его слова разрушат сказку. Наконец сбивчиво он начал:

— Вера, это так... спасибо...

— Звезды, ты видишь? — смеялась Вера, — звезды, понимаешь?

— Да, я... спасибо, какой воздух, такой, что...

— Да, воздух! Чувствуешь?

Так они стояли, словно дети, и сами не заметили, как взялись за руки. Над ними плыло огромное, темное, великое небо, и убегал куда-то в необозримые дали млечный путь.

— Это как если бы море, только вверх ногами, — прошептал Фриц, но Вера услышала:

— Что за околесицу ты несешь, друг мой немец? — рассмеялась она. — Хотя, в общем-то, да, похоже! Знаешь, что у меня есть?

— Нет, а что у тебя есть? — недоуменно спросил Фриц.

— Вот, смотри, — и она достала из кармана флакон с жидкостью для мыльных пузырей, — пойдём!

Они подошли к краю крыши и сели на парапет, свесив ноги. Под ними — пять этажей боли, пять этажей отчаяния, пять этажей беспокойных ночных криков. Над ними — только небо. Вера надула мыльный пузырь, ветер подхватил его и понес прочь.

— Мне кажется, что ангелы выглядят именно так, — сказала она.

— Я не верю в ангелов, — начал Фриц, но понял, что это ровным счетом ничего не значит, — а почему ангелы выглядят, как мыльные пузыри?

— Потому что ангелы появились из дыхания Господа! А знаешь, как выглядит сам Господь?

— Нет.

— Господь на самом деле — это равносторонний треугольник! Спросишь, почему? Единство трех начал — Отец, Сын и Святой дух! Геометрия и мыльные пузыри!

Фриц рассмеялся, неловко, он забыл, что такое смеяться. Фрицу казалось, что он смеется впервые в жизни — возможно, так оно и было. Смех вырывался из груди толчками, будто вместе с ним выходило что-то застарелое, больное, это было похоже на гной, выходящий из старой раны. Фриц смеялся.

— На, попробуй, — Вера протянула Фрицу флакон.

Он дунул, и целая стайка новорожденных ангелов улетела в небесную канцелярию, где всем заправляет треугольный Бог.

— А ты забавную такую птичку нарисовал на листочке, — вспомнила Вера, — ты рисуешь, да?

Фриц почувствовал, как внутри забурили дикие воды, и плотина не выдержала. Его просто прорвало. Он начал рассказывать обо всем: о маме, об отце,

о страсти к рисованию, о своих, бесполезных теперь, кривых руках. Вера внимательно слушала, иногда переспрашивала, и снова слушала. Часто Фриц сбивался, его речь была путаной, корявой, он никогда в жизни не говорил так много, обычно все его общение с окружающим миром ограничивалось набором стандартных фраз вроде: «добрый день» и «будьте здоровы». Так они сидели долго, и Вера держала руку Фрица в своих ладонях. Небо на восходе начало светлеть.

— Нам пора, — сказала Вера, — пойдем.

И они встали, счастливые и будто немного пьяные. Фриц выговорил все, что годами копилось у него на душе, — на деле для этого не потребовалось так уж много времени. Стало легко, как будто Фриц сдал сложный экзамен, и теперь уже не о чем беспокоиться.

Необычная терапия

На следующий день Вера заглянула в палату к Фрицу. Он сидел на койке и читал, поднял глаза, улыбнулся. Они посмотрели друг на друга, как заговорщики.

— Что читаешь? — спросила Вера.

— Только не смейся. Это сказки. Знаешь, Туве Янсон... Я зачитал эти истории про мумми-троллей до дыр. Они стали для меня чем-то вроде библии.

— А, это про Снусмумрика, Сниффа, Фрекен-Снорк? Конечно, знаю! Ты что, я же выросла на этих книгах! Хочешь, я буду читать тебе, когда не на дежурстве?

Фриц улыбнулся, и его лицо, обтянутое желтоватой кожей, снова стало живым и подвижным:

— Да, конечно, хочу! Мне никогда не читали вслух!

Так Вера ходила к Фрицу читать сказки, чаще всего ночью. Она забиралась на его постель с ногами, запалила свечу и ставила ее на подоконник. Когда они слышали, что по коридору кто-то идет, то быстро гасили свет. Они вели себя совсем как дети, и, признаться, Фриц забыл о том, что ему скоро умирать. Да и смерть, похоже, забыла о нем — Фриц быстро набирал вес, ходил и разговаривал все больше, и что самое главное — все реже с ним случались приступы кашля. Он не плевался больше кровью. Вера заметила эти изменения первой:

— Похоже, ты выздоравливаешь, мой друг немец!

А Фриц между тем и правда выздоравливал, да такими темпами, что через два месяца изумленные доктора на обследовании узрели факт совершившегося чуда. Они вертели Фрица так и эдак, и только разводили руками. Обследовав его трижды от зубов до пяток, взяв кучу анализов, ученые мужи собрали консилиум, и как будто бы с неохотой признали, что Фриц действительно здоров. Хотя для науки было бы проще, если бы он умер. Пришлось выписывать.

Фриц не хотел долго прощаться с Верой, он не терпел комканных речей и каких-то пустых обещаний. Они заранее договорились, что непременно встретятся вне стен госпиталя. Потому их беседа не затянулась и на пару минут. Фриц просто спросил:

— Скажи, теперь все ведь будет хорошо?

— Конечно, мой глупый немец. На выходных я приеду к тебе в гости, — и Вера легонько щелкнула Фрица по носу.

Фрицу не разрешили забрать из больницы ни одной вещи, в том числе и дневник. Вот последние записи, сделанные в нем:

«Я понял кое-что о людях. Возможно, не все они так плохи? Вера хорошая, я могу ей доверять. Я знаю это так же четко, как и то, что у меня на руке пять пальцев. Значит, нельзя всех равнять... как там говорила Вера: «под одну гребенку?» Да, кажется, так. Как я был глуп все это время, когда закрывался от всех подряд, страдал от одиночества, и если бы даже кто-то хороший постучал в мою дверь, я бы сделал вид, что не услышал. Чтобы понять это, мне надо было... как это по-русски? А! «Хлебнуть лиха!» Как я был глуп...»

Имаго

На работе чудесное выздоровление Фрица приняли с большим воодушевлением. Человек, которого взяли ему на замену, оказался пьяницей. От него никак не могли добиться нормального отношения к работе, и в конце-концов выгнали. Впрочем, Фрицу это было все равно.

Фриц ждал встречи с Верой, прибрался в своей маленькой холодной квартирке, купил мыльных пузырей, сладких булочек и сливового вина. На улице цвела акация. Девочка Весна налилась соком и обернулась спелой румяной женщиной. Так началось лето.

Фриц шел по Берлину, и люди, легкие, как бумажные кораблики, плыли навстречу, и Фриц улыбался им, а они улыбались в ответ. Фриц с нетерпением ждал выходных, однако случилось так, что он увидел Веру раньше.

Ее тело привезли в пятницу, как раз когда была смена Фрица.

Мертвой ее нашли в ста метрах от собственного дома. Вера возвращалась с работы поздно вечером, переходила дорогу, и ее сбил какой-то пьяный лихач.

Стоп-кадр, рвется пленка, матерится Поднебесный Оператор, конец фильма. Фриц смотрит на Веру, она смотрит на Фрица. Вера не мигает. Вера не дышит. Вера мертва. Немота во всем существе Фрица: в его опущенных руках, в одеревенелом лице, в пересошем рту. Язык ворочается, как чужой:

— Meine liebe...

Тик-так, тик-так, кто-то что-то говорит Фрицу, тик-стук, тик-стук — учащенные шаги его сердца, кровь стучится в виски. Фриц ничего не слышит.

А где-то на бескрайних просторах внутренней Африки гибнет слон по имени герр Фриц, мучительно заваливается на бок, чтобы рухнуть всей своей страш-

ной массой. Происходит Маленькая Душевная Хиросима. Вспышка света — и исчезает все: одинокие просторы Африки, умирающий слон, исчезает лабиринт, исчезает заключенный в нем человек, исчезает покалеченный ребенок без рук. Взрыв сносит все, чторосло, налипло за все эти годы. Не остается ничего — только новый, чистый, страшный белый лист. Каждая новая смерть означает рождение, равно как и новое рождение — смерть. Башня, выстроенная на груди человека, называвшегося когда-то Фрицем, рухнула окончательно. Остался только фундамент. Остался маленький, испуганный мальчик. Все вернулось к тому, с чего началось. Встреча с Верой — это трещина в кирпичной кладке. Ее смерть — это рухнувшая темница.

Тик-так, тик-стук, стук-стук — Фриц смотрит на мертвое тело. Прошло не больше минуты, но все успело измениться. Фриц уже видит перед собой просто труп.

Post scriptum

Строчки из дневника:

«Как я был глуп, когда связал свою жизнь с мертвецами, а не с живыми людьми. Да, мертвые не умеют лгать, мертвые не умеют смеяться, мертвый не обидит. Но мертвые не умеют и помогать, мертвецы — это всего лишь костюмы, раковины, которые покинули люди. Мертвые не умеют любить. Как жаль, что я понял все это так поздно».

Фрица видели еще раз только на вокзале. Он взял билет в одну сторону, «неизвестнокуда». Известно только, что в Берлин он не вернулся.

Борис Конаков

Студент 3 курса
филологического факультета (журналистика)

Я учусь на отделении журналистики, правда еще не знаю, чем я буду заниматься в жизни... Писательством, журналистикой или шоу-бизнесом. Во всех этих сферах у меня есть определенные успехи. Если касаться писательства, то у меня есть свой сборник стихов, помимо этого я являюсь автором предисловия к новой книге известного ненецкого писателя Юрия (Айваседы) Вэлы «Поговори со мной». Знакомство с Владиславом Петровичем — это знаковое событие в моей жизни. Знать в лицо того, чьи книги тебе читали в детстве — что может быть лучше? Большая честь для меня — участвовать в создании этого сборника под его эгидой. Читателям сборника хочу пожелать любви к литературе и к общению. Не жалейте времени и сил для чтения. Читайте и общайтесь — именно это залог жизненного опыта и устойчивой жизненной позиции.

НА ДВА ЧАСА РАНЬШЕ

Рассказ

Жизнь шла своим чередом. Солнце вставало, проходило полукруг, чтобы закатиться вечером на западе. Дворники вставали в пять утра и мели улицы, чтобы, через какое-то время, мы вышли и пошли по тротуарам, не замечая результатов их труда. И так целый день, неделю месяца, год.

Среди тех, кто, зевая, шел на опостылевшую работу, был человек по фамилии Карнаухов. Никто не помнил его имени. Как-то так повелось, что и в школе, и в институте, и на работе его называли только по фамилии. В его паспорте были указаны имя и отчество — Олег Иванович. Они были указаны и в классном журнале, позже — в отделе кадров, но люди не считали нужным называть Карнаухова Олегом и, тем более, Ивановичем. В конце концов он сам стал так представляться. И его все так же мало замечали. Что есть Карнаухов, что нет — разница небольшая, лишь бы работал и не прогуливал больше дозволенного. Коллеги Карнаухова из кожи вон лезли, делая себе карьеру, грызли друг друга глотки за лишнюю надбавку, которая, впрочем, никогда не бывает лишней. А Карнаухов семь с половиной лет сидел на одном месте и никуда не рвался, никому не грыз глотку за Нелишнюю надбавку. Он пустил жизнь на самотек и ровно ничего от нее не ждал.

Когда Карнаухов зашел в офис, работа уже всю кипела. Вокруг носились встрепанные сотрудники, шелестели бумаги, скрежетали факсы, занудно пиликали телефоны, на которые никто не обращал внимания. Карнаухов молча, никем не замеченный, прошел в помещения своего отдела на свое место. Он работал в темном углу, за коричневым столом, покрытым слоем лака, через который проглядывали линии жизни дерева. Карнаухов машинально нажал серую кнопку, и допотопный компьютер начал медленно просыпаться. Другой бы на месте Олега давно расшиб кувалдой древнюю машину, но ему было все равно. Что есть компьютер, что нет — разницы никакой, лишь бы выполнял заданные операции и не зависал чаще обычного.

Карнаухов внимательно осмотрел свой стол. Отметил, что той груды бумаг, которая лежала на левом верхнем краю стола, вчера не было. На этой работе Олега привлекала зарплата, которая была на порядок выше, чем в других подобных конторах. Об интересе он как-то не задумывался — не было ни времени, ни желания. Но этот день был, видимо, какой-то особенный, потому что именно сегодня Карнаухову закралась в голову мысль: неужели в этой фирме есть люди, которым нравится то, чем они занимаются?

Компьютер наконец-то загрузился и выдал окно с папками. Странно, подумал Карнаухов, если человечество изобрело такую умную и опережающую вещь, как компьютер, то почему на его столе такая прорва бумаг? И на соседнем, и на переднем слева от двери, и на среднем, если смотреть прямо от стола Карнаухова, и направо от входа в отдел. Странно... Где логика?

Карнаухов поймал себя на том, что много думает ни о чем, а ведь прошло уже пятнадцать минут с начала рабочего дня. Интересно, сколько осталось до обеда? Час, два... Боже! Три часа и сорок пять минут! Сорок четыре, сорок четыре с половиной, сорок три... стоп! Все! Работать! И так, что в этих бумагах?

Карнаухов пододвинул стопку ближе и взял первый лист. Отчет, который следовало проверить, проанализировать, статистировать данные и сравнить с отчетами других отделов. Ужас! Радует лишь то, что время летит незаметно. Отлянуться не успеешь, обед! Долгожданный. А какое сегодня меню в столовой? На первое, наверное, предложат венгерский мясной суп, на второе запеченные куриные ножки... Восхитительные, с красной корочкой, румяные... РАБОТАТЬ!!!

Постепенно Карнаухов втянулся в процесс и не обращал внимания на своих коллег по цеху, которые все подходили и подходили. К десяти часам утра помещение отдела гудело от разговоров.

— Ты знаешь, он вчера опять гонялся за мной с топором по двору. И хоть бы кто защитил!

— Вчера с мужиками новую «десятку» опробовали. Ездит как по маслу.

— Засолила на зиму помидоры. Еще надо огурцы, патиссоны...

— Вчера сериал смотрела? Вот-вот. Говорила я тебе, что Марсело бросит Джулиану!

— Подскажи, что делать: хотим квартиру расширить, а стена несущая, чем заменить можно?

— До того осточертела эта идиотская работа! Делать абсолютно нечего, зарплата с гулькин нос. Пошли чаю попьем с булочками.

У всех были свои проблемы и заботы, да такие серьезные, что мешали работать. Только у Карнаухова их не было. Просто им неоткуда было взяться.

Неожиданно в отдел влетела низенькая пухленькая тетка с «химией» на голове, окрашенной в нежно-розовый цвет. Люрекс-кофта, плотная облегающая бюст размера четвертого, остроносые туфли-лодочки с блестящими бабочками, юбка чуть ниже колен с убожественным орнаментом. Тетка была ярко накрашена польской косметикой и немного картавила. В руках у нее был список с фамилиями персонала. Она бегала от одного стола к другому и быстро говорила фразу, похожую на пароль.

— Шефу — пятьдесят, сто на подарок.

Практически все, кроме тех, кто ушел за булочками, сделали взнос. Ведь легче отдать сейчас, иначе тебя заклюют, каждый день напоминая о том, что шефу все-таки пятьдесят.

Наконец, очередь дошла и до Карнаухова. Он был в списке последним. Про него забыли и вписали только когда Олег пришел за зарплатой. Впрочем, если бы список составили заново, то вряд ли Карнаухову отвели там хоть даже и предпоследнее место.

— Карнаухов, — протараторила тетка. — Вы собираетесь сдавать сто рэ на подарок?

Карнаухов был поглощен работой и ответил не сразу.

— Карнаухов! КАРНАУХОВ!!!

— А... Что? — очнулся Олег.

Тетка сделала красноречивый жест пальцами левой руки, упизанной, как, впрочем, и правая, бижутерией, купленной у метро на лотке, и добавила:

— Сто.

Карнаухов торопливо вынул купюру и протянул активистке. Не поблагодарив, она спрятала банкноту в коробочку из-под чая и, бросив напоследок: «Все делом заняты, а вы...», — вышла. «Занятые» так были заняты, что никому в голову не пришло поинтересоваться, что же за подарок будет сделан шефу.

В течение рабочего дня весь отдел сходил в столовую, в киоск за газетой, в туалет, покурил, выпил чаю с лимоном и напечатал одну страницу отчета. Где-то около пяти компьютеры уже были выключены, нетронутые с утра бумаги лежали на своих местах, зато крошки и капли с квадратиков, отделенных макулатурой, были тщательно вытерты, и полированное дерево сияло чистотой. Портфели были собраны, все сидели молча, сосредоточенно поглядывая то на настенный циферблат, то на стрелки на запястьях. Едва лишь только большая пододвинулась и встала на отметке двенадцать, а малая — на пяти, как загрохотали отодвигаемые стулья, и люди, бурно обсуждая прошедший день и завтрашние планы, потянулись к выходу. Минута, и Карнаухов остался один. Ему нечего было делать дома, поэтому он задерживался на работе часов до семи. Карнаухов равнодушно посмотрел на распахнутую дверь... Вдруг глаза у него загорелись, он схватил портфель, быстро все собрал, выключил компьютер, свет, запер дверь и ушел.

Выйдя из здания, Олег неторопливо зашагал по проспекту, поглядывая по сторонам, чего раньше за собой не замечал. Люди шли со своих рабочих мест, в их глазах читалось общее: как бы побыстрее добраться домой и усесться с тарелкой вкусного ужина перед телевизором. Автомобили, попавшие в пробку, отчаянно сигналили. Казалось, что им даже больше, чем их владельцам, не терпелось попасть в уютный гараж, пропахший машинным маслом.

Карнаухов перешел на другую сторону, продолжая рассматривать окружающее. Навстречу шла женщина, чье лицо показалось Олегу смутно знакомым. Дама подошла ближе, и Карнаухов с удивлением узнал в женщине сослуживицу, за которой гонялся муж с топором. Карнаухов не особо вглядывался в лица своих коллег, всегда был занят, но сегодня он посмотрел на нее в офисе. Тогда она была встревожена, уставшая, с синяками под глазами. А сейчас она улыба-

лась, глаза светились. Женщина увидела Карнаухова, что-то шепнула мужчине, шедшему с ней рядом и, засмеявшись, окликнула Олега.

— Здравствуйте, Олег Иванович! Что это вы такой хмурый? Жизнь прекрасна! — Она звонко расхохоталась. Карнаухов вежливо улыбнулся и спросил:

— Это ваш муж?

— Ах, какая чудесная шутка! — снова взрыв смеха. — Я развожусь с этим чертовым алкоголиком. Сегодня документы подала. А это — мой новый ухажер Максим. Он преуспевающий бизнесмен. Олег Иванович — мой коллега. — Женщина улыбнулась, мужчины пожали друг другу руки.

Карнаухов пошел дальше, удивляясь тому, что его назвали по имени-отчеству. Когда он переходил небольшую дорогу между крохотными улочками, неожиданно раздался визг тормозов и громкий мат в несколько голосов. Карнаухов вздрогнул и увидел, что буквально в сантиметре от него затормозила «десятка». Хлопнула дверца, разъяренный водитель направился к Олегу с явно недружественными намерениями.

— Новая машина, два дня назад куплена. Совесть бы поимел! Неужели в ломы башкой по сторонам повертеть?! Жить надоело?! Да я тебе... Олег Иванович? Ты, что ли? — резко сменил гнев на милость мужик, оказавшийся еще одним сослуживцем Карнаухова. Олег, уже не удивляясь вновь прозвучавшему имени-отчеству поздоровался с коллегой.

— Что же ты по сторонам не смотришь, Иванович? — радостно спрашивал автолюбитель, похлопывая Карнаухова по спине. — Пошли-пошли, быстренько! — тараторил, подталкивая Олега к тачке. — Посидишь, помотришь на красавицу новенькую...

За оставшуюся дорогу до дома он встретил еще одну сослуживицу, солившую овощи.

— Надоело, знаете ли, Олег Иванович, из года в год одно и то же делать. Сегодня же решила доверить все дела по дому маме и свекрови, а сама сяду писать книгу.

...сериаломанку.

— Иду на кастинг в новый сериал. Я разложила карты и прочитала, что моя мечта сбудется! Пожелайте мне удачи, Олег Иванович.

...ремонтирующего квартиру.

— Решили сегодня бригаду строителей-ремонтников нанять, им виднее, как будет лучше. Сами с женой надумали провести второй медовый месяц. Дети взрослые, поймут, да и квартира присмотрена. Кроме того, весна, свежесть, свобода. Так что давайте, Олег Иванович, тоже дерзайте!

... ту, которой надоела работа.

— Знаете, Олег Иванович, я сегодня купила билеты в круиз вокруг света. Уезжаю послезавтра на полгода. С работы увольняюсь. Давно хотела, но никак не могла решиться. А сегодня! Как увидела эти отвратительные столы с бумагами, то подумала: все, если я сегодня не остановлюсь, до конца жизни буду

маяться. Завтра приду, попрошаюсь и.... Гуд бай, рутина! Вернусь, найду что-нибудь другое, поинтереснее. Жизнь дается один раз!

Карнаухов проходил мимо ювелирного магазина и увидел там тетку, собирающую деньги на подарок шефу. Интересно, подумал он, что она там делает? Активистка, словно услышав его мысли, обернулась. Увидев Карнаухова, она широко улыбнулась и приветливо помахала Олегу рукой, приглашая войти. Карнаухов вошел.

— Здравствуйте, Олег Иванович! — воскликнула тетка.

— Добрый вечер, — учтиво улыбнулся Олег.

— Знаете, что я хочу подарить шефу? — озорно прищурившись, спросила женщина.

— И что же, если не секрет?

— Себя! — раздался голос справа. Оба обернулись и увидели импозантного мужчину. — Здравствуйте, Олег Иванович.

— Здравствуйте, э-э... простите, — замялся Карнаухов.

— Иван Алексеевич, — представился мужчина, приложив руку к груди. — Я ваш шеф, которого вы никогда не видели. И она, — он показал на тетку, — тоже. Но сегодня, когда эта милая женщина пришла дарить мне подарок, я влюбился с первого взгляда, и...

— Теперь я выбираю себе обручальное кольцо, — закончила влюбленная счастливица.

— А какой подарок вы сделали на юбилей? — поинтересовался Карнаухов.

— Ах, самый банальный — набор для канцелярии «Parker», — махнула рукой активистка. — Но мне показалось довольно прикольным, — она жеманно рассмеялась, сверкая тремя золотыми зубами. Карнаухов удивился. Надо же, шефа не смутило косноязычие, возраст и явно не благородное происхождение пассии. Он, Карнаухов, наверное, был бы более требователен и избирателен. Слава Богу, что он не умеет заблуждаться до такой степени, подумал Олег про себя.

— Ну, ладно, мы пойдем в ресторан продолжать отмечать помолвку, — сказала тетка и подставила шефу руку. Он галантно взял и, шепча что-то другу другу на ухо, хихикая, парочка вышла из магазина.

— Вот, что делает любовь с людьми! Уже немолодые, а ведут себя как подростки, — заметила продавщица украшений, похожая на куклу Барби: красное платье, осиная талия, точеные ножки на шпильках, голубые глаза и копна белокурых волос.

Карнаухов посмотрел на девушку, которая зачарованно глядела вслед удаляющимся влюбленным, ничего не сказал и тоже вышел.

В трехкомнатной квартире Карнаухова, доставшейся ему от матери, было сумрачно и холодно. Словно тени или какие-нибудь чудовища, стояли шкафы, кресла... Мебели было много, особенно стульев. Зачем? Для гостей? Но у Карнаухова их не было со дня похорон отца. А это было семь с половиной лет на-

зад. Но на самом деле на этих стульях было кому сидеть, было кому жить в трех комнатах. Это были призраки. Их не было видно, они никак о себе не напоминали, но постоянно, каждой ночью, они приходили, смотрели на спящего Карнаухова, садились на стулья и вспоминали свою жизнь...

Карнаухов вошел в комнату, где жила мама. Что-то его толкнуло, и он зашел именно туда. В комнате было прохладно — окно открыто. Олег хотел хлопнуть его, но неожиданно в помещение ворвался порыв ветра и насквозь продул Карнаухова, стоящего посреди комнаты. Он почувствовал на мгновение, что дом вновь наполнился людьми, как во времена его детства, когда мама собирала гостей каждое воскресенье. Было так хорошо... Ветер стих, и Олег торопливо подошел к окну, чтобы его закрыть, но ему помешал это сделать календарь, висевший на стене.

Олег посмотрел на дату. Сегодня первое апреля...

Странно, а вдруг все, что было сегодня — шутка? Может, все они сговорились и разыграли Карнаухова? А который час? Семь. Надо же, оказывается еще семь. В это время он только уходил с работы.

Может, это не шутка, а результат?

Карнаухов достал сигарету, закурил, выпустил в раскрытое окно дым. Сизое облако полетело над городом, над людьми, домами и верхушками деревьев, рассеиваясь и исчезая в воздухе. А завтра, интересно, его назовут Олегом Ивановичем? Только кроме шуток...

ПТСА

Рассказ

П

росто такая сильная любовь...

Он кладет трубку телефона. Силы начинают оставлять его. На автомате он соображает, что надо идти... Друзья... Предатели-друзья могут его поддержать. Цинично. А что в нашем мире не цинично?

Просто такая сильная любовь...

Его уши словно забиты ватой, и его ноги словно ватные. Его мысли ватные, и только чувства живые, пульсирующие, как кровь, которую он себе позже пустит. Она будет течь по его руке, причудливо играя всеми оттенками алого, улы-

баясь и радуясь тому, что ее освободили от этой адской работы: течь по кругу, чтобы поддерживать какую-то никчемную человеческую жизнь...

Просто такая сильная любовь...

Он выходит на улицу... Грязная, промозглая, омерзительная, как и этот годишко, погода... Мешая старыми ботинками снег пополам с едкой смесью, разрушающей все на своем пути, он доходит до остановки и ждет... А в голове слова, как маятник, отсчитывают последние минуты разговора, жизни... Слова того человека, к которому у него была...

Просто такая сильная любовь...

Едет автобус... Может, броситься под автобус? Он лелеет себя гадкими, эгоистичными мыслями и эгоистично решает не бросаться, но слезы помимо воли начинают течь... Он смотрит в окно и напевает про себя грустную песню...

Не скучай, бедный ангел...

Кондуктор недовольна. Еще бы! Даже этой потной фригидной тетке хочется, чтобы ее работу уважали... А тут, ишь ты! Китиха открывает рот, чтобы начать ругань, но его взгляд заставляет просто взять купюру и скрыться подальше. Мгновение она хочет провалиться сквозь грязный пол автобуса, лишь бы никогда только не видеть этого взгляда, полного черной тоски, безысходности, где на дне плещется...

Просто такая сильная любовь...

Спотыкаясь, он идет навстречу друзьям. Метель с дождем усиливается. Он стоит и ждет. Маленькая фигурка на фоне разбушевавшейся стихии смотрится смешно. Особенно смешно тем, которые стоят в витрине супермаркета, манекенам, одетым в модную одежду. О, если бы пластмассовые уродцы понимали, как он им сейчас завидует, они бы не смеялись, они бы не засмеялись никогда вообще. Почему он им завидует? Они не знают, что такое...

Просто такая сильная любовь...

Слезы текут и текут, он теряет равновесие и садится около урны... К нему подбегают друзья... Поднимают, отряхивают... Ласково называют дураком, злобно говорят, что все хорошо, задают idiotские вопросы: ты что, плакал?... А он начинает глотать таблетки и отвечать, что все отлично...

Просто такая сильная любовь...

Ярко выраженный истероидный тип... Состояние средней тяжести... Слова, слова... А вот снотворного кто-то не досчитается... Но они же не будут ругаться... Они должны понимать, что такое...

Просто такая сильная любовь...

Исчадие ада открывает дверь... Исчадие ада удивлено...

Он предлагает все забыть и стать самыми лучшими предателями, вернее друзьями.

Исчадие ада думает...

Вот мартини...

Выпьем за нас!

Исчадие ада выпивает полбокала и причмокивает...

А теперь самое время отправиться тебе обратно в ад, отродье!

Оно не понимает, вопросительно глядя на него.

Ха-ха-ха! Как смешно задержалась у отродья скула!.. Оно хрипит, бранные слова летят из пасти.

И тишина.

Все. Кончено. Осталась...

Просто такая сильная любовь...

Он мысленно пинает воображаемый труп еще недавно столь любимого и ненавистного отродья. И хочет допить отравленное мартини, потому что чувство никак не может покинуть его. Даже месть не сожгла...

Просто такую сильную любовь...

Он идет домой... Он не хочет больше отношений. Никогда больше... Он готов взорвать весь мир, который никогда его не поддерживал, а только испытывал...

Жалкий писк раздаётся около старых гаражей-ракушек, которые уже давно используют не по назначению. Он присматривается. На грязном снегу сидит серый котенок. Он останавливается. Котенок еще раз пищит и бежит к нему на еще не окрепших лапках. Серой головой с маленькими ушами толкается в его ногу и снова пищит...

Он опускается на колени. Котенок заглядывает ему в глаза... Ты одинок? Тебя тоже бросили? Он берет зверька на руки и идет дальше... А в глазах вновь начинает загораться...

Просто такая сильная любовь.

Валентина Паршак

*Студентка 2 курса
психологического факультета*

Я обожаю эксперименты. Вся моя жизнь — это сплошной творческий эксперимент: «А что еще я могу?». И, оказалось, могу я многое, но самое интересное из всего — это мои пробы пера. Рассказы я пишу с двенадцати лет. Пыталась писать романы и стихи о любви, но поняла, что получается очень глупо и наивно. Успешнее выходят иронические рассказы и сказки. Когда я училась во втором классе, мои одноклассники нарочно подменяли первую букву моей фамилии, с П на М. Себя как поэта я не воспринимаю, но некоторым нравятся мои детские стишки. Созвучие с поэтом Самуилом Яковлевичем Маршакom сыграло интересную шутку в моей творческой судьбе. Интересно было бы попробовать разные литературные жанры, возможно, я найду себя в чем-нибудь новом.

НА ЧЕРДАКЕ

Рассказ

Она выходит к нему, когда на небе уже зажглись миллионы звезд и луна, словно софит, зависла над чердаком. Они встречаются в полнолуние и ведут задушевные беседы. И, несмотря на то, что ему уже за пятьдесят, а ей только исполнилось двадцать, эти двое прекрасно понимают друг друга. Конфликту поколений здесь нет места. Они, как бы ни банально это звучало, — «родственные души».

Иван Степаныч наливает чай на травах, а Юлька выставляет на стол шоколадные конфеты. Степаныч достает старушку-гитару, а Юльчонок тетрадь со стихами. Он поет ей свои песни, а она читает ему свои стихи. Они доверяют друг другу самое сокровенное: свои мысли и чувства, облаченные в музыку и строчки.

Творчество тем и уникально, что не имеет возрастных ограничений. И в пять лет, и в пятьдесят пять можно писать отличные стихотворения или прозу, картины или музыку...

Сквозь щели прохудившейся крыши они могут наблюдать ночное небо.

— Скажи, что ты видишь, когда задираешь голову? — спрашивает у Юльки Степаныч.

— Ну, это смотря где я нахожусь и когда ее задираю.

— Вот сейчас, например.

Юлька задумчиво смотрит на небо в самую большую щель.

— Театральный занавес украшенный гирляндой созвездий.

— А утром?

— А утром Всевышний раздвигает занавес и наблюдает за разворачивающимися на сцене событиями, и мы вглядываемся в его небесно-голубые глаза, пытаясь понять режиссерский замысел.

И лишь поутру они возвращаются каждый в свою кровать и досыпают оставшиеся до рассвета два-три часа. Потом они проснутся от звона будильника и обнаружат по опилкам на подошве тапочек, что опять бродили во сне. А всему виной полнолуние.

Сомнамбулизм — расстройство сознания, при котором во сне автоматически совершаются привычные действия. Лунатизм.

Но, когда луна покидает небосвод и ее сменяет солнце, Юлька, как впрочем, и Иван Степаныч, опять ведут обычный образ жизни. Она учится в университете на специалиста по связям с общественностью, а он преподает в этом же заведении философию. Иногда они встречаются в коридоре, здороваются и расходятся каждый по своим делам. В этой реальности они чужды друг другу. Она неформалка с выкрашенными в ярко-рыжий цвет волосами, в драных джинсах

и неглаженной черной рубаше, накинутой поверх красного топа. А он строгий седоволосый преподаватель в деловом костюме и очках со стильной оправой.

Раз в неделю, а то и реже, Юлька прогуливает. Они встречаются на лекции, девушка ведет себя вызывающе, она спорит с преподавателем, а иногда просто игнорирует его, занимаясь не тем, чем положено, и вовлекает в это соседей с ближайших парт. Это раздражает Ивана Степаныча, и он выгоняет Юльку с занятия.

А по ночам, когда луна снова принимает форму шара и все погружаются в мир сновидений, они опять встречаются на чердаке, пьют чай, читают стихи и играют чудесную музыку. Юлька вдохновляет музыканта на написание новых композиций. За это Степаныч и обожает свою музу.

Юлька читает Степанычу свои стихи, он слушает их с большим интересом. А главное, он понимает, о чем они. Ему нравятся ее образы и колкие высказывания.

— Почему ты до сих пор не опубликовала их?

— Не думаю, что это кому-нибудь будет интересно, разве что несколькими моим подружкам и друзьям, да и они, пожалуй, слушают их только потому, что это написала я... Что чувствовала, то и написала. Кому нужны переживания неизвестной девчонки?

— Странное оправдание собственной неуверенности. Представь, если бы так размышляли великие поэты, когда начинали свой творческий путь? Как бы сейчас выглядела наша художественная литература, если бы Пушкин или Есенин думали подобным образом? Я не понимаю, ты чего боишься? Не нужно стесняться собственного творчества! Ты в том возрасте, когда безумства допустимы. Не повторяй моих ошибок. У меня был шанс стать хорошим музыкантом, но чертовы предрассудки моих близких и моя неуверенность остановили меня. Я предпочел сытую карьеру чиновника. За этот отрезок моей жизни я не написал ни одной достойной композиции. А когда моя карьера рухнула вместе с Советским Союзом, и я начал осваивать новые профессии, музыка зазвучала, но было уже слишком поздно чтобы начать все заново!

— Стоп, а кто сказал, что поздно? Творить никогда не поздно. А значит, и издавать это тоже возможно, — горячо возражает Юлька, — Вы потрясающий композитор, Ваши песни должны слышать люди!

— Ну, милая моя, кто же начинает за два года до пенсии? Ты можешь назвать мне хоть одного композитора, который начал восход на музыкальный олимп уже после пятидесяти?

— С лету — нет. Но, если порыться в биографиях замечательных музыкантов, то можно будет найти какого-нибудь начинающего старичка.

Иван Степаныч и на этот раз соглашается с девочкой. Он старше и мудрее. Иван Степаныч соглашается даже с самыми вздорными и максималистскими ее высказываниями. Он так умеет вести разговор, что Юлька сама убеждается, в ошибочности своих убеждений. Степаныч мастер, и она признает это.

Утром Юлька не слышит надрывного звона будильника, и лишь лучи слепящего солнца способны пробудить девушку. Она соскакивает с кровати и, даже не позавтракав, убегает в институт. Но ей не повезло. На дороге пробки! Это вызывает раздражение, а раздражение, в свою очередь, вызывает новый порыв творчества. Юлька забегает в лекционный зал, где уже двадцать минут длится пара. На обложке она записывает только что появившийся в ее голове стих и откладывает тетрадь подальше. Настроение писать лекцию у девушки обычно не возникает, она просто делает ксерокопии тетрадей более ответственных студентов.

Иван Степаныч замечает, что Бучельникова Юлия опять занята не тем, она накладывает макияж. Его терпение иссякает, и он требует сдать тетрадь для проверки лекций. Юлька равнодушно отдает ему тетрадь с только что написанными строчками и забывает про нее. Но, проверив лекции, а вернее, их ксерокопии, Иван Степаныч замечает и стих. У него возникает ощущение дежавю. Иван Степаныч уже читал нечто подобное, но где, вспомнить не в силах.

— Бучельникова, останьтесь после занятий, мне хотелось бы обсудить с Вами ведение Ваших записей.

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Рассказ

Ст ринадцатое апреля. У тети Томи «поехала крыша», у мамули насморк, а все мои подружки отчаянно повлюблялись в наших мальчишек, а впрочем, и я пребываю в необычном эйфорическом состоянии беспричинного счастья, и виной всему, конечно, весеннее обострение. Да, вот мы и достигли апрельского экватора, после пятнадцатого числа весна пойдет на убыль.

Я сижу на подоконнике и мечтаю. В пальчиках тереблю влажную теплую тряпочку. Вообще-то на подоконнике я оказалась случайно, хотя нет, не случайно, просто с другой целью: я обещала мамуле вымыть стекла, и даже намочила уже тряпочку и провела ею по стеклу, но мысли мои унесло сквозняком из открытой форточки куда-то вдаль, и я совершенно забыла о своем обещании.

Я вообразила свой ежедневник со списком чудес на сегодня, и в этот же миг он оказался у меня в руках. Да, весна, это, пожалуй, самое прелестное время

года. Работы, правда, выше крыши! Фантазия у Ордынцева разыгралась не на шутку. Вместо норматива в восемь чудес, он настроил их двенадцать. Видимо, весеннее обострение сказывается и на нем, правда позитивно. С чего бы начать? Но список может и подождать, гораздо важнее теперь реальные люди. Миллиарды звончков от призывающих на помощь звенели, сливаясь в единый звук. Тогда возникает другой вопрос: с кого бы начать? Всем, конечно, помочь не получится, поэтому для начала я сузила пространство до ближайшего моего окружения.

И громче всех, выбиваясь из унисона, звучал колокольчик от тети Тома. Тамара Васильевна — это наша милая соседка. К пятидесяти шести годам она осталась в одиночестве, у нее не было детей, и замужем она не была ни разу. У женщины были лишь кратковременные романы, не сулящие семейного счастья. Зато Тамара окружила себя множеством домашних животных, на которых изливала всю свою нерастрченную любовь. Но при этом Тамара Васильевна не лишена была обаяния и общительности. Она обожала любовные романы и книжки по психологии из серии «Сам себе психолог». И эти книжки ей помогали.

Но этот апрель основательно выбил ее из колеи. Тамара Васильевна стала нервной, ей катастрофически не хватало мужского крепкого плеча. Женщине просто был нужен мужчина — тот, кто бы слушал ее. Может, поэтому она регулярно стала вызывать сантехника или электрика, или других работников коммунальной службы, вызывала мастера по ремонту теле- и радиоаппаратуры, без всякой на то реальной причины. На каждого из приходивших к ней мужчин она примеряла роль будущего мужа, сравнивала их со своим эталоном, но, увы, все они не соответствовали ему.

У всех претендентов была слишком грубая душевная организация. Среди них Тома так и не встретила ни одного читателя Джейн Остин, ни одного ценителя морских пейзажей, и, что немаловажно, ни один из приходивших к ней мужчин не любил ни кошек, ни собак. Еще меньше было любителей хомяков или домашних крысок. Тамара Васильевна все же не сдавалась: она писала объявления о знакомстве во все газеты, где таким объявлениям было место.

Я собрала воедино все требования к претенденту и создала образ будущего мужа тети Тома. Это должен быть пенсионер-искусствовед, любящий женские романы, такой, с кем можно было бы обсудить психологические книжки. И самое главное, он должен был любить домашних животных. Довольно сложно будет совместить это в одном человеке, но попробовать все же стоит.

Я выглянула в окно, лучи апрельского солнца ослепили меня. На крыше стояла девчонка лет шестнадцати, с явным намерением спрыгнуть. Я перенеслась к ней. Она стояла на самом краю и утирала слезы. Ей было страшно, но то был не страх смерти, она боялась высоты.

— Страшно? — улыбнулась я девушке.

Она не ожидала увидеть здесь кого-то еще.

— Правда, чудесный вид сверху? — продолжала я в тоне непринужденной беседы. А сама незаметно сокращала расстояние между нами.

— Эй, ты что? Уйди, упадешь же! Тебе, что жить расхотелось? — дрожащим голосом спросила она.

— А тебе? — задала я встречный вопрос.

— Он все равно меня не любит, — всхлипывая, ответила девушка.

— Не аргумент, какие-нибудь более существенные претензии есть к жизни?

— Но он был смыслом всей моей жизни, я не смогу без него, я не хочу без него, — зарыдала бедняжка.

— И что, вся проблема только в утере смысла? Милая, но ведь смысл можно и поменять. Если он где-то потерялся, то он может и найтись потом где-нибудь.

— Но я не хочу, я не смогу без него жить!

— А ты уже пробовала?

— Нет, уйди, прошу тебя!

Но вопреки ее просьбе, я приблизилась максимально.

— Ну и как же ты можешь утверждать обратное? — Я обняла ее, а она прижалась ко мне всем своим худеньким тельцем.

— Ну так что, прыгаем? — спросила я. — Или, может, все же лучше уйдем? Вернемся домой, хочешь чаю с коржиком?

Она удивленно посмотрела на меня, такого вопроса она не ожидала. Девушка представляла, что я буду ее утешать, уговаривать ее не прыгать.

— Значит, жить ты отказываешься?

— Да! Я все равно с собой покончу, чтобы ему стыдно стало!

— И что? Станет ему стыдно, и он одумается, а тебя уже не воскресить! Понимаешь? Нет с того света обратной дороги!

— Я уже все решила!

— Ну что же, чудесно! — Я подтолкнула ее, и мы вместе полетели вниз.

— Ай, постой, я хочу жить! — закричала она.

— Передумала?

— Да!

Мы зависли в воздухе.

— Ладно, тогда возвращаемся, — и мы взлетели обратно на крышу.

— Что это было? — Изумленно спросила она. — Так ведь не бывает! Это против всех законов! Люди летать не умеют!

— А кто тебе сказал, что мы летали?

— А что тогда это было?

— Твое воображение, всего лишь, — улыбнулась я девочке. Проводила ее домой, а сама вернулась на подоконник. Окно нужно было все-таки вымыть. Но меня отвлек опять телефонный звонок. Звонил Димка. Это мой приятель. Димка считал себя избранным, и как все избранные, он ставил перед собой задачу спасти все человечество от вселенского зла! Забавный паренек, он настолько верил в свою избранность, что у меня даже мысли не появлялось поспорить на сей счет, хотя я и не верю в спасение всех от всего. Он всерьез считал себя

супергероем, а меня своей напарницей, несмотря на то, что я совершенно не стремилась к спасению человеческих душ от зла. У меня на этот счет было свое мнение, но Димка верил в меня, и мне не хотелось его разочаровывать. Если ему так нравится играть в супер-героев, что же, я ему подыграю.

— Настенька! Милая, только ты сможешь меня спасти! У меня серьезная проблема! Попроси своего Ордынцева изменить четырнадцатую главу! Иначе все будет очень плохо! Очень! Все начинает сбываться! Все происходит, так как он написал, понимаешь?

— Ну, вообще то я не совсем тебя понимаю, что конкретно сбывается и причем тут четырнадцатая глава? Что я должна просить изменить его?

— В четырнадцатой главе я порвал справочник, а потом сжег его, со злости! Помнишь? Так вот, он мне нужен, очень, пусть Константин Сергеевич оставит тот факт, что я его разорвал, но сотрет момент сжигания справочника! Иначе пострадать может все, ты же помнишь про эффект бабочки!

— Ладно, я попробую с ним договориться, только не думаю, что это как-то решит твою проблему, Если Ордынцев счел нужным уничтожить этот справочник, то это наверняка приведет к чему-то новому, поворот сюжета не случаен.

— Да, тебе легко рассуждать, ты главная героиня, и у тебя в любом случае все будет чудесно, а мне он подложил свинью! — Парень был обижен, я почувствовала это. Он положил трубку.

Да! Димка напомнил мне самое главное! Я опять открыла свой список чудес на текущий день. У меня еще было время на их свершение. До нашей встречи с Константином Сергеевичем на радуге оставалось четыре часа.

Самое время подумать о чудесах. Если каждого из вас спросить, что же такое «чудо», то любой даст свое определение. Единого мнения тут существовать не может, потому что само по себе «чудо» — это понятие субъективно-идеальное, а не объективно-материальное. Кто-то начнет искать в его определении что-то магическое и сверхъестественное. Но чудо не обязательно должно быть связано с колдовством. Для кого-то чудом может явиться обычная улыбка, подаренная случайным прохожим. И такие вот не колдовские явления чуда я называю ключиком к чуду! Ведь сама по себе улыбка чудом являться не может, а только для того, кто в этом нуждался, для того, кто воспринял эту улыбку как чудо, как знак. А тех, кто его совершил, может и сам того не подозревая, я называю источниками чудес.

Одна мамина подруга однажды отчаялась, в ее жизни все было наперекосяк, и она стала роптать на Господа и говорить, что, наверное, он ее просто не любит. Так бы она и маялась с этой мыслью, если бы я не подошла к ней тогда. Мне было года два в ту пору, и я почувствовала это смятение, мне захотелось успокоить ее, я подошла и обняла женщину, нежно шепнув ей: «Я люблю тебя». Кто-то бы, может, и не придавал значения словам маленькой девочки, но вот для нее это было знаком, знамением. Устами младенца глаголет истина. Для женщины мои слова стали как чудо, явленное для нее Господом, а я — тем самым источником.

Я с младенчества являюсь таким источником. И даже мое появление на свет мамуля расценила как чудо. Ей сказали, что мой папа погиб в аварии, и у нее от потрясения чуть не случился выкидыш. Я могла бы погибнуть еще в ее утробе, и она, может быть, осталась совершенно одна. Но я выкарабкалась, и заодно дала знать о своем существовании, ведь до этой угрозы мамуля даже не подозревала о своей беременности. Потом были и другие чудеса в моей жизни. Но это для моей мамули было главное!

Весеннее обострение может проявляться у всех по-разному. Сейчас особенно тяжело тем, у кого есть проблемы со здоровьем, поэтому в первую очередь я перенеслась в поликлинику, где мне и надлежало, по предписанию Ордынцева, совершить несколько простеньких чудес. После поликлиники я побывала в детском доме и в школе-интернате. Конечным пунктом была наша встреча на радуге. Я опоздала на семь минут, но он был не в обиде. Осталось только иллюстрации сделать к новой главе, но они могут и подождать, сейчас главное сдать отчет о проделанной работе. Константин Сергеевич посмотрел на меня сквозь круглые стекла очков с довольной улыбкой:

— Молодец, Настюша, сегодня я тобой доволен, здорово у тебя получилось на крыше, а за Диму можешь даже не просить, он сам должен найти выход из этой ситуации, а он не дурак, справится... Все мои предписания выполнила? А почему же про главное чудо забыла?

— Это про какое же? — удивилась я, список чудес был весь помечен красными галочками, что свидетельствовало об их выполнении.

— Ты не домыла окно, милая.

ИДИОТИЧЕСКАЯ ПАРОДИЯ НА ДЕТЕКТИВ

В Юлькиной сумке заверещал телефон. Звонила Ольга.
— Слушай, срочно включи радио, у нас в городе маньяк объявился, представляешь? Так что, красотуля моя, одна домой идти не вздумай! Только с девочками за компанию, или меня дождись!

— Ладно, заходи, мне сегодня с компанией не повезло, три тупые курицы, которых парни на тачках домой увозят!

Юлька работала в модельном агентстве, и в этот вечер молодые модельеры, готовясь к показу, подгоняли платья по фигурам «куриц». А Ольга работала парикмахером. Правда, она называла себя модным словом «стилист»! Еще девочек объединяло общее увлечение. Они писали рассказы — в основном о любви в их не простой девичьей судьбе. Мысли о маньяке сразу вдохновили Юльку, и в ее симпатичной головке зародилась идея сногшибательного детективного романа! Она считала минуты до встречи с Ольгой, ей не терпелось срочно поделиться идеей с подружкой. А, может быть, Ольга подскажет что-то интересное? Вообще у девочек так было заведено, они вместе разрабатывали сюжет и писали тоже вместе.

Вечером Ольга, как и обещала, зашла за Юлей в агентство. Девочки вздумали домой добираться на маршрутке, но, постояв на остановке несколько минут и успев промерзнуть, решили поехать на такси.

Они договорились с частником о цене и поехали. Расположились на заднем сиденье.

— Слушай, Оля, ты просто обалдеешь, я такой детектив задумала! Ты меня вдохновила новостью о появившемся маньяке. Так вот, главная героиня будет фотомodelью, назовем ее Каролиной. Она исчезает, а потом ее находят с перерезанным горлом, все думают, что ее убила одна из конкуренток по модельному бизнесу и, когда детектив выходит на след предполагаемой убийцы, ту находят тоже убитой, причем таким же способом, как и первую жертву. Естественно, детектив соображает, что убивает кто-то другой, — допустим, модель-неудачница! Ой, я уже представляю как смачно маньяк этих куриц перережет!

— За что же ты всех моделей так ненавидишь? Сама ведь работаешь в модельном агентстве!

— А потому что стервы они все завистливые, готовы глотку друг другу перегрызть за место в новом показе или фотосессию в журнале. Слушай дальше! Потом одна из моделей, когда подозрение падает и на нее, решает заняться частным расследованием. Но сама попадает в лапы маньяка! А маньяк должен быть каким-нибудь уродом с комплексами! И фамилия у него должна быть звериная, а оканчиваться обязательно на «-дзе».

— А он что, грузин? Грузинские фамилии оканчиваются на «-дзе».

— Да! Но это не имеет значения, главное — он таксист.

Водитель обернулся и подозрительно посмотрел на девушек. Лицо у него было неприятно изрыто оспинами, а горбатый нос выдавал в нем представителя кавказской национальности.

— За дорогой следите! Не отвлекайтесь! — недовольно фыркнула Юля. — Да, его будут звать Зверидзе!

Машина резко затормозила.

— Поаккуратней там, мы вам за что платим? — Теперь уже возмутилась Ольга.

— Хватит базарить, — прорычал мужчина за рулем.

— Да, точно, Зверидзе! — кивнула Юлька. — Таксист-маньяк!

— Да, я маньяк! — злобно произнес шофер, — и если вы сейчас не заткнетесь, я вас прямо здесь прирежу!

— А вот с этого места поподробней! Вы действительно маньяк? Или вам просто пассажиры за целый день настроение испортили? — поинтересовалась Юля.

Водитель достал огромный финский нож. То, что он именно финский, Ольга определила сразу, ее папа собирал коллекцию, и Оля видела у него такой экспонат.

— У меня отличное настроение, а вас прирежу, так вообще счастливым стану.

— Прямо здесь? Но здесь желюдно! Вас сразу схватят! Давайте в лес лучше уедем, а пока поговорим. Вот вы ведь наверняка не просто так жертв выбираете, а по какому-то определенному принципу. Что объединяет ваши жертвы?

— Они все были слишком болтливы.

— Так, значит, молчунов вы не трогаете, так и напишем: он резал только болтливых куриц. Ой! Чувствую, детектив у нас будет потрясающий, а главное — жизненный. Донцовой и Устиновой придется подвинуться на книжных полках, а, может, вообще на пенсию уйти!

— Дуры, я вас убить собираюсь, а вы о ерунде треплетесь!

— Конечно, только ответьте еще на такой вопрос: давно у вас сдвиг по фазе пошел?

— Нет у меня никакого сдвига! Вы заткнетесь или нет?

— Отрицаете? А зря. Когда вас поймают, вам же будет лучше, если у вас будет справочка из психдиспансера... Вот как раз, если вы сейчас свернете на тракт и проедете еще семь километров, там будет психиатрическая клиника. У меня там мама, кстати, работает. Заглянете там в приемное отделение и попросите у них справочку, это чтобы проблем с милицией не было.

— Это вам надо справочку! Это вы тут сумасшедшие! Вам жить осталось последние минуты, а вы...

— Ой, наивный вы какой! Вы что же думаете, мы вдвоем с вами не справимся? Тем более, Ольга дзюдо владеет, а я карате...

Дальше ехали молча, Ольга стала шарить в своей сумке, она искала лак для волос. У светофора машина остановилась, Ольга резко ударила таксиста-маньяка по голове. Удар был сильный, и мужчина потерял сознание. Ольга быстро перелезла вперед, оттолкнув тело водителя на соседнее сиденье, и поехала в ближайшее отделение милиции. По счастливому стечению обстоятельств, в этом отделении служил ее папа, Александр Сергеевич.

Очнулся таксист в кабинете старшего лейтенанта. Александр Сергеевич был расстроен.

— Извините их, Ираклий Ираклиевич, они решили, что Вы и вправду маньяк!
— Ладно, я сам виноват, решил их припугнуть... Кстати, эти отчаянные до сих пор здесь?

— Да, я сейчас домой еду и увезу их. А шишку Леля Вам огромную набила, удар у нее хороший. Мой!

— Так это что, еще и дочери Ваши?

— Нет, только одна из них, Ольга.

Ираклий Ираклиевич был начальником Ольгиного отца. После работы он таксовал. Это было для него даже не средством заработка, а хобби. Но в этот вечер со спутницами ему не повезло.

Екатерина Хромова

Студентка 2 курса
филологического факультета (журналистика)

«И, пожалуйста, не злоупотребляйте уменьшительно-ласкательными суффиксами. Ведь читать невозможно все эти «дождик зашуршал по травинкам, и свежие капельки покатались по иголочкам», — говорила Светлана Потрепалова, еще четыре года назад объясняя нам, как писать зарисовки. С того самого времени у меня в голове произошло четкое разграничение мужского и женского стилей. Тогда же появилась явная неприязнь ко второму, хотя именно в нем я и работала.

Сейчас я отношусь к своим журналистским и художественным произведениям очень внимательно. Мне хочется писать о простом и просто. Потому что это производит самый сильный эффект. Потому что это — сложнее всего. Простые предложения. Максимальная концентрация смысла в каждом слове. Парцелляция.

Своего читателя надо любить и жалеть, не заставляя разбираться в запутанных синтаксических конструкциях. Не знаю, буду ли я писателем. Не уверена, что такие вещи можно знать наверняка. Но откуда-то есть убежденность, что далеко не все еще написано, и что какой-то кусочек этого ненаписанного предстоит создать мне.

МОНТАЖ

Рассказ

Закрывает глаза руками и запрокинула голову. Потолок. Покосившиеся корзинки пожарной сигнализации. Бледная фиолетовая палка-лампа. Сколько там, 23:27? Когда же у меня наступает пик работоспособности?

Рывком голову в прежнее положение. Челка на глаза. Шея ноет. Плечи. Заставка рабочего стола расцепляется на квадратики.

Все.

Кофе.

Монтаж — не такая уж сложная штука. Знай себе, чередуй планы через один по крупности, и музыка повеселее. Блин, да хоть заускаивайся — что толку? Все равно каша, а не фильм. Слишком много каналов. Слишком много видеоряда. Двадцать лет — это не двадцать часов, а даже с ними пришлось бы возиться безвылазно.

И что за оператор?! Голову ему оторвать! Камера трясется, картинка никудышная (то полкадра воздуха над головой, то чуть ли не пол-лица режет).

Да-а-а... Работенка — хуже не придумаешь. А тут еще Снег и Генрих подготавливают. Машин, мол, не хватает. Памяти, дескать, много занимает материал. Типа «доделывай да удаляй лишнее!» А как же удалять? Откуда мне знать, что важнее было в жизни для этого парня? Ведь эти двадцать лет надо отсмотреть. По уму — не раз бы и не два.

У Снега, конечно, рука набита. Он привык монтировать. Он умело выделяет основные моменты: прогулка по парку с любящими родителями, мороженое в кино, первый поцелуй и тому подобное. Если совсем устал или торопишься — нарезка из пейзажей/улыбок.

Именно поэтому я жуть как боюсь привыкнуть к своей работе.

Неделю назад был мой маленький юбилей: два года, как я пришла в студию. Никто не вспомнил, естественно. Я и сама чуть не забыла. Нет-нет, никаких торжеств, тостов, пузырьков в бокале и первого попавшегося торта из ближайшего продуктового подвала. Я просто вспомнила, как впервые вошла сюда. Тогда мне показалось, что воздух прозрачней и светлее в этих двух комнатах, похожих на широкий коридор. Я глазела по сторонам, перескакивая взглядом с потертого саксофона на гибридный светильник и душа; с двух настоящих кинокамер на шнурок, аккуратно завязанный в маленькую удавку.

Штативы по стенам. Камеры в шкафу. Кассеты, кассеты, кассеты. Не верилось, что однажды я займу один из этих компьютеров, стоящих в уютных пи-

шах. И вот. Тут. Два года. Уже не чарует эта странная музыка. Уже не завораживает этот бардак, когда-то казавшийся обязательным атрибутом творческой атмосферы. Но отношение к работе осталось прежним. Не то, что у остальных. Даже те, кто здесь всего полгода, и то относятся пренебрежительно и легкомысленно к монтажу. А я не могу. Все еще не могу. Рука не поднимается брать первые попавшиеся красивые картинки, будто они-то и есть главное в жизни этого человека.

Знаешь, что хуже всего? Есть такие программки... просто загоняешь видеоряд и музыку. И через две минуты она выдает как будто фильм!..

С понедельника я почти не встаю из своего синего неудобного кресла. Все отсматриваю, отсматриваю. Хочу понять, что для моего парня было ключевым и самым приятным в жизни. Видеоматериал его памяти, конечно, обрывками и кусками. Где-то фокус размыт. Где-то вообще непонятно, что происходит. Но не могу, не могу и все «не заморачиваться», как советует Снег. Ведь через несколько месяцев этот двадцатилетний парень, почти мой ровесник, будет топать. И то, что я сейчас намонтирую, — пронесется у него перед глазами. Больше он ничего и никогда не увидит. Как же можно, зная это, работать «привычно»? Как же можно...

Генрих говорил мне недавно, будто я слишком впечатлительная. Не знаю... Слишком для чего? Или для кого? С каких пор уважение чужих смертей и жизней стало чем-то «слишком»? Генрих постоянно предлагает перейти на монтаж снов или дежавю. Только мне не хочется. Разве получится забыть эти монтажи? И можно ли оставить их только тем, кто «не слишком», кому они — как пятиминутный ролик для корпоратива?

Есть у нас правило: не запоминать имена клиентов. Я нарушила. Ира. Вика. Денис. И Иван. Да... Иван...

Алина Иноземцева

Студентка 2 курса
филологического факультета (журналистика)

Слабостей у меня достаточно. Я только надеюсь, что от них избавлен мой ум. А вот за нрав свой я бы не поручился. Возможно, я недостаточно мягок — во всяком случае, с точки зрения удобства тех, кто меня окружает.

Я не умею забывать глупость и пороки ближних так быстро, как следовало бы, так же, как и нанесенные мне обиды. Я не способен расчувствоваться, как только меня захотят растрогать. Меня, вероятно, можно назвать обидчивым. Если кто-нибудь лишается моего уважения, то это уже навсегда

Джейн Остин
Гордость и предубеждение

Пишу с 14 лет. Также фотографирую, изучаю французский язык, играю в шахматы и печатаюсь в тюменских периодических изданиях. И, конечно же, одно из моих главных увлечений — чтение. Люблю классику, но стараюсь быть в курсе современных веяний в литературе.

БУТОРИЯ

Рассказ

Д

евочка появилась на Бутории в субботу. Ей рассказывали, что, когда она появилась, Аист подошел, посмотрел и произнес что-то вроде: «Раз сегодня суббота, пусть она будет Субботней. Хотите ласково назвать — будет Субботой. И не надо ее жалеть... Как раз именно ей так оно и лучше будет». Но, сколько бы не подходила потом Суббота к Аисту, он не говорил ей, почему лучше. Лишь отворачивался к окну, смотрел в Земной бинокль и шептал: «Скоро сама увидишь...» Но разве можно ждать, когда речь идет о твоём прошлом, которое до сих пор остается для тебя загадкой?

Все стали называть девочку Субботой.

Суббота не умела улыбаться. Совсем. Не то чтобы не любила, как не любят это делать многие земляне (поговаривали и такое), а просто не умела. Зато Суббота могла плести самые-самые снежные венки. Так красиво плести венки никто не умел на этой планете, где никогда не прекращал идти снег, и где плели венки из этого снега, а потом вешали на стену, украдкой любясь перед сном.

Почти сразу Суббота заметила, что никто здесь не улыбался. Не улыбался маленький беспомощный Вторник, постоянно смотрящий в книгу. Не улыбался молчаливый Дождь, похожий на сморщенного старичка, и все же остающийся ребенком. Не улыбалась даже смешная суетливая Рыжуха, которую, казалось, любит само солнце — отчего бы ей не улыбаться?...

Улыбался один Аист. Да, он это умел. Хотелось бы сказать «умел, как никто другой», но никто, кроме него, не умел этого делать... Аист был Первым. О нем почти никто ничего не знал, зато сам Аист знал все обо всех: именно он знал, Что, Как, Почему, и порой даже рассказывал. Иногда зря рассказывал. Но его ценили, на него надеялись, полагались. Больше не на кого было надеяться.

Хотя у Аиста, как и у всех, не все было гладко. Бывало, сидит он с Земным биноклем в руках, смотрит, вздыхает... Иногда в его полудетских, полувзрослых чертах проступало что-то неуловимо трагичное. И тогда он плакал. Аист прижимался лбом к коленкам и сжимался весь в комок. Наверное, чтобы никто его не видел.

А когда Аист улыбался, все вокруг становилось оранжевым. Нет, правда. И все сбегались на это оранжевое и смотрели, смотрели, смотрели, пытаясь voltar, пытаясь повторить... Но ничего не выходило. Совсем. Просто Аист умел улыбаться, а они — нет.

Дождь был вторым. Он был из тех, что прячут взгляд от человека не потому, что скрывают что-то, а потому, что просто не хочется говорить. Говорил

Дождь редко. Чаще садился под боком у Аиста и молчаливо напоминал ему: я тут, я тоже хочу посмотреть в бинокль. А как только брался за этот бинокль — тут уж его было не оторвать. Смотрел все ночи, совсем не спал, а утром тихо клал бинокль на место и исчезал куда-то на пару часов.

Аист рассказывал, что когда маленький Дождь возник на Бутории, на небе шел дождь, а сам малыш плакал. Наверно, было от чего.

Маме Дождя было шестнадцать. В шестнадцать лет она забеременела, в шестнадцать лет рожала, и в шестнадцать лет умерла при родах. Малыш носил годы своей мамы, которые та не дожила. Говорят, ее звали Надежда.

— Чего ты опять смотришь? Ложись спать, — послышался шепот. Дождь оглянулся. Сзади стояла Суббота — новенькая девочка. Она смешно поставила ноги носками внутрь и смотрела на него исподлобья, теребя подол красного сарафана.

— Хочу и смотрю, — буркнул он, — тебе-то какое дело...

— Мне ребята рассказали, что ты целыми ночами сидишь и смотришь в этот бинокль. А мне что-то не спится. Расскажи, что ты видишь в него?

— Деревья, — Дождь при этом слове стал не похож на себя. Его лицо сделалось непривычно суровым, а брови превратились в одну прямую черту.

— Деревья?... — переспросила Суббота, — у нас тоже полно деревьев. Зачем для этого смотреть в бинокль?

— Но это другие деревья. Они как живые. Они страшные. — При этих словах Дождь едва заметно поежился, — их много. Деревья, деревья, деревья. Хотя издалека кажется, что это всего лишь палки. Черные одинаковые столбы: они нависают над людьми, как конвоиры, ожидающие отмашки для последнего шага навстречу к тебе... — Дождь помолчал и прибавил: — А еще они — руки, в молбье протянутые к солнцу в ожидании тепла...

Суббота широко открытыми глазами смотрела на мальчика. Так с ней тут никто не разговаривал... Никто не говорил ей такие таинственные, но вместе с тем ошутимо страшные вещи, от которых по ногам бежали мурашки.

— И... что? — прошептала Суббота, — что еще ты там видишь?

— Маму.

Утро на Бутории всегда было серым и снежным. Оно начиналось с серо-белого цвета и крика Аиста, возвещающего о начале нового дня.

И в этот раз все было так же. Аист важно вышагивал между серыми домиками, попутно заглядывая в окна — проверить, как идет подъем.

Подъем шел. Жители Бутории нехотя вставали со своих кроватей, зная, что их ожидает такой же день, как вчера. Все дни на Бутории были одинаковыми.

Дождь хмуро глядел в окно и никак не реагировал на возню и толкотню вокруг.

Суббота уже встала, умылась, но ей не терпелось подойти к Дождю и расспросить его про бинокль, деревья и... маму... Вчера Дождь не стал продолжать разговор, а как-то вдруг смутился и буркнул, что ей, Субботе, пора спать, а он

тут останется до утра. Девочка ушла, но долго не могла заснуть, размышляя над словами Дождя. «Потом, потом...».

— Почему ты вчера не захотел со мной разговаривать?

Дождь стоял спиной к Субботе, и даже при ее словах не повернулся

— Ты говорил, что деревья через бинокль другие, чем сейчас, — упавшим голосом продолжала девочка, — и что они солдаты, и что ты там видел маму...

Дождь развернулся и взял девочку за плечи. По его щекам бежали слезы.

Суббота потупилась. Она еще ни разу не плакала и поэтому не знала, как нужно себя вести, когда плачет человек, житель Бутории. В такие моменты все молчали и даже уходили, говоря: «Ему нужно побыть одному». Суббота никогда не понимала, как так можно взять и просто уйти. Никогда нельзя оставлять человека одного, когда ему плохо. Что бы ни случилось.

Дождь все еще держал ее за плечи. Затем он встряхнул ее и проговорил:

— Понимаешь, у тебя еще есть надежда, а у меня — нет, у меня есть только эти деревья, у меня больше ничего нет, понимаешь! Ни Надежды, ничего нет! — Мальчик отпустил плечи Субботы и обреченно опустил на стул.

— Какая... надежда? Почему у тебя никого нет? А Аист? А мы все? А я?... — прошептала Суббота.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Дождь спокойным голосом, как будто и не сквозила только что в его словах безнадежная горечь. — Пойдем.

Легенда

— Говорят, все дети до попадания на Буторию находятся там, внизу. Там, куда смотрят из Земного бинокля, — начал Дождь. Они сидели на бревне, на берегу Лекты — единственной реки, которая текла на Бутории. В этой реке никто не купался — однажды оттуда появилась девочка. Девочку эту назвали в честь реки, но купаться в реке уже никто с тех пор не осмеливался — мало ли что... А Дождь продолжал:

— Только они не бегают по Земле, их еще нет. Зато по Земле ходят их мамы. Разные — молодые и уже взрослые, высокие и маленькие, смешливые и печальные — всех их объединяет одно: их дети никогда не будут жить на Земле...

— А почему? — окончательно запуталась Суббота.

— Мы — эти дети, — просто сказал Дождь. — А наши мамы убивают нас, убивают еще до рождения. Они не хотят, чтобы мы были рядом с ними. Они нас не любят.

— Зачем ты так говоришь? — закричала девочка не своим голосом и побежала прочь. Куда угодно, лишь бы не слышать этих слов.

Кажется, только сейчас девочка поняла, что значит плакать.

— Хочешь посмотреть в бинокль? — Аист стоял рядом, переминался с ноги на ногу, и совсем не был похож на того Аиста, каким Суббота привыкла его видеть. — Возьми...

Девочка, не веря тому, что происходит, взяла бинокль в руки. Медленно оглянулась на Аиста. Тот правильно понял ее взгляд. Но, прежде чем выйти, он оглянулся и предупредил:

— Что бы ты ни увидела там, Суббота, помни: всегда есть люди, которые тебя не покинут. Это мы.

Суббота медлила. Она боялась поднести к глазам Земной бинокль. Что она там увидит?... Но просто так усидеть на месте тоже было нельзя. Ведь там, на Земле, есть то, ради чего стоит жить... И Суббота поднесла бинокль к глазам.

В Земном бинокле был свет. Белый. Настолько белый, что Суббота сначала зажмурилась, но потом снова открыла глаза и пригляделась: это же комната! Просто она вся белая. И... посередине она... Ее мама. Суббота это сразу поняла. Девочка жадно прижала бинокль к глазам, чтобы вобрать в себя все-все-все, что касалось этой женщины. Но вбирать было нечего. Просто белая комната. И только. Минута, вторая... Пять минут... Ничего. Неподвижная белая комната с лежащей на кушетке женщиной — и ничего более.

— Человек живет и привязывается невидимыми нитями к людям, которые его окружают. Наступает разлука, нити натягиваются и рвутся как струны скрипки, издавая унылые звуки. И каждый раз, когда нити обрываются у сердца, человек испытывает самую острую боль, — промолвил Аист, и Суббота замерла.

— Это вы сами придумали? — прошептала она, благоговей.

— Нет, что ты, — вздохнул мудрый Аист. — Это написал один писатель, из тех, что на Земле. Так произошло и с тобой. Нить между тобой и твоей мамой настолько сильно натянулась, что вы оба испытываете боль.

— Нет! — И чувства снова всколыхнулись в девочке. — Мама меня не любит!

— Любит. Ты не такая, как мы. Белая комната, которую ты видела... Там твоя мама. Она от тебя не отказалась. И пока она там лежит, у тебя еще есть возможность вернуться на Землю.

— То есть... Моя мама... Она меня любит?

— Конечно, Суббота.

Девочка вскрикнула и обняла Аиста. Тот смахнул слезы со щеки, обнял девочку. И тут Суббота почувствовала, что сзади кто-то трогает ее плечо. Она оглянулась. Это был Дождь.

— Если когда-нибудь у тебя будут дети, — прошептал мальчик, не глядя на нее, — никогда от них не отказывайся! Слышишь? Никогда!

...Девочка вернулась на Землю. В следующую же субботу. Ее мама пришла в себя. А за ними наблюдали все жители Бутории, поочередно выхватывая друг у друга бинокль...

НОВЕЛЛЫ

ДОМУШНИК

Когда я остаюсь один, я начинаю сходить с ума. Нет, не подумайте, что я шизофреник или что-то в этом роде. Просто я боюсь без нее оставаться. Кажется, как будто на ней свет клином сошелся. А может, и сошелся, причем уже давно. Я ведь дома сижу все время, не знаю ничего. Не знаю, что там, на воле, творится. А выйти тоже не могу. Здесь, дома, везде она, ее вещи, ее дух. Я без всего этого просто тень.

Иногда звонят ее друзья, говорят: «Марина дома?». Я им: «Нет ее». А они мне: «Опять ты, Слава, когда ты уже начнешь из дома-то выходить?». А я им: «Не могу, я дома работаю. Работа у меня такая». А сам сижу и смотрю на ее фотографии, которые у меня по всем стенам развешаны. И голос ее слушаю. Уговорил как-то записать ее свой голос мне на память.

И за продуктами я не хожу. Нет, правда. Мы на выходных вместе за ними ездим. Запасемся продуктами на неделю — и все. Нет, Марина еще иногда, когда с работы возвращается, покупает хлеб.

Моя теща меня просто ненавидит. Через вечер к нам приходит. Посмотрит на меня своими хитрыми глазенками и как скажет: «Не умеешь ты работать, нехорошо, когда жена все на себе тянет». А я, может, больше Маринки своими сценариями зарабатываю. Но сижу, молчу. А когда теща уходит, долго выпрашиваю Марину, что ее в нашей жизни не устраивает. Говорит, все устраивает. «Ты лучше, Слава, пиши свои сценарии. А то, правда, начну больше тебя зарабатывать». А сама смеется. Знает, что у нее, завуча по воспитательной работе, зарплата больше, чем у меня, не будет никогда. За это я спокоен. Пока людям нравятся фильмы и сериалы, мы с Маринкой не потонем.

Иногда Марина в шутку зовет меня домушник. Позвонит с работы и говорит: «Как ты там, мой домушник?». А я ей: «Возвращайся быстрее домой». И она возвращается. Потому что я боюсь долго оставаться один.

Но сегодня мне позвонили. Кажется, будто с того света. Женский голос какой-то говорит: «Ваша Маринка-то сейчас с другим, вы к ней присмотритесь хорошенько». А я что, я ничего, трубку положил на место, ничего не сказал. Только обхватил голову руками и сидел так очень долго. А потом вышел на улицу мою Марину встречать.

До ее прихода оставалось четыре часа.

ИНОЗЕМЦЫ

Я люблю слушать турецкий рок. Ни слова не понимаю, а интересно слушать, как они там выкрикивают слова. Наверное, что-то для них значащие. Для меня — абсолютно ничего. Набор слов, непонятных слов. Но я всегда воображаю, что они поют о том, о чем мне в данный момент хочется слышать. Ищу похожие слова, сочетания. Иногда очень даже неплохие песенки получаются.

Никто не понимает, почему я так делаю. Все считают, что легче слушать то, что проще, и слушают русское. В лучшем случае русский рок, в худшем — русскую попсу. Проще. Один ты понимаешь меня. И по тем же причинам, что и я, слушаешь арабский рэп. Очень даже весело, ты со мной делишься. Точно, говорю я. Нам даже объяснять ничего не надо друг другу, зачем это нужно.

Еще я обожаю читать книги для слепых. Я не просто читаю, а учусь осязанию. И читаю быстрее, чем многие читают просто так. Жаль, такие книги найти сейчас не так просто.

Может быть и это кажется всем глупым и бессмысленным. Я не знаю. Мне уже без разницы. Потому что ты учишься рисовать ногами. Все тебе говорят — зачем, это только для тех, у кого рук нет. Тебе еще рано. А ты смотришь на них и улыбаешься. А затем подмигиваешь мне.

А когда мы идем, взявшись за руки, нас часто останавливают друзья. Спрашивают, почему не идем боком, спинами друг к другу, прыгая на одной ноге. И смеются. А мы и идем. Именно так, как просят. Они изумленно смотрят нам вслед. А мы идем так до первого поворота. А затем снова беремся за руки и спокойно идем дальше. До следующего знакомого...

НЕПОХОЖИЕ ДРУЗЬЯ

В зоопарке далекого города жила Зебра. С ней никто не хотел дружить, потому что она была полосатой. Жителям зоопарка было непонятно, почему она не одного цвета, а сразу двух.

Зебра уже привыкла, что никто с ней не дружит, поэтому она всегда молча сидела в своей клетке и не поднимала глаз.

Но вот в зоопарк привезли Тигра и его клетку поставили рядом с клеткой Зебры.

«Полосатое животное!», — обрадовалась Зебра. — «Теперь я не единственная, кто в полоску. Мы подружимся, и у меня будет друг».

Зебра подошла к клетке Тигра и позвала его:

— Привет, я Зебра. А как тебя зовут?

— Меня зовут Тигр, — важно сказал Тигр.

— Давай дружить, — сказала Зебра, — ты полосатый, и я полосатая.

Но Тигр только засмеялся.

— Мои полоски — красивые, а ты, наверно, просто не отмыла грязь.

Зебра заплакала. Она легла в угол клетки, а по ее полосатому лицу текли крупные слезы.

...На следующий день привезли новое животное — Льва.

Зебра даже не оглянулась на нового соседа — ей было грустно. Но вдруг она услышала, как кто-то скребет по прутьям клетки.

Зебра оглянулась.

— Привет, я Лев. А ты кто, красивое полосатое существо?

— Зебра. А ты правда считаешь, что я красивая? — удивилась Зебра.

— Конечно! Мне так нравятся твои полоски. Давай дружить.

Впервые с тех пор, как Зебра была совсем маленькой, она улыбнулась.

— Давай.

Так и появился у Зебры друг — Лев, хотя они и были так непохожи. И с каждым днем Зебра все чаще задумывалась: а должны ли друзья быть похожими?

СЕРОЕ НЕБО

Больше всего на свете я люблю серое небо, — говорит она и смотрит вверх, туда, где оно находится.

Я тоже смотрю туда. Небо как небо. Серое. Ни одной щелочки, ни единого просвета — просто серое небо.

— Оно похоже на лист бумаги, — продолжает она, — на нем можно все, что угодно, нарисовать.

Зажмуривается, мотает головой и чуть не падает в лужу, в которой отражается серое небо. Подхватываю ее, она открывает глаза, смеется:

— Зачем ты меня поддержал? Упала прямо бы в небо!

Я ее не понимаю. Лужа — это же не небо. Она же начинает говорить снова:

— А еще люблю, когда небо дырявое становится.

— Это как? — Смотрю я на нее непонимающе. Часто кажется, будто она с другой планеты, все время говорит что-то такое, что недостижимо для меня.

— Это просто, — она улыбается. — Когда появляются тучи. Небо — как будто в сеточку. Или в дырочку. Такое грозное. Мне тогда так страшно становится. Сразу тебя обнимаю — помнишь?

Августовский вечер, гроза, ее большие испуганные глаза, вмещающие в себя какой-то дикий восторг. И ее нежные руки, обнимающие меня. Я уже почти забыл, как это было.

— Но сейчас небо не грозное. — говорю ей я, — Бояться нечего. Обычное серое небо...

— Необычное, — перебивает она и берет меня за руку. — Мое любимое серое небо.

Необычное, так необычное. Я тоже смотрю наверх, туда, где находится Ее небо. И вижу просто серое полотно. Не понимаю ее. И, наверное, именно за это непонимание люблю.

ТЫ

Сегодня я проснулся в шесть утра. Ты меня разбудила, сама того не зная. Любишь ты во сне двигаться ближе ко мне, прижиматься, обнимать. Так обнимать, что проснулся я у края кровати. Почти упал. Обычно падаю, сегодня обошлось.

Почему ты не можешь спать, как все нормальные люди: тихонько, никого не притесняя. Я смотрю на твою челку и хочу у тебя это спросить. Но ты спишь.

Еще ты очень смешно ешь. Я тебе никогда этого не говорил, но ты это делаешь, как никто. Правда. Никто из всех моих знакомых так пищу не пережевывает. Иногда меня это бесит в тебе. Когда плохое настроение.

Ты никогда не складываешь вещи. Всегда кидаешь их в кучу.

А утром ты встаешь, собираешь вещи, смешно пережевываешь завтрак и уходишь. К себе домой, к мужу-дурачку, который все знает, но тебя не хочет отпускать.

И я остаюсь один. Знаю, что заснуть уже не получится.

Знаешь, чего я хочу больше всего на свете? Проснуться в шесть утра оттого, что я в очередной раз упал на пол.

У НЕЕ НИКОГО НЕ БЫЛО

Другой такой нет. Такой маленькой, милой, нежной. Такой единственной. И по-другому быть не может — я и она. Только так.

Она не швыряла мне в лицо убивающие фразы, она их шептала мне на ушко с нежным укором. Шептала так, что я тут же таял, смирялся, и разрешал. Что угодно разрешал. Разрешал потратить наш — НАШ! — вечер на очередной девичник. Разрешал купить рыбок, ухаживать за которыми все равно буду я. Разрешал не мыть сегодня посуду, а посмотреть телевизор. Разрешал...

А она мне — нет. Ничего не разрешала. Совсем. А я ничего и не хотел. Тоже совсем. Зачем? Ведь она рядом, такая смешная, такая беззаботная. Я смотрел на нее с улыбкой. Она всегда слушала маму, кроме того случая, что между нами девятнадцать лет. Ее это всегда только смешило — я старше ров-

но в два раза. Она смущалась своей любви к куклам — и все равно в них играла. Она капризничала, как дитя. Она плакала и куксилась. Раз — надует губки, два — уже слезы.

Она воплощала в себе тот маленький розовый сверток, что она вручила мне при выходе из роддома.

Она — мне — вручила. Я и склонился над своей дочкой, над своим сокровищем. Что может быть дороже? А она стояла растерянно и смотрела то на меня, то на сверток этот. У меня была она. У меня был этот сверток. А у нее в тот момент никого не было. Даже меня.

ЦВЕТ МОЕЙ ЛЖИ

Мне всего шестнадцать, почти семнадцать, и за моей спиной почти ничего нет — никаких испытаний, никаких проблем, ничего. Многие мои сверстники считают, что они прошли в жизни многое. Я считаю, что ничего они еще не видели, я и то видела гораздо большее, но я молчу. Какой смысл спорить. И все-таки, несмотря на это «ничего» за спиной, есть что-то, запоминающееся навсегда, что-то, что я никогда не забуду. Что-то, что останется в моей памяти как символ моих шестнадцати, когда еще так мало знаешь, но почему-то думаешь, что знаешь уже абсолютно все.

Ты не был моей первой любовью, скорее, был моим другом, который был в меня влюблен. И день за днем я все сильнее убеждалась, что не мое это, что надо с этим завязывать. Но меня уже затянуло, появилась какая-то привычка, и было не так просто оборвать эту дружбу-любовь.

Хотя зачем? Ты не знал, ты думал, что я люблю тебя так же искренне и нежно, как ты меня. Ты не требовал от меня ничего: никаких обещаний, никаких клятв, и мне было легко от этого.

И вот, в очередной раз прощаясь, мы стояли на лестнице моего подъезда. Я стояла на ступеньку выше, как всегда. Ты смотрел на меня так преданно, так открыто, что мне хотелось спрятать свои глаза куда-нибудь и убежать подальше, например, домой. Но я этого ничего не сделала, а просто стояла и смотрела тебе в глаза.

— Я тебя люблю, — прошептал ты.

Я молчала. Это было твое первое признание в любви, и я не знала, как на него реагировать.

— А ты меня?

Мне так не хотелось порождать лишние расспросы и обиды.

— Я тоже тебя люблю.

Твои светло-зеленые глаза светились бесконечным счастьем. И этот светло-зеленый блеск навсегда отпечатался в моей памяти как цвет моей лжи.

Иван Семенов

Студент 3 курса
филологического факультета (журналистика)

От просьбы редакторов написать какие-нибудь глубокомысленные строки, дабы разместить их после имени автора, И. Семенов долго отнекивался, а потом выдал следующее: **«Жили-были две табуретки, под самым столом жили. Но в один прекрасный денек они померли...»**.

Редколлегия сборника сначала восприняла эти фразы с недоумением и даже недовольством, а потом решила: пусть так и будет. Возможно, в данных словах автора кроется нечто крайне философское, этаким недоступный простому смертному подтекст. Как порой и в его рассказах...

ГЛЯНЕЦ

Рассказ

1

Жила-была на свете гламурная девица по имени Зинаида Долам-почкина. Жила она, значит, жила и дожила, как говорится: превратилась в полную «совершеннолетку» — по возрасту и законодательству РФ, но отнюдь не по уму. Она и раньше считала себя женщиной, причем настоящей женщиной, годков с четырнадцати с половиной, но теперь относительно явственного вопроса «про это» у нее появилась настоящая свобода суждений и некоторая отчужденность и безразличие к осуждению со стороны «жилых», как хрущевские дома, дам с собачками.

По отношению к Зинаиде можно решительно сказать, что она красива: ведь она светла и стройна, как фонарный столб у аптеки. Да и, к тому же, она обладает тем едва уловимым шармом «простой соседской девочки», так часто и навязчиво привлекающим мужчин, до боли в их головах знакомым по отношениям со своей первой любовью.

Зина всегда и во всем искала счастья, и чаще его находила, нежели теряла. Собственно, счастье и стремление к нему, по ее с детства возникшим понятиям, должны составлять напутственный смысл каждого человека. Иначе объяснить собственное существование не получалось. Не исключено, что поэтому Зинаида каждый день получала от судьбы в подарок маленькое, но счастье. И пусть оно было в крайней степени незначительно, зато оно было свое, заслуженное. Правда, неизвестно чем и перед кем. Была ли это новая розовая юбка выше колен или мимолетный и загадочный, как и сама Зина, флирт с незнакомым пенсионером в молочном магазине — неважно. Эти фактологические обстоятельства оттеснялись на второй план и нисколько не смущали «безморщинистый» мозг юной красавицы своей ничтожностью.

В подъезде Зины прятался бездыханный труп августа, его она узрела, возвращаясь с работы. Молодая доярка досадовала на него за нестойкость к женщине в золотом, но при этом испытывала жалость. Это напоминало о мертвом лете, рождало милые воспоминания недавно прошедшей юности. На поселок своим золотым башмаком наступила осень, а вместе с осенью в Зининой квартире поселились грусть и меланхолия. Так что очередной день старения особенных эмоций не преподнес.

На самом деле Зинаида большая мечтательница. Более всего она любила грезить по Питеру, но вместо непокоренного города у нее был хороший «подруг», тоже Питер. Она его любила. Не так, конечно, как мальчишки из соседних деревень, которые любили Питера преимущественно «по понятиям»; нет, она к нему испытывала нечто особое, родственное, заставлявшее возносить их

обоих на высшую ступень модно-розовой эволюции. Друг Питер, по которому она имела свойство скучать, ушел в белую неизвестность, в виде районной больницы — видимо, после очередной встречи с сильными мира сего. Обсудить последние модные тенденции китайского рынка одежды, знание о которых она регулярно черпала из гляцевых журналов, было не с кем, также как и не с кем было поделиться унынием, прочно засевшим с самого нехорошего утра в розовом со стразами сердце.

Аромат пресильно горячо-горячего кофе распространился по квартирке. С книгой о мифах древней Греции она присела у окна, как делала всегда, оставаясь одна. Ее язык и губы от жаркого напитка покраснели, на глазах выступили холодные слезы. От горькой жизни в доме не было сахара, тем приятнее казался аромат кофе.

Злые и немного зеленые, в ее представлении, тучи — от самого севера, от пингвинов с приветом летящие — вздыхая, резали остывший воздух, цеплялись за красные крыши скучных и кучных домов. «Летят и плачут, летят и плачут; я не повторяю дважды, я не повторяю дважды, я повторяю трижды», — проносилось в ее голове. Ветер поднимал и кружил желтые листья, но дождь, на английский манер широко зашагавший по улицам догонять как будто невозможных прохожих, эту самую танцующую листву опускал на землю, продолжая весело по ней барабанить. Униженный и оскорбленный таким дождем ветер принимался раскачивать беззащитные, безлиственные деревья. А те, стесненные своей наготой, и не думали сопротивляться. По дорогам зашуршали ручьи. Туман. Прохожие-зонты, все враз, нисколько при этом не сговариваясь, затропились куда-то. Просто на поселок обрушилось средних размеров озеро.

Некогда на свете не было Пушкина, но всегда была осенняя меланхолия, вселившаяся в Зинаиду Долампочкину совершенно-таки не случайно.

Когда-то давно, в древней Греции, бытовала легенда, что человек имел иное обличье, которое теперь разнится с нашими представлениями об анатомии и впрямь может считаться не более чем смешным мифом. Этот человек представлял собой нечто страшное, на нас непохожее совершенно. У него было две головы, две пары рук и ног и одно общее туловище. И, что более всего интересно, одна сторона была мужская, другая женская. Этакое начало всех начал. Не это ли есть совершенство? Далее по легенде следует, что Зевс, завистливый бог, постигнув силу такого сверхчеловека, разделил его посредством молний на две половины. Таким образом сами из себя вышли мужчина и женщина. С тех незадачливых времен отколовшиеся части единого целого пребывают в вечном поиске друг друга, чтобы обрести свою первозданную силу — заключенную известно в чем.

Унылая погода за окном и сложный русский алфавит навели Зину на мысли о всепоглощающем счастье. О любви, которая бывает единожды в тысячу лет и о других частях мужского тела. О том, что вселенскую любовь она обязательно отыщет, сомнений даже быть не могло. Также не должно сомневаться, что вся-

кая удача будет сопутствовать ей на, очевидно, нелегком пути поиска потерявшей половинки, которая — Зинаида ощущала это, — думает сейчас о ней.

Восемнадцать капель дождя на стекле, девять капель любви, девять капель огня.

2

Как бы странно это ни звучало, но вид большого, просто таки огромного города, доставил Зинаиде первый в жизни оргазм, который, очевидно, никоим образом не мог считаться порочным, но мог, взамен, казаться неожиданно приятным. Оттого все и вышло для нее удовлетворительно. Сладкая судорога, и теплота расплзлась по всему телу, от самого секретного эпицентра действий; на глаза напал желтый туман, лицо осветилось улыбкой. Любовь была первым ощущением, которое гостеприимно вселил город. И эта любовь с первого взгляда была определено взаимной, в чем Зина не имела и намека чтобы сомневаться.

Эта высокая громада серых камней, принимающая геометрические формы разных размеров, никак не шла в сравнение по своей значимости с ветхими деревянными постройками родного села Зинаиды. Иногда мечты исполняются.

Вышло так, что Зина провела весь день, познавая город и знакомясь с ним, как с человеком, ей чрезвычайно интересным. Она одна, казалось, видела его живость, но не оживленность. Широкие улицы, высокие дома, зеленые парки и просто красивые люди поражали небогатое воображение провинциальной девицы своей яркостью и некоторой обособленностью. Ей нравились роскошные витрины с неживыми полуголыми людьми за стеклами, нравились дикие светофоры, цветов и предназначения которых она и разобрать никак не могла; даже гул машин на серых дорогах и неприятный запах из подвалов домов ее привлекали своей таинственностью. Иным способом говоря, на что бы Зинаида ни опустила или подняла очи, розовое сердце отвечало учащенным биением, а не до конца сформировавшаяся грудь с умилением, будто на последнем издыхании, приподнималась.

Плавно, насколько это возможно, на город упала черно-шелковая простыня, упала и спрятала горячее солнце, упала и выставила напоказ своих больших и малых медведиц. Зажглись искусственные, от слова «искусство», немного завистливые огни. Город дружно вздохнул, о сне даже и не помышляя. Бессонница и полная «достоевщина» на середине холодной реки соединяются воедино и выплескиваются через край в виде наружной рекламы.

Зинаида почувствовала себя Наташей Ростовской, спряталась в желтых кустах, где совершила над собой переодевание в бально-розовое платье, проделывая параллельно иные, общечеловеческие, но, очевидно, не совсем хорошие дела, и весьма преспокойно вышла из зарослей, ловя на себе вопросительные взгляды прохожих, которые решительно воспринимала как одобрение.

Зина, как ласточка, летящая задом наперед на ветру, впорхнула в помещение, на котором значилась вывеска «Дискотека-80», и которую она ни коим образом не понимала, но зато понимала, что это за место, по мелодичной музыке, заставляющей содрогаться желтые стены низенького здания.

Внутри Зину ослепило мгновенное разочарование и тысячи лампочек, устремленно-заостренных, как ей казалось, лишь на ней одной. На лице тут же вспыхнуло стеснение, выражавшееся у Зины покраснением до корней крашенных волос. Ее, правда, тешила надежда, что не всякий в мелькающей темноте это самое приметит. Зина, оголив разбитые колени, подобрала подол длиннобархатного платья, прошла в глубь многоликой темноты и отыскала себе уголок, удачно сокрытый от посторонних глаз. Мимо нее сновали веселые не совсем ясно отчего «человеки», некоторые даже были в «подсолнечных» очках, оттого, на едва уловимое мгновение ее белые крепкие зубы оголялись.

Зину поражали до души глубины молоденькие девушки почти без одежды. Особенно ее внимание привлекала девица на высоких каблуках, в шляпе и скорее в купальнике, нежели в чем-то ином. По отношению к незнакомке Зинаиды почувствовала зависть. Но разочарование улетело из ее выразительных глаз в неизвестность, преобразовавшись в задорную улыбку на ее слегка перекрашенных помадой, но оттого не менее, а более прекрасных губах, когда Зина заметила молодого человека в обтягивающих брюках, ясно напоминающего ей хорошо знакомого и любимого друга — Питера. Ее тщательно выщипанные брови приподнялись, идеально-гладкий лоб от неожиданного поиска мысли запротестовал появившейся морщинкой. Кажется, она испытала неосознанное доселе чувство непримиримости с действительностью.

К Зине подошли три лица, естественно, кавказской национальности. Она была взволнованна, как никогда в своей жизни. «Вот он, — думала она, — тот момент, который я поджидала всю жизнь». Бородатые террористы весело переглянулись безмолвными улыбками одобрения и довольства и направили свои черные глаза на смутившуюся от неожиданной популярности Зину.

— Сколько? Нас трое. По очереди не согласны, — говорили они одновременно.

Акцент, которым обладали прекрасные незнакомцы, душил и без того тяжелые от медных килограммовых сережек уши Зинаиды. Но не было времени обращать на это внимание. Зинаиде казалось, что она привлекает своей красотой безусловно роскошных иностранцев.

— А че сколько?

— Как че!? Денег. Или ты бесплатно хочешь? — Они безжалостно засмеялись, похлопывая друг друга по волосатым спинам, заглушая при этом громкую музыку.

— У меня пять рублей есть.

Друг с другом террористы заговорили не по-русски, наверняка обсуждая дальнейший план действий.

— Ты одна? — спросил, видимо, главарь этого бандформирования.

— Нет, отчего же, у меня друг есть, правда он сейчас в больнице...

Улыбки бородачей были непреклонны. Казалось, они обозначали, что все было бы смешно, когда бы не было так грустно. Но в это как-то с трудом верилось. Они удалились по-английски, не проронив ни слова.

Таким образом, простояв в углу до самого утра, Зина стала замечать, что народ, будучи веселым и дерганым, начинает редеть и увядать, как цветы в ее селе с приходом осени. Зина вдруг поняла, что за всю ночь ее так никто и не пригласил танцевать — за исключением трех террористов, которых даже соблазнительная явно не по годам Зинаида, как ни старалась, не имела возможности понять. Она вспомнила восторженную Наташу Ростову после первого бала, с грустью в сердце вздохнула, и, впервые за много часов, присела за освободившийся столик. В ее маленькую, но миленькую головку закрадывались оправдательные понятия, тесно связанные с нынешней неудавшейся ночью. Но только темный зал, окутанный весь сигаретным туманом, опустел от всякого народа, ей тут же, как ежику в тумане, лаконично указали на дверь.

Теперь город не выглядел столь прекрасно, не блистал своим величием. Он, казалось, померк в свете огней. Дело шло к рассвету. Тут только она заметила, что на дворе осень. Зина сейчас поняла всю лживость, прикрытую за высокими и красивыми домами. Она видела убитые старостью дома, темные подворотни, слышала «задушевные» крики из разбитых окон. С замиранием сердца следила за каждым чуждым ей движением и невольно прислушивалась ко всякому шороху, ей непонятному.

Немного впереди ползла старуха, закутанная вся в черное одеяние. Она остановилась у большого рекламного плаката и взглянула на него с чувством досады и чего-то явно упущенного. На картинке изображалась красивая девушка, молодая, веселая и вся какая-то бледнолицая. Старуха прикоснулась к своему обвисшему почти до колен лицу, улыбнулась и ушла прочь.

Неизвестно, почему и зачем, что, где и когда, но у Зинаиды заболели зубы, острая боль кольнула ее ротовую полость, да так, видимо, кольнула, что она проснулась.

3

Дневник Зинаиды Долампочкиной. Записи, сделанные о вчерашнем дне

Hello, мой любимый дневник. Как ты можешь заметить, я учу английский язык и, насколько из этого можно судить, достигла определенных успехов: первые три буквы я знаю как свою мать родную. (Зина ее никогда не видела).

Как клево, что ты у меня есть. Я так рада, что ты спасаешь меня в горькие минуты моего одиночества. Вот сейчас эта минута наступила, и я обращаюсь к тебе, как ни к кому другому, дабы найти в тебе одном утешение.

Прикинь, вчера после работы я, как обычно, уснула, читая по вредной привычке любимую книгу. И располагаясь у окна, видела более чем странный сон. Но пришел Питер и нарушил его, так что я ничего толком не поняла, да и потом нет у меня до конца уверенности, что понятие это все же осталось бы в моей голове. Вот такие дела.

А, да, Питер! Еще чуток бы и забыла. Должна тебе сказать, что его из больницы выписали. Он здоров совершенно. Еще Питер сказал, что будет продолжать добиваться любви Сергея. Ну, Кабана, в смысле. Какие, однако, странные прозвища придумывают мальчишки. Питер говорит, что пусть Сергей избивает его, сколько тому будет угодно, говорит, что его любовь стерпит все, что захочешь. Уверена, что Питер будет продолжать ухаживать за Кабаном... О, это так романтично. Я сейчас легенду вспомнила, которую давеча в книжке прочла. И мне кажется, это их судьба. Ну, вот опять меня на меланхолию потянуло.

У меня дела путем. Я теперь с гордостью всем знакомым сообщаю, что назначена на новую должность, старшей доярки. Девки как мне завидуют! Жуть. Правда, маникюр портится, но зато руки в тепле, и то хорошо. Марьяна мне плакат с Биланом подарила. Такой прикольный. Я мечтаю стать Димочкиной женой. Я знаю, он полюбит меня, надо только с ним увидеться и все. А за мной дело не постоит... Я как наброшусь на него... Нет, лучше не думать об этом, а то опять весь день буду ходить вся такая возбужденная. И какая я, однако, мечтательница. Ну да ничего, мечтать не вредно.

И вот еще что. К нам в село городская приехала. Ничего так девка, нормальная, местами даже симпатичная. Только такая простушка, что даже смешно делается. Говорят, город ей надоел, жить у нас хочет. Да мужика она хочет, я то уж знаю. Завтра, наверное, пойду знакомиться.

УЕЗДНОЕ

Долго думал, как начать. И даже, поверите ли, придумал! Но вот что приключилось пред тем. Всего прежде, извольте знать, читатель, что спешил пока к столу с известной целью начать наш рассказ, совсем-то позабыл чем положить именно первые строки. Не мудрено, скажете вы, нечего спешить — ведь так можно насмешить. Именно правы вы

теперь, ежели так мыслите. Но, однако же, беру на себя смелость утверждать, что кабы ведали вы всего того, что подлинно творилось в моей голове во время размышления над всей этой историей, о которой немногим после, то уж тогда, верно, не удивлялись моему смешливому настрою. Мне весело сию минуту, насколько это возможно. Вы уж поверьте! Сделайте одолжение. Говорю так не из цели кого обидеть или еще чего нехорошего (боже упаси от такой напасти), а даже наоборот, желаю вас самого настроить на веселый лад. Признаться, я испытываю неловкость, когда кому-то грустно, а мне противоположно — весело. Так вот, исключительно в том моя подлинная цель. И... Да! Нужно ведь было, в самом деле, начинать с чего-тонибудь с чего. Далее желаю надеяться, что у вас имеется малейшее понятие о том, как порой бывает сложно укротить мысль в голове и перенести ее на бумагу, а коли бумаги под боком не имеется, так совсем-таки невозможно, и нельзя, и не нужно даже. И поверьте, сейчас, ее со мной рядом нет. Даже сомнений в том быть не может. Ежели где правда сокрыта, так только и в последнем. В общем, пеняю на некоторое снисхождение в дельнейшем с вашей стороны, и желаю вам всяческих сил дочесть до конца. Приступим!

И еще кое-что, пока не позабыл. Если рот ваш открыт, немедленно его закройте. Немедленно! Так нужно. Вот и прекрасно. А мы начнем, с вашего безмолвного позволения.

1. *Исаакий-змеевик*

Я проснулся, потянулся и сделал губами вот как: «Бррр...» — как, собственно, выделявал всегда, сколько себя помню. Причем раньше я на это самое «бррр...», так или иначе, внимания не обращал, ну никакого. Но теперь мне сказали, что важна малейшая подробность. Далее скинул шубу и сполз с печи своей, на которой, если можно так сказать, квартировался ночами долгими. За окном солнце поднимается не спеша и на дворе нашем куры гуляют, тоже, впрочем, не спеша; петуха не видно, но слышно. Мамаша, верно, на кухне. Жаль мне, что вы не слышите запах хлеба, только испеченного к завтраку. Интересно, а где мои калоши спрятались? Это я не вам, простите. Итак, в то время, как я буду настраивать свой утренний туалет и завтракать, и убирать стойло (жилище для нашей коровы по кличке Милая), вынужден буду с вами мысленно объясниться. Это не из моей прихоти, вы уж поверьте. Это все для того делается, чтоб дальнейшее наше повествование было для вас, читатель, не таким диким как наша корова, а хоть сколько-нибудь понятным.

Сегодня Исаакий-змеевик, скажем это для пушей подробности. В день Исаакия повелось сажать бобы, а раз уж принято так, то нужно, значит. Но вас это, к счастью, не коснется. Также полагают, что в этот день змеи празднуют змеиную свою свадьбу. Гулянья нынче у змей большие намечаются. Ни мы, ни вы не приглашены. А вот приятное для меня обстоятельство, которым не могу

не поделиться. Завтра уж Еремей-распрягальник, а это конец всякого посева означает и означает еще, что для меня отдых от работ наступает.

С полной ответственностью заявляю, что в голове моей поселился автор. Уверьтесь, самый настоящий. Он-то и объяснил, что жизнь моя будет не похожа на то, что было ранее, до этого, до сейчас. В общем, к заботам моим прежним — хорошо учиться, убирать за коровой, помогать отцу, и т. д., и т. п. — мне поступило прибавление. Какая, однако, дурная привычка у моей мамыши делать жаркий, прямо как погода на улице, чай. Но это оставим, так как прямого отношения к делу не имеет. Автор этот, — и мы его впредь будем так называть, потому как иной-другой информации о себе не пожелал предоставить, — так вот, автор надоумил меня говорить про себя, про то, что вижу, что чувствую, и не скрывать при том ничего и нисколько, все одно, он будет понимать. Скрывать? Интересное дело. А мне что скрывать-то? То, как я сейчас в туалете деревянном сижу? Если только запах скрывать ужасный, так он здесь двадцатилетиями водится, и ничего! Привыкнуть можно, главное, вниз не смотреть. Но оставим и это, и покончим, наконец, с разъяснениями. Автор уяснит с моих слов, сколько нужно ему страниц, и уйдет из моей головы насовсем. Уж я на это надеюсь. Также он уведомил, что жизнь в книжках хоть и коротка, но зато интересна очень. Слово «коротка» мне не пришлось по нраву, оно и понятно, и тут я взялся было с ним спорить, но он сделал моему мозгу больно... очень больно, и споры все и несогласия куда-то улетучились, словно и не существовало их вовсе, точно так не существовало передо мной никакого выбора. То есть совсем не было почти гамлетовского вопроса, разговаривать с автором или не разговаривать.

Ах... Вот чего не пойму, так это то, в каком месте корова может быть милой, на вид она, уверяю вас, далеко не милая. Зачем и откуда столько гадостей сыплется, а мне ведь потом убирать. И пусть всякие любители животных обзывают себя «любителями» только после того как уберутся разок-другой за коровами самолично своими нежными городскими ручонками. А за слоном каково... Ха-ха...

Продолжим тем не менее. Я, сказать по правде, считал себя раньше уж точно десятка не из робкого, и даже поинтересовался, то есть мне стало интересно, с каких это таких пней автором избирался я? Мне тут показалась моя особенность внаглую скрывавшаяся от меня. И даже вспомнилось, как не так давно учительница по литературе — Евгения Евгеньевна — назвала меня «литературным мальчиком». Но автор опустил меня с небес на землю (к себе в деревню) и убедил меня, к моему же огорчению, что это случайность и ничего более, и пожелал скорее закрыть эту тему. Таким образом, свыкшись с авторским голосом в голове, я самолично даже принялся делать некоторые записи. Параллельно начал свой сказ обо всем моем мире, который вокруг меня, пред глазами самыми. Эту инициативу мою автор одобрил, от души, правда, пред тем насмеявшись.

«Ма-ам!... Все. Ну, я пойду... Угу, буду»...И вот, извольте знать, живу теперь с автором в голове. На этом, надеюсь, с объяснениями покончили.

2. Подсвечниковы

Теперь пришло время знакомиться. Вам со мной, но не мне с вами. Вот такая вот несправедливость имеется. Как бы там ни было, оттянуть эту несправедливость уже невозможно. Крайне необходимо, чтоб у читателя сложилось представление о персонажах, к коим я и себя отношу. Иначе несутевица какая выйдет у нас с вами. Так как без меня навряд что объяснить бы получилось, потому и начну с себя.

Мое полное имя — Иван Эхилевич Подсвечников. Но обойдем стороной формальности и станем называться своими, простыми именами. Ваня. Все так и называют, или почти все, другие взяли привычку обзывать словами, на имена даже не похожими или совсем ни на что хорошее не похожими. Признаться, не умею о своем имени говорить без некоторой фальши в голосе.

В самом деле, имя у меня обязывающее к конкретным действиям и ассоциируемым с ним понятиям. Во всяких сказках, если иной сказочный человек Иваном зовется, то обязательно, непременно, за дурака, к тому же немало, почитается. Но что более обидно, дурак-то он непростой — счастливый до беззаботности, до ушей самых. Обидно даже счастливым быть, но не умным.

Согласно моему имени, нисколько не удивительно для меня будет, и вы чтоб, читатель, в дальнейшем этому обстоятельству не дивились, мысли свои, известно какие, на бумагу валять с небрежностью русской, дурака исполнять, другими словами.

Мне без малого двенадцать лет. Признаюсь, что говорить и наблюдать себя со стороны не совсем обычно и нормально, но я постараюсь изо всех сил, ибо поставил перед собой цель всяко ублажить ваше любопытство.

О себе не могу сказать что-нибудь интересного и сколько-нибудь нужного, а главное, правильного. Это мне представляется нелепым. Но случись мне писать о таком как я, то написал бы я вот что: «Это самый обычный деревенский мальчишка. Со своими интересами и с появившейся претензией к окружающей действительности. Мечта его — водить большой трактор, стать скорее взрослым, занимать уважаемую должность, наподобие председателя округа и так далее, что-нибудь в этом роде. Он смотрит вперед и ищет себя в этом мире».

Вышло немного абстрактно, но, думаю, сойдет. Все именно таким образом, каким нужно и требуется, как у моих сверстников, в общем. Когда-то, по крайней мере, так было. Что еще? Я никому это не говорил... Поэтому... В общем, мне нравится очень Маня, соседская девочка, но она, кажется, не догадывается даже о моем существовании... Но, раз Маня ни о чем не догадывается, то и мы с вами сделаем вид, такой, знаете ли, смешной, что ничего-то не знаем о ней, да и знать не хотим.

Наконец пришли к вещам более серьезным и взрослым, если позволите. Без семьи своей я и себя не мыслю, так что, рассказывая о себе, не могу не познакомить с ними. Мамаша моя, Мария Юрьевна, в целые дни только и делает, что занимается хозяйством, весь дом в ее распоряжении. Право же, иногда просто до смешного доходит. В огороде убрано, обед готов, живность (скотина) где полагается, а мамаша никак не может заставить себя отдохнуть. Бездельничать она не умеет совершенно. Тогда она начинает вдруг включать страшную женскую фантазию, а включив ее, выдумывает такое...

То на крышу полезет, какие-то «исправлять неполадки», то траву придумает у крыльца выщипывать, а другой раз и вовсе к соседке убегает, обои клеить или потолки белить. А к вечеру у нее ноги сильно разболеваются, но на боли эти она и не жалуется нисколько, и не говорит даже об этом и не обращает, кажется, внимания. Моя мамаша — самая настоящая русская женщина, и этим многое сказано и дополнять еще что-либо просто не вижу смысла.

Перейдем к папа (ударение на второй слог), и перво-наперво скажем об его необычности. Я давно уже стал подозревать, что он не совсем похож на мужиков из нашей деревни, с которыми он сам избегает всякого сношения, если дело не касается напрямую его профессии. Мой папа — Эсхил Эврипидович — работает трактористом-механиком, сообщаю вам это с гордостью, потому как не каждый в силах постигнуть важность этой профессии. Но я-то не из тех.

Он не носит бороды и даже усы напрочь сбривает, он чрезмерно худ и походка его вся не торопливая и ни к чему не обязывающая. Руки всегда опущены (во всяком значении), и в жизни своей он уже ни к чему не стремится. Самое заметное отличие папа (ударение на второй слог) от других не во внешности главным образом сокрытое. У него душа иль порода другая... женская что ли. По его разговорам со мной мне начинает казаться, что будто в него вселилось понятие, что ничего уже невозможно и недостижимо. А в его положении «так просто и думать нечего». Так, что странно даже.

Но мне нравится говорить с ним «о звездах», то есть о вещах посторонних и в некоторой степени философских или «пустых», как позволяет себе выражаться маменька. По его вечно грустному лицу (глазам в особенности) напрашивается вывод, что тракторы и работа его собственная в его же глазах выглядит делом унижительным и бесперспективным. Скажу по секрету, что мне совсем не понятно, что могло сподвигнуть моих родителей сойтись вместе и создать семью? Такие они разные...

Потом моя сестра — противное существо, как на нее ни погляди. Вместе мы уживаемся плохо, что нисколько не удивительно, а даже обычно. Заранее вас об этом предупреждаю, чтоб волосы ваши дыбом не становились, когда станете случайным наблюдателем склок наших, доходящих порой до выдирания волос и поломок Любиных длинных очень ногтей. Любовь считает себя местной знаменитостью и сама же прочит себе большое будущее в каком-то

там бизнесе модном. Но это стоит отдельного разговора, который появится немногим после.

3. Илья Фомич

Известная беда в деревне в нашей имеется — дороги. Но быть если до конца честным и привередливым в фактов освещении, то вернее будет сказать, что дороги отсутствуют напрочь. Они, как нарочно, в лесу теряются и зарастают, и так зарастают, что не найдешь их днем с огнем и с любимым другим фонарем не углядишь. Не стоит кривить душой, дороги отсутствуют так долго, что никто теперь и не вспомнит их последнего присутствия.

Беспокоит также разрушенный мост на речке Постирушка. Это бабы наши виноваты, слишком часто ходили они по мосту и продавливали его своим весом, не малым, надо сказать. Стирать им, видите ли, места не найти лучшего. А к соседям нашим в деревню Сорок-Сороков и думать нечего, чтоб попасть без приключений. Ладно, зимой сани направишь в какую надобно сторону, и спокойно тебе, и важно. А осень как, весна подойдет, грязи наведет, так и сиди себе в избе безвылазно. Что тут, казалось бы, поделаешь? А вот что!

Мужики наши толковые, возглавляемые самым, наверное, толковым из них — Ильей Фомичом Поделкиным — придумали, как разрешить волнующий всякого русского человека вопрос бездорожья. Илья Фомич умом своим выдумал на дорогу, всю разбитую от реки самой до деревни, повыкидывать ненужный весь хлам и мусор, а главное — кирпичей ко всему этому прибавить. Для такого дела даже кирпичей у председателя Сврунова силикатных позаимствовали, объяснив это тем, что вторая баня и так большая; авось обойдется, и не приметит Сврунов пропажи.

Илья Фомич искренне полагал, что асфальт таким образом может получиться. И на выдумку даже свою патент хотел завести. Ночами не спал, думал только, как лучше сделать для народа. Эсхил Эврипидович, мой папа (ударение на второй слог) расстроился немного и задумку Ильи Фомича не одобрил, и не сказал ничего. Только то и сказал, что другая у нас беда имеется, поважнее дорог разбитых. И грустно бывает, когда обе они встречаются.

Сказал он это, и никто его не понял, да и как тут понять, когда другими понятиями голова забита. Поступили точно так, как сказано было Ильей Фомичем. Всякий, ни один не поленился, вышел и для пользы бросил что ненужного в хозяйство на дорогу. Иные так совсем, с особым, еще советским, энтузиазмом отнеслись к поставленной задаче. Федотовна кроме энтузиазма женскую фантазию прибавила, самолично сени разобрала и на дорогу выкинула, и ведра, и бидон туда же подевала. Да еще и самогону литров пять обещала поставить.

Скорое появление дороги вдохновляло нас и вселяло радость. Всякого веселила перспектива гулять селом дружным на празднике каком-нибудь, да по дороге еще ровной расхаживать под гармонь звонкую.

4. Сарай

Вообразите, город такой есть на земле — Сараево. Смешное, не правда ли, название. Когда впервые услышал, с ума не сошел чуть от смеха. Учительница по географии (молодая практикантка), выдав такого рода информацию классу нашему, явно не ожидала восторга, который она вызовет. А реакция была таковой, будто пересказывала она занимательный сюжет из «Смехопанорамы», иль просто Петросяна самого пародировала. Не сложно догадаться, что после наша молодая учительница была несколько ошарашена. Если судить по тому, что последовало с ее стороны дальше, то можно думать, что восприняла этот смех она на свой только счет.

А дальше вот, она руками замахала, и заплакала и вылетела, наконец, без чьей-либо помощи, прошу заметить, стрелой из класса. Да прибавим ко всему этому то, что она очки свои разбила. Жаль конечно... но сколько чувств — море целое и маленькая лужа.

Вот такой вот город Сараево. Мне и сейчас кажется, что это такой парочный город, где кругом одни сараи и люди там живут такие, которые совсем похожи на бедуинов... или еще каких-нибудь гуманоидов. Я и теперь представляю, как они там преспокойно себе спят на мешках из под картошки, читают старые газеты, слушают неновые записи Высоцкого, на бобинах именно, все пытаются починить старые велосипеды модели «Кама» и никак просто не устают перекладывать с места на место инструменты, запчасти, ну, а самое важное: всегда-то они, каждый день, наверное, теряют молоток.

Вы, верно, думаете зачем взялись тут сараи? И размышляете пока вы, я тихонько продолжу. Довожу до вашего сведения, что о сараях мы заговорили неспроста, а с одной целью. Я сам сейчас сижу в сарае. Как здесь? Ну, здесь темно и пыльно, немногим прохладнее, нежели на улице, а пахнет здесь старыми вещами, избавиться от которых невозможно из-за нравственных, конечно, соображений.

Сижу я здесь довольно, чтобы чувствовать себя спокойно и делать даже записи. Я организовал тут в углу, посмотрите, свой уголок, который называю, только не смейтесь, мой рабочий кабинет. К старому столику я подначил табурет, для пущей важности притащил свечи, книги разные, словарь один, листки, ручку и был таков. Признаться, я немного солгал, тут и не так чтобы темно, сквозь щелки-то заглядывают лучики света, которые режут пыль насквозь. И глаза мне иногда тоже режут.

Может, вам представляется смешным воображать мой рабочий кабинет, но меня он устраивает вполне, и случись мне поменять выдуманное место работы, я бы прежде тысячу раз несколько подумал. Мне здесь думается как нельзя лучше. Я закрываю глаза и воображаю себя где-нибудь на лазурном берегу у теплого моря, могу представить себя сидящим на луне (точно Маленький Принц), и вообще придумать могу такое, что только душе будет угодно. Да хоть

Маню могу рядом с собой поставить и быть с ней уже мысленно. Полный буддизм! Теперь вы знаете тайну о моем сокровенном уголке.

Сарай этот построил мой дед — Эврипид Овидиевич Подсвечников — при царской власти еще. С тех пор сарай этот успел побывать крестьянским, потом назывался колхозным, а во время войны тут оружие хранили рядом с соленьями разными. Он никогда не сносился, но обростал постепенно новыми заплаты и дожил себе спокойно до наших, моих времен.

Всякий старый сарай имеет свою историю, потому, видимо, они все без исключения и выглядят постаревшими и развалившимися, и покосившимися тоже. И кажутся еще какими-то русскими. Кругом все меняется, а сарай так и остается недвижно на старом своем месте и старым тоже остается.

На этом покончим с укромными уголками и другими рабочими местами. Продолжим немногим после, теперь на время с вами прощаюсь. Спешу очень. Меня уж обедать зовут, видать засиделся я с вами.

5. Русский лес

Лес пахнет лесом, как его не назови. Почитай его хоть за столбы фонарные, или любые другие столбы, предназначение его или запах, тем паче, не изменится никак и ни в какую сторону. Прикоснешься рукой к коре морщинистой и почувствуешь тепло, жизнь, и жизнь свою, может быть, по-иному понимать научишься. Поймешь хоть то, что не дерево ты вовсе, но живой, как и оно.

А другой, прикоснувшись, кроме сухости шершавой ничего и не почувствует, и не поймет, и не нужно даже ему никаких таких понятий. Но если ты другой (мы так и подумали, представили тебя другим), тебе непременно захочется пройти мимо таких очень живых столбов и потеряться в себе, на некоторое время почувствовать желание не быть в себе; и совсем нигде не быть, а только здесь и быть.

Спрятаться захочется очень потом в тени и на небо смотреть, чистое небо сквозь кривые пальцы ветвей. Слышимость хорошая, слышно много чего. Звуки все лесные. Голова кружится от удовольствия, и еще от понятия, что ты в лесу. Нападает вдруг спокойствие и прогоняет даже все беспокойствия, которым, очевидно, нет места в большом-огромном лесу. Слышно хорошо.

Но глаза-то закрываются и слышно себя только — эгоиста такого нехорошего. Солнечные зайцы из глаз не выходят. Мысли в голове путаются, собой между устраивают междоусобные войны за право именоваться главенствующей мыслью. Последней мысли не бывает совсем, потому, как за ней тут же другая следует, новая и передовая и другая, отличная такая. Но вот лучше ль она предыдущей, ответить невозможно никак. Время ответит спустя сколько-нибудь времени.

Нашли меня там, где меня нашли. В день тот же. За временем не уследишь. Сашка Каруселькин явился надо мной, как лист пред травой, весь взъерошенный и неожиданный. Возник, как во сне, и стал, как сперва показалось, его нелогичным продолжением. Рядом сел и сразу мину скорчил, за которой новость какую прятал, но новость эту он разговаривать не спешил, ждал, пока не упроят его. Нрав у него такой. Заметно было, что страсть как рассказать хочется, терпеть уж мочи нет. Губа нижняя независимо от него нервничала и дрожала, и была уже готова сама все говорить. Но природа такого вытворять не позволяет.

Я нарочно молчал. На калоши его смотрел, которые у меня он летом прошлым одолжил и с возвращениями не спешил, и вид делал такой, будто забыл такую мелочь. Он уследил за моим взглядом и даже смутился весь, хотел их спрятать, но как это сделать, понять не умел. Видно было, что Сашка обиделся на меня за такое отношение. Такое дело он пришел рассказывать, а я старые калоши вспомнить умудрился.

Молчать Сашка не мог уже по своей натуре, потому и начал беспорядочно излагать всю новость. Выходит, что в деревню к нам городской повадился с целями обеспечения добра, и благотворительности тоже. Гость богатый и весь дорогой из себя, некто по фамилии Кашица. Как поговаривают, Кашица этот рассудил за благо строительство у нас открыть большое. Что, вот, дескать, места живописательные, и санаторий туристический не дурно б завести было и даже нужно, иначе упадок какой-то начнется.

Санаторий обещается небольшой, но уютный, у речушки возвести. Да и потом дороги асфальтовые появятся и сама присутствует возможность создания, в нашей-то деревне, районного центра. А это уж совсем неслыханное дело. Но, чтоб слыханным оно стало, нужно еще лесопилку крохотную тут же пристроить, а вот на это уже требуется разрешение сельчан. Вот и ходит Кашица с председателем нашим Свруновым по деревне, в избы только заглядывают и бумажки белые показывают, и проекты говорят, и бизнес-планы тоже, а еще выгоды невидимые сулят.

Никто и ничего, правда, не понимает и выгоды невидимые тоже не примечает. А Федотовна, как увидала бумажки непонятные, да слова не русские услышала, так совсем обоих выдворила со словами нехорошими и с крыльца пред тем спустила. Сильная баба Федотовна.

Сврунов, надо сказать, более всех рад, а почему рад неизвестно, известно только то, что к Кашице он будто приклеился, ни на шаг от него не отходит, а в рот все ему заглядывает, и каждое-то словечко ловит в кулачок, и в карман потом прячет. Почему так происходит, а не по-иному, ума никто не может приложить. А главное, что понять не можно, это то, к чему и как прикладывать ум этот. Тем дело и покончилось, толком не успев начаться.

Несомненно одно, что далеко еще не вечер. А как известно, дело темное требует темноты в наличии.

6. Розовая шапочка

Теперь вернемся к отложенному разговору о сестре моей Любе. Потому как время пришло самое подходящее. Пока в лесу я неизвестно чем занимался, в доме нашем успело все смешаться и стать даже вверх дном. Но прежде чем начать излагательством заниматься событий последних, позвольте подробней о самой Любе сказать.

Любовь всегда-то почиталась за особу оригинальную, на других сверстниц — и не сверстниц тоже — не похожую совершенно. Воспитание она получила не совсем, то есть совсем другое, нежели я и остальные дети в деревне нашей. Присутствует подозрение, что повинен в том наш папа (ударение на второй слог), который возомнил себя невесть каким садовником-воспитателем и принялся в русском огороде цветы французские разводить. Но оставим это в покое, поздно уж что-либо менять.

Совсем ей разрешалось не работать или, лучше скажем, не разрешалось работать. Не нужно было помогать маменьке по хозяйству и вообще никак не нужно помогать. Разрешалось зато ногти отращивать до таких немислимых размеров, что посуду никакую невозможно мыть, а чтоб пол протереть — так и думать нечего.

Привычное дело в нашей семье, что утром и вечером в бане нашей не появиться, не говоря уж о том, чтоб и помыться. Люба там, видите ли, эксперименты какие над собой проводит, то ноги бреет, то волосы красит в цвета разные, о существовании которых догадаться-то сложно.

О том, какие платья Люба носит, я совсем лучше молчать буду, боюсь вас смутить очень. Бабы ее как увидят, и ее серьгу в животе, и сумочку невесомую на плече, так стороной обходят, словно боятся заразиться неизвестной, но очевидно заразной болезнью.

А однажды случилось Любе роман Тургенева сентиментальный прочесть, так после ее совсем на западную сторону потянуло. Потянуло в самом прямом смысле, будто магнит какой в сердце появился. До того дошло, что кровать в своей комнате на западную сторону выставлять пришлось. В этих вопросах с ней лучше не спорить. В этих вопросах у нее есть такое убеждение, что она обязательно права. А самое лучшее, если совсем с ней не спорить — себе дороже выходит.

А как телевизор в нашем доме появился, он непостижимым для меня образом перекочевал в ее комнату, где Люба могла смотреть во все глаза сериалы разные и передачи музыкальные тоже. Это для того, наверное, сделалось, чтоб не мешал ей никто связь с миром со всем поддерживать.

Подруг у Любы в наличии не имеется нисколько. А какие девки увидят ее, так дичиться сразу начинают и переговариваться, взгляд пряча, и семечки продолжают лузгать. Видно, что страсть какая зависть их берет пред красотой ее «телевизионной», как сами они позволяют себе выражаться. И тайно,

никому то есть не признаваясь, мечтают на нее походить всеми возможными способами.

О желаниях Любиных догадаться несложно, никаким проницателем тут быть не нужно. А мечтает Люба по городам большим путешествовать в сопровождении вспышек фотокамерных, и чтоб непременно все красой ее неопишуемой восхищались. Но до этих путешествий еще далеко, столько далеко, сколько до красы ее, которую в ней, хоть обыщись, не найдешь. Тут другое путешествие с ней приключилось, которое, можно теперь это с уверенностью сказать, изменило жизнь ее всю и приблизило, быть может, к мечте сколько-нибудь.

В глуши, за деревней, далеко за деревней, живет сама по себе наша прабабка, связь с которой маменька отказывается терять по причинам неизвестным, а иногда посылает кого-нибудь, то есть меня, с гостинцами к ней, с солью и хлебом, самыми такими необходимыми вещами, в общем. Как говорилось уже, я многое что пропустил, пока в лесу терялся, вышло так, что без моего естественного присутствия пришлось маменьке отправить Любу с гостинцами к бабе Шуре, потому как давно у нее не было никакого человеческого присутствия, а ждать никак уж невозможно. Очевидно, что нечто неведомое заставило так поступить маменьку и согласиться на это Любу. Тут остановимся и скажем несколько слов о самой бабе Шуре.

Насколько я могу судить из собственных наблюдений, баба Шура производит впечатление в первую очередь своей противоречивостью, визуальной которая выражается. Она мала ростом и неподвижна почти, и охает и жалуется при каждом лишнем телодвижении, но взгляд ее всегда ясен, и в глаза ее точеные и черные совсем даже смотреть не хочется; они тебя будто насквозь проникают. Она говорит мало, но по делу, примечает все и приметями разными руководствуется; кажется, она умна. Не в том смысле, что может она пару раз досчитать до бесконечности или Пушкина на память прочесть, нет, по-другому, что объяснить мне даже нельзя.

Иные так совсем удумали называть ее колдуньей. Не знаю, какая она из себя колдунья, но вот медицинский работник из нее вышел бы распрекрасный. Помнится папа (ударение на второй слог) из города привез мне грушу подозрительно большого размера, от которой сделалось мне дурно и отравление даже какое-то со мной произошло. Так баба Шура в избушку меня к себе поместила и травами разными от болезни вылечила, так что жаловаться не приходилось.

Всегда, отправляясь на выгуливание своего тела, Люба надевала розовую шапочку, и в этот раз ее не забыла. Случалось это примерно так. Некоторое время она выбирала подходящее платье, крутилась пред зеркалом, разукрашивала лицо помадами, и потом только уходила в лес.

Как нарочно, в этот день Люба выбрала свой лучший наряд, для которого сидела два месяца на какой-то там диете. Она взяла, как сообщила маменька, корзинку с гостинцами и пошла к бабе Шуре, почему-то довольная собой, с улыбкой, то есть, самодовольной на лице. Видимо это самое и оказало влияние

на некоего гражданина Редковласова, которого Люба встретила по счастливой для нее случайности на тропинке узенькой в лесу. Разойтись им было уже невозможно.

В общем, кончилось все тем, что Редковласов этот забрал ее с собой в неизвестную известность. Вот так, а не по-другому, покинула нас Любовь, не проотившись. На кого, спрашивается, нас оставила? Впрочем, возраст ее позволял принимать независимые решения. Кроме того, оставила Люба записку, которую принес улыбчивый Сашка Каруселькин, зараженный, видимо, веселостью и свободой от моей сестры. В записке сообщается, куда и с кем она девается на ближайшие годы. Но это вам, предвижу, неинтересно, а потому и оставим это все в покое.

7. Любовь дяди Мити

К вечеру ближе у крыльца нашего дома тихие зашуршали голоса, знакомые мне голоса моих родителей, ветер их уносил и прятал от меня, где-то там за кустами оставлял. Беседа шла тихо, будто боязнь присутствовала, что могут услышать черные тени и уличить их в чем-то антисоветском.

Я скрывался в палисаднике за забором, в зарослях травы, так скрывался, что увидеть невозможно. Где-то рядом кузнечик заседал и скрип издавал, и тем меня немало раздражал. Заставлял, нарочно будто отвлекал, изловить его, в кулак поместить и свободы лишить. Потому как надоел до ужаса. Ловил пока кузнечика, первую часть разговора пропустил. После почувствовал себя плохим разведчиком, и помню, засопел даже от досады, на кузнечика в большей мере. Впрочем, кое-что удалось узнать.

Завязалось все вокруг дяди Мити, местного лесоруба, что странно даже. Потому как дядя Митя не похож для меня на человека, способного подменить в умах сельчан одни понятия на другие, противоположные. Дядя Митя убедил многих в необходимости лесопилки. Он, о чем стоит сказать, обладал какой-то для меня непонятностью.

Он был широк в плечах, но худ очень, у него толстые, красные руки, но вместе с тем присутствует заметная шуплость, походка его, какая-то скованная и резкая, казалась размашистой, скрывавшей следы немалого здоровья. Ко всему этому прибавим, что смешным он казался, таким юморным, с глазами большими и грустными. А с топором огромным на плече казался уже совсем нелепым и таким неправдоподобным.

Изменения с дядей Митей частичные произошли после женитьбы его на Вере Николаевне Каблуковой, женщине скверной, склочной и, как говорят, «с норовом». Голос у нее крикливый, в критические моменты, когда нужна приходит спорить, доходящий до визга. Визга такого, что ничего другого слышать невозможно. Спорить с ней дядя Митя и не пытался, а наоборот пытался толь-

ко просьбы ее исполнять, с переменным, видимо, успехом, потому как крик Каблуковой из дома ихнего нередко раздавался. Федотовна разговаривает, что дядя Митя влюблен до безумия, до неприятия самого себя даже.

После долгой и, может быть, изнурительной работы вернулся дядя Митя домой, где увидел господина Кашицу, известного читателю не понаслышке, вместе со своей женой. Сидели за столом. Самовар пыхтел и горячился и сопровождал своим присутствием ход милой душевной беседы. Кашица назвал бы ее деловой, но мы обойдемся более простыми понятиями.

Дядя Митя ступил дальше, через порог сеней, и своим присутствием навел молчание. Он весь смешался, смутился и почувствовал свою непонятную себе самому вину, тем только усугубил нелепость собственного положения. Тут он даже пожалел, что оставил топор во дворе, ему вдруг почудилось, что с ним он выглядел бы в более выгодном свете. Встал и стал думать, как вести себя в подобных ситуациях.

Неизвестно, боюсь даже предполагать, сколько могло пройти времени в размышлениях, если бы не прикрикнула на него Вера Николаевна и не приказала сесть за стол. За столом этим говорили о вещах выгодных, так что не удивительно было появление моего папа. Вера Николаевна и Кашица обсуждали лесопилку, ее возможности и возможность ее размещения, и принятие ее другими сельскими жителями.

Дядя Митя сидел молча, и в пустую чашку глядел с грустью. О чем речь идет за столом, он и не слушал и не понимал; он думал над всей этой ситуацией и своим поведением, за которое было стыдно ему, и какая-то вина еще присутствовала. Тем не менее, Каблукова и Кашица придумали, каким образом привить сельчанам любовь к деревообрабатывающей промышленности. И сошлись во мнении, что без дяди Мити и моего папа (ударение на второй слог) тут не обойтись. И вряд ли можно усомниться, что затея эта у них не выйдет.

Ветер налетел, и кусты зашевелились, и заскрипела калитка. Продолжение разговора я уже не слышал. Непонятно откуда взявшееся расстройство приобрело во мне масштабные размеры и вылилось все это на меня в виде грусти. Все потонуло в сумерках. Тени только молчали. Лег спать. Всему на свете назло. Спокойной ночи.

8. Ванин сон

(рассказывает бессознательное)

Сначала с подушкой мягкой на голове. Как шапка у Буонапарте. Неудобно. Вышел. Встал. Немного бы — и упал. В тени почувствовать себя тенью, чтоб ничегошеньки не видно. Пришел куда надо. Не мне надо, но надо кому-то.

Город весь притих и ночь опустилась на серые крыши и ниже. Замолкло все. И лишь сквозь искусственный свет высоких фонарей и редких окон проно-

силса со свистом холодный ветер, листья после себя оставляя и другой ненужный мусор. Резал до костей.

Ночь одолжила у неба тяжелые тучи. Идти только медленно и неприятно. По улицам зашагал дождь, неожиданно. Дерзко. Асфальт почернел, покрываясь ледяной коркой. Мерзко. По домам поползли одинокие тени. Словно застыло все, сделавшись вдруг недвижимым, и в груди только взволнованно было, там наружу просилось что-то. Жалкие деревья, как стыдливые малолетние проститутки, оголились перед волнующим ветром. Безвозвратно угас былой огонь страстей, оставив после себя лишь увядшие искры на холодной земле.

Здесь и там бродила пустота, и западала в душу, и оставалась там, и уходить не спешила. Ни о ком другом, как о себе любимой, думать не могла. Глаза, чрез которые наружу сочилась зима, казались мутными и холодными, и чужими и непонятными.

Выбрал окно посветлее и зажил себе спокойно. С одним щемящим чувством. Захотелось проснуться.

добрый человек и даже... (фaint text)

Денис Подкорытов

*Студент 3 курса
филологического факультета (журналистика)*

Нет ничего дороже свободы мысли и свободы выбора. Каждый человек должен сам определять для себя, каким он хочет пройти свою жизнь до последней ступеньки. Для себя я решил, что возьму в дорогу. Творчество — поклажа в этом путешествии, что занимает места более прочего, но легче ее нет. Так пусть же стремления не стареют с годами, и к концу пути лямка походной сумы не порвется под тяжестью сожалений.

СПОР НА ПОВОРОТЕ

Рассказ

Способность видеть определяется
не только наличием глаз

Когда автобус вздрогнул в третий раз, я сразу понял, что двигатель сейчас заглохнет. Возникший где-то внизу, под ногами, стук стал затихать, словно источник звука становился все дальше и дальше. Пассажиры, само собой, загалдели, возмущенные и нечаянно раздраженные.

— Послушайте, молодой человек, — старушка, что сидела ближе прочих к кабине, отодвинула стеклянное окошечко, ведущее к водителю, всунула туда голову и заговорила дребезжащим, не лишенным высокомерия голосом, — нельзя ли это как-нибудь побыстрее уладить? Мы платим не за то, чтобы стоять на месте, так ведь? Молодой человек, вы меня слушаете?

Справа кто-то разразился громким смехом, и я не расслышал, что ответил водитель, однако вмиг перекосившееся лицо старушки, дало мне понять, что ответом она не удовлетворилась, лишь стала похожей на кошку, которой сунули под нос сигарету.

Я достал телефон, взглянул на часы. Циферблат расплылся...

Вижу, как секундная стрелка бежит по кругу. Наручные часы, что я ношу, именные. Их мне подарил лучший друг. Подарил просто так, не на праздник какой или День рождения, а за то, что мы знаем друг друга двадцать лет. У меня нет дороже подарка; я никогда не скажу Анжеле, что обручальное кольцо значит для меня куда как меньше. Я отрываю от воспоминаний и перевожу взгляд себе под ноги...

Я не сразу понял, что произошло. Увиденное столь ярко предстало перед глазами, что я едва не выронил телефон. Огляделся по сторонам, нелепо, но решил, что пассажиры должны были увидеть то же самое.

В семь вечера я сел в этот автобус, который заглох спустя каких-то пятнадцать минут, которых не хватило, чтобы выехать на шоссе. Хуже всего то, что автобус замыкал график. Пассажиров нельзя было пересадить в следом идущий.

«Надо бы больше спать», — подумал я, — «не то снова, как и полгода назад, переутомление даст о себе знать».

Водитель вылез из кабины, взяв с собой ящик с инструментом. Он заглянул в двигатель, после чего открыл пассажирские двери, что означало только одно: стоять придется отнюдь не десять минут.

Когда люди нервничают, они дышат чаще. Всего за четверть часа в салоне стало душно, и когда вечерний ветерок повеял между сидениями, то показался

особенно прохладным. Несколько пассажиров вышли на обочину, ссутуленный мужичонка, сидевший через проход от меня, полез к водителю с советами и встал над ним, заложив руки за спину, удивительным образом напоминая птицу с длинным клювом. Мне надоело сидеть, и я тоже поспешил выйти.

Обочина была завалена сухой хвоей и шишками. В двух метрах от дороги в темнеее небо указывали мачтовые стволы сосен. Я ничего не смыслю в кораблестроении, но отчего-то было приятно думать, что эти деревья могли бы нести на себе паруса, реи, такелаж.

Сентябрьская прохлада тронула воздух, и при каждом выдохе изо рта выплывало облачко пара. Влюбленная парочка отошла в сторону. Парень и девушка: обоим лет по семнадцать, насколько я мог судить, поддаваясь обману, что навеивали сумерки. Ночью кажешься моложе, чем есть на самом деле, к тому же темнота помогает человеку раскрепоститься. Они были несколько не застенчивы — целовались, и, похоже, ни на что не обращали внимания, разве что парень изредка прерывал поцелуи и поглядывал на меня.

Из дверей нерешительно вышел мужчина с тросточкой. Воротник его плаща был поднят и скрывал лицо ровно наполовину. С минуту он стоял возле самой двери, озираясь, потом побрел по обочине в противоположную от влюбленных сторону. Когда он остановился, я понял то общее, что было между ним и обжимающейся парочкой. Все они находились от автобуса на одинаковом расстоянии, словно боялись, что их не заметят. Боялись остаться в лесу, где ночь вступала в свои права.

Мне вспомнилось то чувство, когда отходишь от остановившегося на станции поезда, чтобы купить то, без чего не мыслится однообразная поездка. Ты знаешь твердо, что стоянка длится двадцать минут, но озираешься на состав каждый раз, когда дизель со свистом выпускает раскаленный воздух. Вокруг тебя пассажиры — такие же, как и ты — в трико и тапочках, нервные и торопливые, оглядываются и отсчитывают деньги без сдачи. Главной целью становятся не терять состав из виду.

Скука и размышления породили во мне желание пойти наперекор столь беспочвенному страху, к тому же потянуло в сон. Мне вдруг стало необходимо преодолеть несколько метров, чтобы понять насколько глупы могут быть опасения. Помню, как подумал тогда: «Я же взрослый человек, у меня есть дочь. Мне приходилось бояться и большего». Я двинулся по обочине прочь от автобуса. Миновав целующихся, я улыбнулся и собрался уже было обернуться, как вдруг понял, что отошел недостаточно далеко, а уже хочу удостовериться, не подевался ли куда транспорт. Пройдя еще метров десять, я остановился у поворота на проселочную дорогу, которую не заметил сразу. Здесь я обернулся...

Под ногами земля ухабистая — боюсь оступиться. Ботинки покрыты земляной пылью. На правой штанине повисли семена репешка. Не думал, что идти придется так много. Переступаю через полусгнившую ветку. Поднимаю взгляд...

Автобус никуда не делся, но я встал, словно парализованный. Неужели память вновь принялась давать сбои? Иначе и не объяснить. Полгода назад было именно так, врачи сказали, что у меня проблемы с долгосрочной памятью, и что подобные случаи крайне редки в медицинской практике. Они пояснили, что я вспоминаю случившееся со мной когда-то в прошлом — то, что я уже успел хорошо позабыть. Потому это всегда неожиданно. В течение года мне нельзя было водить машину, это было попросту опасно. Я не возражал и отправил жену в автошколу.

«Нужно по приезде обратиться к врачу», — решил я.

На дорогу вышли еще несколько пассажиров. В их числе была старушка, что цеплялась к водителю; даже с расстояния не меньше двадцати метров слышно было, как она скрипуче о чем-то говорит.

Неасфальтированная дорога уходила в лес, круто забирая в сторону. По тому, как накатана колея, можно было понять, что ездят здесь часто. Недалеко лежало озеро, и я решил, что ведет дорога именно туда. Я вгляделся в провалы между стволами сосен, стараясь заглянуть как можно глубже в лес. Внезапно за деревьями мелькнула тень. Я всмотрелся, но вскоре решил, что мне показалось.

Я было собрался возвращаться, но взгляд вновь зацепился за нечто, показавшееся на мгновение в двух десятках метров от меня. Присел на корточки и напряг зрение. Несколько секунд я снова ничего не замечал, но, наконец, меня привлекла сосна, за которой, как мне казалось — или то была шутка разыгравшегося воображения — кто-то возился. За стволом что-то шевелилось, неуклюже переваливалось. Неясность породила во мне опасения, и спину укололи несколько иголок страха. Я принялся убеждать себя, что волки не водятся здесь — в лесу, лежащем в каких-то двадцати километрах от города. К тому же зверь не будет приближаться так близко к месту, где периодически бывают люди; машины должны сильно пугать хищников, посчитал я.

Со стороны автобуса раздался резкий и громкий стук по металлу, я порывисто обернулся. Пассажиры неспешно бродили рядом с транспортом, который предупредительно мигал аварийным светом.

Немного отвлеченный, я бросил взгляд в сторону лесной дороги, решив сразу вернуться к автобусу. Согбенный старичок стоял там, опираясь на тросточку, и его седая борода касалась почти что самой земли. От неожиданности я не сразу сообразил, что стоит он всего в нескольких шагах от меня. Он был в рубаше, выпростанной из штанов и на старорусский манер перехваченной в поясе простеньким ремешком без пряжки. Его сухие ладони упирались в кривую рукоятку трости, голова была склонена на грудь, отчего плечи казались необычайно острыми и выдающимися из всей его приземистой фигуры. У старика совсем не было бровей, и заросшее до половины бородой лицо не выражало какого-нибудь чувства или мысли, что, по обыкновению, не свойственно пожилым людям. Редкие волосы торчали во все стороны, будто бы его ударило током.

Я переступил с ноги на ногу, посмотрел в сторону автобуса. Когда вновь глянул на старика, тот улыбался, словно довольный моей реакцией на произведенный им эффект, но глубоко посаженные блеклые глаза не изменились, а смотрели пристально и даже несколько ожесточенно.

— Дедушка? — сказал я, и старик разразился смехом — скрипучим и настолько неестественным, что у меня похолодело все нутро. Он сделал шаг в мою сторону и протянул руку с узловатыми артритными пальцами.

— Пойдем, — сказал он, а я услышал скрип несмазанного колеса и отшатнулся, едва не сев на задницу. Оступившись, я потерял равновесие, замахал руками, зажмурился, словно желал проснуться или развеять наваждение. Устоял на ногах. Старика и след простыл.

Нечаянно охвативший меня страх медленно, но неминуемо отступал. Почувствовав в себе силы сдвинуться с места, я решил больше не смотреть по сторонам. Но, сделав два шага к автобусу, услышал детский смех. Его спутать я не смог бы ни с каким другим.

— Маша! — вырвалось у меня так внезапно и громко, что звук девичьего хохота показался мне далеким и еле слышным. Испугавшись, что вовсе перестану слышать дочь, я кинулся на смех. В тот миг я не помнил ничего другого и ни о чем не думал, и как ни абсурдно было мое поведение, я продолжал бежать по иссеченной колесами дороге.

Тогда я не осознавал, что дочь моя не могла находиться в лесу. Здравомыслие захлестнулось безотчетным ужасом, что с ней непременно случится страшное, если меня не будет рядом. Я бежал, потому что иначе не могло и быть — иначе я бы не смог ее спасти.

Блики на воде секут глаза, словно мириады крошечных осколков. Засохший камыш, изломавшись, склонил поистрепавшиеся головки к самой воде, где между его желтыми стеблями то и дело плюхает рыба. Здесь, у берега, вода спокойна, а на середине озера ветер растревожил искрящуюся рябь, обратив ее в бойкие и частые волны.

«Чудесное место для дома», — думаю я, и обращаю внимание на двухэтажный коттедж, что одиноко устроился здесь — у самой воды. Я хвалюсь про себя, что не отказался от предложения...

Смех стих так внезапно, что навалившаяся тишина заполнила сознание физически ощутимой пустотой. «Чертова память!» Я резко остановился, сбив дыхание. Дышать стало чрезвычайно тяжело, и правый бок пронзило коликами. Кругом был лес, и я впервые за то время, что бежал, посмотрел под ноги. Слава Богу, я не свернул с дороги. Прямой она не была: обернувшись, я не увидел ни асфальтового покрытия, ни сколько-нибудь ясного просвета за деревьями.

Следующей моей мыслью было: «Какой же я кретин!» Словно протрезвел. С чего я взял, что моей дочери что-то угрожает, откуда ей было здесь взяться? Теперь эмоции улеглись, лишь бесились в голове мысли, возмущен-

но и ошеломленно. Я не мог найти своему поведению ни единого оправдания, но, к величайшему облегчению, услышал в тишине знакомый нестройный металлический стук. Развернувшись, пошел обратно, больше теперь полагаясь на аккуратность шагов, чем на зрение — стремительно, по-осеннему, становилось темно.

Сгустившийся мрак подгонял. Казалось, что кто-то смотрит в спину, преследует. За минуту оглянулся, должно быть, раз десять, притом замедляясь, чтобы всмотреться в стволы сосен, выискивая среди них того, кто смотрел мне в затылок, прячась каждый раз, как я старался найти его взгляд. Видимо, я так страстно желал обнаружить своего преследователя, которого должно было попросту назвать страхом, что обернувшись в очередной раз, увидел в пяти шагах за собой... девушку.

Она стояла, прислонившись к стволу, и, казалось, освещала пространство вокруг себя, потому как была одета в светлое и просторное платье, отчего фигура ее выглядела размытой, но от того не менее прекрасной. В первое мгновение я был поражен до глубины души, во второе — испуган до невероятия. Отвернулся, прошел несколько шагов и неуверенно оглянулся вновь. Она никуда не делась, и ее молодое лицо улыбалось той искренней улыбкой, увидав которую, хочется улыбнуться в ответ. Быть может, я так и поступил, не помню.

Повернувшись к ней, я сделал шаг навстречу, когда она поманила к себе. «Иди сюда, я исполню любое твое желание», — слова внезапно возникли в моей голове. Я не сомневался, что она играет. После второго моего шага она скрылась за дерево, и с другой стороны ствола, вместо нее, опираясь на кривую трость, вышел старик. Теперь взгляд его не был отчужден, его глаза, светлые и оттого ясно различимые в темноте, наполнились желанием. Желанием чего-то, что исходило от меня, — вдруг четко уяснил я.

Мысли вернулись, равно как и чувство самосохранения. Словно передо мной выскочила рычащая собака, я принялся пятиться, не спуская взгляда с согбенного старика, шатко ковыляющего в мою сторону. Он ставил перед собой трость, опирался на нее обеими руками и переваливал вес тела вперед, словно ноги не держали его вовсе, и вдруг кинулся в мою сторону. Я рванулся, сел — скорее упал. Но старик не настиг меня. Я вновь остался один.

«Папа», — услышал я совсем близко голос дочери. Поднялся и, вдохнув прохладный воздух, опрометью бросился по дороге, едва не падая, спотыкаясь на ухабах.

Я не успел запыхаться, когда увидел среди деревьев и чахлого подлеска чернеющий асфальт. Выбежал на обочину. Вдали сливался в одну точку свет автобусных окон и слышался удаляющийся рокот двигателя.

Стоя на дороге, чувствовал, как в подвернутых лодыжках нарастает дрожь. Меня начинало трясти всего, казалось, сам асфальт вторит телу. Ощущение такое, будто некто подключил весь мир к старому и изношенному двигателю, в котором ритмично бьет каждый клапан, а чугун готов расколоться от непо-

сильной нагрузки. Я схватил себя за плечи и сел, где стоял, в надежде унять дрожь. Через минуту холод пронизал ягодицы и, как ни странно, привел меня в чувство. Я почти успокоился, и вместе со мной пришел в норму окружающий мир: асфальт не бился в конвульсиях.

Но страх не исчез, он сидел во мне, притихнув на то время, пока я выбирался на трассу. Я прошел километра два, ни разу не оглянувшись и стараясь не смотреть по сторонам. Когда впереди пронесся автомобиль, разрывая немую темноту светом фар и рокотом двигателя, я побежал, не помня себя от радости. Еще несколько машин пронеслись мимо, не сбавляя скорости. Я не успел вновь пасть духом, как у обочины остановился старый лупоглазый «Москвич», неразличимого в темноте цвета. Приблизившись трусцой, я сел на соседнее с водителем сидение, даже не посмотрев, кто ведет машину и есть ли кто-нибудь еще в салоне. Мне было все равно, чем окончится мой первый опыт автостопщика, — лишь бы убраться из этого чертового леса скорее и дальше.

— Э, э, парень, ты так не спеши, — водителем оказался тощий азиат с абсолютно чистым русским произношением, — дверью поаккуратнее. У тебя документики есть?

— Чего?

— Ксиву покажи, а то... живо выметайся, — он потянулся под сидение, — я человек добрый, но вдруг ты шваль, а я, дурак, торможу каждому тут. У меня ломик — вот он, рядом всегда.

Не желая снова оказаться на дороге в треклятом лесу, я принялся шарить в рубашке под свитером, просунув руку за воротник. Азиат смотрел то ли с прищуром, то ли во все глаза — было не разобрать. Мимо промчался автомобиль, заливая ярким светом темный, пахнущий табаком салон «Москвича».

Когда водитель сличил меня с фотографией в паспорте, то сразу убрал ломик и улыбнулся.

— Ты не думай там себе, — сказал он, закуривая и предлагая мне, — просто, смотрю, человек вроде стоит. Дай, думаю, приторможу, мож, случилось чего. А как глаза твои дикие увидел, так рука сама вниз поползла. Времена нынче...

— Может, поедем уже? — вырвалось у меня.

Азиат посмотрел на меня, затаился, и в красном пятне света от сигареты, упавшем на лицо, глаза его показались мне необыкновенно пронизательными.

— Отчего нет?

«Москвич» набирал скорость медленно, нас все время обгоняли другие автомобили.

— Не мое дело, но ты откуда такой — в свитере — посреди ночи взялся?

— Как посреди ночи? — во мне родилась досада, всякий раз донимающая, когда я упускал что-то важное.

— Вон часики, — сказал водитель, не отрываясь от дороги. Он вел машину с уверенностью, которой обладают только настоящие профессионалы, но не

отвлекался и был спокойно сосредоточен на пятне света от фар, выхватывающем из темноты все одну и ту же картину: струящийся асфальт и слитую в единую белую полосу боковую разметку.

Ничего не рассмотрев на приборной панели, я залез в карман и извлек сотовый телефон.

«00.17».

— А ты думал... — произнес азиат без всякой интонации.

— Не может быть, — я был поражен до того, что мир расплылся, потому что выступили слезы, словно от обиды.

— Носи наручные, по мне, так куда надежнее.

— Что?

— Не доверяю я этим побрякушкам, — пояснил водитель. — Вот, всю жизнь ношу, — он засучил рукав, и в темноте всплыл зеленый циферблат, только вместо цифр светились точки. Короткая стрелка показывала на верхнюю точку, длинная на ту, что была двойкой. — Именные! Дед еще на флоте тогда ходил.

Я не стал ничего говорить азиату, которого потянуло поведать мне об армейской жизни своего дедушки. Мне стало все равно, будто я опоздал туда, куда очень торопился, и узнал, что незачем было спешить, и что переживать нет смысла, потому как попросту перепутал дату. Дорога бежала перед глазами и уносила все мысли.

— Ты что спишь, э, э, — водитель толкал меня в плечо, — у тебя вибрирует в штанах. Слышишь?

Звонила жена.

— Алло, милая, ты не представляешь...

— Антон, Антон! — по голосу Анжелы я понял: что-то неладно, и замолчал.

— Антон, Светы дома нет до сих пор, я в панике. Где? Где ты? — в ухе раздался пронзительный перезвон и телефон выключился.

Три четверти третьего. Я пробежал половину пути до дома. Напротив гостиницы фонтан. Поскользнулся на мокром граните брусчатки и упал, едва не разбив голову о кованый подлокотник скамейки. Прокатился на боку, въехал бедром в мусорное ведро. Успел услышать какой-то звук — что-то упало и отскочило в сторону, несколько раз ударившись о мостовую. Быть может, я что-то выронил? Не вставая, похлопал по карманам, тут же забыл, зачем ощупываю себя. Маленькими молоточками пульсировала кровь в висках. «Милая, родная. Только бы все было в порядке».

Поднялся с трудом, и ноги снова заколотило, как в лесу. Но не только от страха, теперь это еще усталость и боль от падения. Оглянулся, прикинул. Влажная дорожка от падения заканчивалась у моих ног. На глаз — метра четыре длиной. Резко заболела левая лодыжка. «Только бы вернулась, только бы...», — играет в голове пластинка, я понимаю: как же я люблю дочь!

Приходил в себя с минут пять, сидя на лавочке. Нога начала опухать, тесный кроссовок усиливал боль. Я попытался встать и понял, что не следовало

расслабляться. Теперь опираться на ногу стало совершенно невыносимо. Кто-то сказал, что получая травму, человек сам себя за что-то наказывает... «Света!» — вспыхнула в сознании лампочкой паническая мысль.

Не помню, как поднялся, — должно быть, вспышка засветила все лишние рассуждения, как кадры фотопленки, и заставила сосредоточиться. Я представил, в каком состоянии моя Анжела; на ум пришел образ сколотого по ошибке янтарного узора — все так же драгоценного, но загубленного безвозвратно. Нет, это вправду ошибка, не допущу. Пробежал насквозь, по газонам, дворový парк. Слышал свист за спиной, но не слушал, что кричали тягучие голоса шпаны, избравшей для своих бессмысленных посиделок скамейку в аллее.

Знакомый столб, куст сирени в свете фонаря кажется обесцвеченным, на стеклах первого этажа блики, расплывчатые отражения листьев. Вбежал в подъезд. Этаж. Этаж. Этаж. Стены зеленые только до плеча, выше исцарапанная, исписанная дрянью побелка.

Вновь почувствовал ногу, только когда стал разуваться. Лучше бы остался в кроссовках, по крайней мере, в одном. С кухни свет, ну естественно — там телефон. Добрался, держась за стену. Анжела теребила витой провод, кусала ногти на руке, в которой держала трубку. По щекам не стекали слезы — кожа вся влажная и воспаленная, как у больной. Анжела кивала, продолжая тереть провод, увидела меня, подалась всем телом навстречу.

— Видите ли, я понимаю, но привлекать органы следует после двух суток, никак не раньше. Тогда все официально. Заявление...

— Ей девять лет! — я злился и уже, наверное, так же покраснел, как Анжела.

Голос «Ноль два» был снисходительный, терпеливый, и от того все более становился ненавистным.

— ...напишите, — услышал я продолжение. «Нольвторой» даже не дрогнул, не сбился, может, потому, что нас разделял телефонный кабель. — Вот тогда будем приступать к поиску. И жене скажите, чтобы не паниковала, этим ведь не помочь. Ждите.

Гудок. Гудок. Гудок.

— Где ты был?! — Анжела бросилась на меня, едва я — пораженный — повесил трубку, и, наконец, заплакала в полную грудь.

— Тише, тише, — я успокаивал ее голосом как можно более нежным. Было нелегко. У самого в горле стоял колючий ком — ни туда, ни сюда. Как же чертовски трудно быть сильным, когда хочется тоже разреветься. Понимал, что нельзя; она должна была чувствовать, что содрогаясь, повисла на неколебимом плече, отдала себя объятьям твердых рук.

— Кому звонила? — спросил, выждав, все также мягко.

Анжела всхлипнула, но сдержалась, едва заметно расслабилась.

— Откуда они такие берутся? — любимая цитата жены прозвучала для меня фальшивой нотой. Анжела очень любила Ульянова и часто задавала этот вопрос, но прежде я лишь снисходительно улыбался.

— Подружкам тоже? Оле?

Она кивнула. Понял, что пока меня не было, она делала все возможное. В голове крутилось отвратительное.

— В больницы и в эти... — Увидел по ее глазам, что она не могла произнести следующее слово и поспешно кивнул. Жена часто угадывала мои мысли, и мне стало легче: никто из нас не сказал самого страшного.

— Я хотела бежать искать, хотя понимаю же, что это самое глупое... — Анжела впервые улыбнулась, смахивая слезы. — Наверное, все так... Мама, помню, говорила...

Она снова улыбнулась. Я поцеловал ее и почувствовал соль на губах. Сколько раз ручался, что не почувствую больше этого вкуса ее губ! Но жизнь, как нечто женского рода, вечно беременна, раз не может обойтись без соленью.

Человек — существо, для которого все его состояния проходят неминуемо. Мы равно быстро забываем горести, не обращаем внимания на взлеты, которые еще вчера помогали идти, не касаясь земли подошвами. Обидно, ведь, если бы мы вспоминали каждый раз вместо неудач победы, то могли бы достигнуть гораздо большего, и, что более важно — ощутимо быстрее.

Всегда относил себя к тем, кто не тратит время попусту, живет от подушки до подушки, при этом не жалея ни о чем. Да и не о чем было грустить. Вот теперь есть, и сразу о столь многом, что невыносимо взвешивать потерю. Потерю?! Хрен! Знал, что дочь найдется, иначе нельзя; смотрел в стену — кафель плял перед глазами. Анжела рядом.

— Мы слишком берегли ее, Антон, — она сказала это с безразличием признавшегося преступника, который заранее знает, что приговорен.

— Что, не нужно было?

— Неужели ей пужно было именно это? — она задумчиво посмотрела на меня. — Хочу сказать, если она ребенок, то это значит делать все по-особенному?

— Кому? — не понял я.

— Для нее. Почему к ребенку должно быть особенное отношение, — сказала она, и в голосе не слышалось вопроса.

— Анжел, ты что? Устала? — я встал. — Пойдем, я расстелю. Ложись, спи. Я с утра поеду в милицию — Сергею подстегну.

— Скажешь мне завтра, что у тебя случилось?

— Угу, — по спине пробежали мурашки.

— Я просто замечала, когда боишься потерять что-нибудь больше всего на свете — обязательно теряешь. Да, это так. Расческу помнишь?

— Мы никого не потеряли, слышишь! — сам не ожидая того, закричал.

— Пойду стелить, нужно ложиться, — показалось, что Анжела меня не слушала.

Вскоре потушил последнюю лампочку. Увидел прозрачный воздух, за окном — туман. Пансионат, что стоял через двор, скрылся почти полностью и

выглядел подобно дому-призраку. Ближняя пятиэтажка — отчетливая, но по-особенному неразличимы цвета древесной коры и недвижимых листьев. Первый щебет птиц.

Лег, думал — не усну. Было стыдно перед самим собой забыться, беззаботно уйти, хоть на несколько часов оставить Свету одну. Анжела уже уснула, но беспокойно ворочалась, чем оправдывала себя, ведь я был готов обвинять в бездействии кого угодно, даже ее.

Прохожу к дому. Любуюсь террасой, что вдается в озеро, держась над водой на частых сваях. На террасе стоит плетеный столик и стулья. Скатерть редко вспархивает на ветру, придавленная хрустальной вазой и пепельницей. Поднялся на крыльцо, сразу открываю дверь, не постучав. Знаю, что стучать не стоит, складывается абсолютная уверенность, что здесь не принято церемониться. Меня уже встречают...

Снова посмотрел за окно: свет солнца лежал на подоконнике, кресле, ковре, подбирался к ногам. В теле легкость, какой обладает человек, который не засыпается за восход. Только в подвернутой ноге тихо, как бы между прочим, пульсирует кровь. Не сразу понял, что спал и уже проснулся. Последний раз засыпал так лет в семь, тогда мне купили первый велосипед — был счастлив до невыносимого; замучил родителей. Отобрали, заперли в чулане красавца. От обиды не помнил сна. Так и теперь: ночи словно не было вовсе.

В коридоре было светло и воздух пах кондиционером. От меня несло вчерашним потом, потому что не помылся, потому что не смог оставаться дома, не смог больше смотреть на несчастную Анжелу. Она напоминала мне кошку, у которой отняли котенка и отдали. Она ходила по комнатам, чаще всего появлялась на кухне, где был телефон, прислушивалась к звукам на лестничной клетке, как бы между делом выглядывала в окно; за отсутствием какого-либо занятия ее потеряянность особенно бросалась в глаза.

...Пока ехал на встречу с Сергеем, едва не врезался на светофоре в зад «пикапу». В пешеходе на тротуаре узнал старика из леса. То ли ошибся, а может, и правда был он. Испугался страшно, еле успел среагировать на поворачивающую машину. Вдавил педаль тормоза большой ногой. Даже сквозь поднятое стекло наслушался много и всякого. Огляделся. Никакого старика нет. Потряхивало уже привычно.

Раз за разом начинающаяся в ногах судорога прошла окончательно только тогда, когда схватился за теплую руку Сергея. Не выдержал, разревелся, как мальчик. Друг не ступешевался, обнял прямо посреди улицы, не отвел в сторону. Нас обходили, пока я изливал душу. Сергей — человек, всегда хорошо чувствующий время, — молчал, не хлопал по плечу, не торопил. Двадцать один год мы знали друг друга, не просто знали, а были Друзьями. Да, именно с большой буквы.

— Мы пойдем к моему дяде. Помнишь его? Полковник, — сказал он, когда я успокоился и мы сели в машину. Я помнил...

Никогда не думал, что в прокуратуре столь аккуратная обстановка. Воздух от кондиционера словно пропитался фреоном. Чувствовалось, как прохлада растворялась в легких. Вдоль обшитых деревянными панелями стен стояли мягкие скамеечки. Дверь, две скамеечки. Дверь, две скамеечки. У одной и у другой стены. Мы поднялись по широкой лестнице: такой же коридор, только он разрывался просторным холлом на две части, где стояли горшки с цветами и аквариум между окон. Обстановка напоминала больничную, только обилие дерева делало окружение уютным и теплым.

Проходя холлом, увидел за окнами набережную и размеренный, не подгоняемый ветром, бег речной воды. Как часто вместе со Светой и Анжелой, сидя на граните ступенек, мы любовались рекой! Больше всего Света любила круглобоких чаек. Дочку забавляли их степенность на земле и несуразный галдеж в воздухе; веселило, когда белые птицы падали на воду, опережая друг друга и, спустя секунду взмывали, унося в клюве рыбешку.

Воспоминания причинили сильную боль, почти физическую. Я пошел быстрее.

— Тубин — он человек не сказать чтобы злой, ты знаешь, но, Тош, — Сергей по привычке называл меня так, как звали ребята во дворе много лет назад, — зная тебя, прошу... Ты хочешь сдвинуть дело уже сегодня? Я так и думаю. Помягче с ним будь. Ради дочери.

— Ты разве не войдешь со мной?

— Не думаю, что надо. Он злился, что я прошу за тебя, что ты не сам пришел, — Серега усмехнулся. — Вояка, что с него. Все они, — он махнул в сторону коридора, — считают, что если ты не был в наряде, то жизни не знаешь. Пусть я ему и племянник, он все же, уверен, считает меня уродом — пет, в лицо, конечно, не говорит — но это видно. Помнишь, он нас еще в школе начал «духами» звать, а может, и все время звал — не помню.

Попытался мысленно вернуться на два десятка лет. На сей раз память не подвела, не пошутила.

Дядя Оль (Тубина звали Олегом) схватил нас обоих за уши и приподнял — слышно было, как хрустят хрящики. Дело было в деревне у прабабушки Сергея. Мы уже почти залезли в теплицу, чтобы налпать огурцами, которые любили сильнее даже, чем клубнику, когда мозолистые руки, привыкшие держать автомат, остановили нас непедагогическим способом. «Что вам баба Валя сказала? — хрипло, проглатывая гласные, прошептал, словно был с нами в сговоре, дядя Оль, пахнувший табаком и еще чем-то терпким. — Сейчас свяжу за лопухи меж собой — будете одну шапку на двоих носить. А ну, духи, брысь из парника! Арш!». Нам было по девять лет.

Я улыбнулся и пожал Сереге руку. Мы помолчали, глядя друг другу в глаза, и разошлись: Сергей обратно по коридору, я — в кабинет № 17.

Мое приподнятое настроение растаяло, едва я увидел человека за письменным столом. Он смотрел на меня выцветшим серым взглядом, едва оторвав-

шись от бумаг, исподлобья, как смотрит человек поверх очков, сдвинутых на нос. «Вот и все», — подумалось мне как бы нечаянно. Олег Геннадьевич Тубин, некогда грубоватый, но всегда задорный, дядя Оль, казалось, сейчас увидел во мне конкурента своему счастью и готов был драться со мной до конца. Как он, должно быть, схватывался с указанным и от того еще более ненавистным врагом тогда, когда мы с Серегой безнаказанно хрустели вожделенными огурцами. Я держал тяжелый взгляд полковника, хотелось уйти.

Когда он пришел с войны, то больше ни за что не журил нас, скорее избегал. Нам было по одиннадцать, и однажды я сказал Серержке: «Он больше не любит нас, за то, что мы были здесь, а он уехал один». Повзрослев и не позабыв сказанного, я понял больше. Стремительно стареющий ветеран проводил все свободное время в кругу сослуживцев, потому что относился ко всем прочим, кого не коснулся горячий камень Афгана, как к чужим несмысленным детям, оставленным ему на попечение, и которых он никак не мог полюбить. Но он был тем, кто не спился, и, наверное, открыто мог назвать меня полудурком, если бы я рассказал о голосе дочери, услышанном в лесу, и прочей чертовщине.

Предполагаемый ход разговора, крутившийся в моей голове, остался за порогом, а, может, за окнами, на набережной.

Мы говорили минут пять и единственной фразой Тубина, что задержалась в моей памяти по выходе из кабинета № 17, была: «В кишлаке вам бы выкололи глаз, ведь нахера он нужен тому, кто не может увидеть, куда ушла женщина из семьи». После у полковника пошла носом кровь, и тогда я отметил то, чего не заметил сразу — его русые усы, как и платок, были уже подкрашены засохшей кровью, что могло говорить о многом...

Сутки прошли, словно я ожидал операции, успех которой оценивался в ничтожно малых величинах. Положение ухудшилось особо после того, как Анжела принялась спрашивать, где я был в тот вечер. Мне пришлось выложить случившееся как на духу, но больше всего испугало меня то, что прежде даже не приходило в голову: помимо шуток памяти, я не помнил откуда ехал и после каких событий возвращался на автобусе.

Видимо, пресытившись моим молчанием, она сказала:

— Почему ты не пошел за той девушкой?

Она произнесла это столь ровно, будто спрашивала о чем-то обыденном. Неужели она верила мне?

— Старик... — неуверенно сказал я. — Казалось, если посмотреть на него чуть под другим углом, то увидишь пустоту. Она — эта пустота — могла поглотить. Я знаю?

— Голос дочери. Смех. Теперь ты понимаешь, что это могла быть она. То есть она... вдруг она была там. Антон, почему ты оставил ее.

Я понял, что если сейчас не найду ответа, стану в глазах жены виновным в столь страшном, что хотелось возмущенно кричать в потолок. Анжела, в ней

что-то надорвалось, да и как иначе. Я видел это в осанке, по тому, как она сидела, втянув шею; убеждался, когда заглядывал в глаза, лишённые прежнего света. Она напоминала пострадавшего в катастрофе; очнувшись в палате, несчастный не может встать, потому что там, где должны быть ноги, одеяло лежит ровно, касаясь простыни. Он зовет медсестру, и та долго уговаривает его, плачущего, никак не способного поверить в случившееся. Больше всего опасался, что Анжела дойдет до безразличного смирения. Боялся и не мог, само собой, найти слов. Хоть каких-нибудь.

— Если бы я знал... — сказал, будто просил пощады.

— Ты мог бы съездить туда сейчас.

Я кивнул, но в тот вечер больше не вышел из дома.

Приходит время, когда на твое горе начинают откликаться те, кого ты знаешь и даже те, с кем ты не был знаком. Позвонил отец, узнав о случившемся, говорил со мной с полчаса. За все время я обронил пару слов. Он, наконец, попрощался, и в голосе на другом конце провода я услышал знакомые нотки извечной песни: «Я отец! Мой долг исполнен». Спустя час позвонила сестра. Утром из Владивостока со мной связался бывший одноклассник и друг, тот, кто некогда замыкал тройку закадычных приятелей. Каждый позвонивший начинал с того, что случайно или внезапно решил звякнуть, а заканчивал извечными словами: «Все хорошо будет» или «Я уверен все образуется». В общем, строчками из куплета на мотив знакомой песни.

Утром шел с черным целлофановым мешком к помойке. Дворник, который прежде даже не смотрел в мою сторону, перестал мести и поздоровался, улыбаясь будто бы чему-то своему. Возникло неприятное воспоминание, навеянное лесным мракобесием; я поморщился, прошел мимо. Что-то в дворнике было от того старика. За спиной плюнули; резонно предположил, что в мою сторону.

Поднимаясь по лестнице, заметил в почтовом ящике белый конверт без обратного адреса. Распечатал, не доходя до квартиры. Всего одна строчка: «Поздравляю. Вы проиграли спор. Можете забрать дочь».

Город остался позади. Рядом сидела Анжела. Она ни разу не шикнула на меня, хотя спидометр показывал сто сорок километров в час. Лицо ее напоминало лицо восковой статуи: остекленевшие глаза и немое, несколько глупое выражение. Когда я показал ей письмо, она лишь посмотрела на меня. Во взгляде все читалось, как в раскрытой книге.

Никогда в жизни у меня так не билось сердце. Несколько раз мышцу пронзала меткая боль. В те моменты, как я ни сопротивлялся, сознание выводило меня к самому страшному исходу, который я мог предположить. Проклиная свою гребаную голову, я мчался по шоссе, зная, что не остановлюсь, даже если за мной погонится милицейская машина.

Солнце подсвечивало сухую траву вдоль обочины, делая ее ослепительно желтой. На небе ни облачка, лазурь прозрачна и кажется невесомой. Неужели мне не о чем больше думать, какого черта я собираю всю эту околесицу, зачем мне это солнце, трава?! «Света, потерпи!».

Лес все ближе — все больше набираю скорость. От проносящихся навстречу грузовиков машину норовит снести с дороги. Зазвонил мой телефон, так резко, что руки вздрогнули. Секунды, которую боролся с автомобилем, хватило для того, чтобы осознать, насколько смогу быть полезным дочери, если в следующий раз не удастся справиться с управлением. Почувствовал, что Анжела смотрит на меня, но теперь она гораздо более живая. Видимо адреналин привел и ее в чувство. Телефон звенел.

— Алло, — ответила она. — Нет, он не может подойти.... Нет. Да — заболел. Я же говорю — не может. Хорошо.

Я нашел поворот так быстро, словно меня вело туда шестое чувство. Анжела посмотрела на меня, и во взгляде читалось: «Так это — то самое место?».

Я кивнул и, теперь уже не спеша и аккуратно, повел машину по накатанной колее. Находясь здесь днем, я не мог понять, что могло меня тогда так сильно напугать. Образ старика казался мне надуманным и нереальным, не более чем видением. Но что я делал в этом лесу до того, как сел на пригородный автобус, идущий от дачного кооператива «Сборный»? Почему был без машины? Вопросы возникали и терялись, но я чувствовал, что всплывающие перед моими глазами воспоминания могли бы дать ответ.

Дорога виляла, словно тот, кто ее прокладывал, не представлял себе, куда движется. Не удивительно, что ночью здесь я едва не заблудился. Казалось немыслимым держаться направления в полной темноте.

Наконец между стволов показались просветы и через минуту мы выехали из леса. Впереди было озеро. Дорога раздваивалась и уходила вправо и влево вдоль берега. Если бы поехал направо, то оказался бы у «Сборного». Поэтому повернул в другую сторону.

Долго ехать не пришлось. Вскоре дорога вильнула, повторяя береговую линию.

Ударил по тормозам. Вода в неширокой бухточке была спокойна, хотя на середине озера ветер вспенивал частые волны. Сухой изломанный камыш припадал к воде и среди его стеблей то и дело поднимались пузыри, или же поблескивал рыбий бок. Берег сплошь в ухабах и забросан ветками, а невдалеке нависала над водой терраса, укрепленная на сваях.

В голове все упорядочилось и припомнились эпизоды, что всплывали, как ниоткуда, ранее. На террасе действительно стоял плетеный столик, покрытый скатертью, которую лениво пытался сбросить ветерок. Я уже вышел из машины и мог ощущать его слабые потуги. Но терраса и стол были тем единственным, что мне показывала память и что мог видеть перед собой. Ни ограды, ни ворот, ни дома, куда я приходил в своих воспоминаниях, не было.

— Где она?! — закричал я и побежал вперед.

Пробежал периметр ограды, его четко можно было увидеть: бетонное основание и борозды на земле от створок ворот. Дорога обрывалась у террасы, где как я помнил, был гараж. Лесенки перед крыльцом не было, как не было и

самого крыльца. Дом исчез, словно его сняли с этого места целиком. Тут я увидел под ногами люк. Удивительно, что не заметил его сразу. Видимо, здесь был подвал. Анжела бежала ко мне от машины. Я кинулся к люку и рванул что было сил за железное кольцо. Крышка поддалась столь легко, что я едва не упал. Что-то хрустнуло в руке.

Увидел дочь.

Света сидела на полу, покрытом ковром, и играла с куклой. В подвале горел свет, и моя девочка ничего не боялась, с ней все было хорошо, она беззаботно, веселым голоском разговаривала с куклой, но я не прислушивался, я усомнился в реальности происходящего. Окликнул ее, и, когда она подняла голову, на мгновение я увидел в глазах такое, что испугало меня. В ее глазах не было осознанности. Но едва она заметила меня, как отбросила игрушку, вскочила. Она заплакала и протянула ко мне руки.

Я возвращаюсь от дома у озера через дачный кооператив «Сборный». Возвращаюсь с чувством собственного достоинства. Мне еще никогда не приходилось держать пари. Тем более такое необычное. Уже в свои двадцать семь я могу сказать, что у меня есть все, к чему многие стремятся всю жизнь. Есть любящая жена и прекрасная дочка, большая квартира, хорошая машина и работа по душе. Неужели я получил бы все это, если бы не мог видеть больше возможностей, которые предоставляет жизнь. Конечно, я видел их и продолжаю видеть, значит, я выиграю спор без особых проблем. Вот только интересно, что за условия игры мне представят? Очень любопытно.

Я шел через «Сборный» на остановку пригородного автобуса — кажется, № 17 — и все думал о странном человеке, предложившем мне пари. Выглядел он равным мне по возрасту, но все то время, что мы сидели на террасе его дома, у меня не проходило ощущение, что мой собеседник значительно старше меня. Он говорил самоуверенно. Говорил, что все люди слепы, что боятся даже собственных решений. Боятся даже возможностей, которые им открывает — подает на блюде — жизнь. Я пытался опровергнуть упряма, и мы заключили пари. Мне предстояло найти нечто необходимое для меня в жизни, но спор должен был начаться лишь тогда, когда я забуду обо всех его условиях, чтобы его можно было признать чистым. Но я не понимал одного: как я смогу забыть, сколько должно пройти времени...

Когда автобус вздрогнул в третий раз, я понял, что двигатель сейчас заглохнет.

ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ

Рассказ

Солумрак уютной кофейни, казалось, нарочно создан именно для жаркого июльского полдня. А их встреча произошла, конечно, именно там — в кофейне. Той, что на пересечении Приходской и Заречной. Маленькое заведение с названием «Фортуна» принимало в тот день немало гостей.

Взглянув на вывеску, девушка улыбнулась. Что ж, действительно, подходящее место. Случайное, но милое совпадение. Случайное, как же... Затем она взглянула на часы и нырнула внутрь. Опаздывать нехорошо, а ведь она опоздала уже на час. Девушка снова улыбнулась. Пусть ждет. Ей все можно, а он пусть ждет.

— Здравствуй.

Она прикоснулась к его руке так, словно этот жест был ритуальным. Затем села, машинально взяв в руки меню. Вместо вдумчивого его изучения, она, рассеянно перелистывая сразу по несколько страниц, вглядывалась в лицо парня, пыталась разглядеть в нем хотя бы недовольство. Но тот, словно бы и не замечал этого.

— Привет, Вера.

— Почему Вера? Что за шуточки?

— Какие шутки? Просто должен же я тебя хоть как-то называть. В самом деле, ну не тем же именем, которым называл прежде. Ну, то есть, как обычно. Или?

— Незачем. К чему бы? Шут с тобою. Вера так Вера. Пусть.

— Можешь тоже придумать мне какое-нибудь смешное имя, если тебе уж так обидно.

— Думаю, что сойдет просто «Эй Ты». Как считаешь? — смеясь, она отложила в сторону меню.

— Не хуже остальных имен, — Эй Ты пожал плечами. — Долго же ты добиралась, Вера.

— Извини, я, кажется, немного не рассчитала время...

Официант, подошедший к их столику, принял заказ и испарился.

— Ну да! — парень ехидно качнул головой. — Слова «ты» и «случайность» несовместимы.

— Я просто хотела, чтобы ты посидел тут немного, огляделся, подышал атмосферой вот такого вот места, — весело кивнула она. — Так хорошо здесь. Все просто пропитано особым состоянием. Взгляни вокруг: сколько людей, все

такие разные. Каждый интересен по-своему. А то сидишь ты в своей дыре, плесневешь, и заняться-то тебе, наверное, нечем.

— А по чьей вине? Кто так хотел? — парень насупил брови, но тут же тень на его лице рассеяла улыбка. — Лучше расскажи, чем ты сейчас занимаешься?

— Я? Пишу книгу.

Вера одарила благосклонным кивком официанта, принесшего заказ. Обслуживание здесь, как она про себя отметила, было неплохим. Пожалуй, стоит сюда еще заглянуть. И название просто замечательное. Она держала в руках тонкую белоснежную чашечку с ароматной темной жидкостью. Ну да, а зачем еще ходят в кафе? Конечно же, пить кофе.

— Пишешь? Старая шутка. Как будто ты занималась хоть когда-то еще чем-то, кроме этой своей книги. Уж опубликовала бы ее, что ли...

— Ха! Ну да, кое-что, пожалуй, уже можно. — Вера проказливо улыбнулась. — Знаешь, я об этом думала. Выбрать несколько глав, отредактировать немного, и послать в какое-нибудь издательство. Уверена, напечатают.

— А что же несколько глав? Почему не всю?

— Ну, ты же сам прекрасно знаешь... Объемы... ха... у издательства, пожалуй, возникнут проблемы с печатью. Да и не закончила еще. Смотри сколько людей вокруг. На кого ни взгляну — новая история. Еще один сюжет.

— Ну, да. С твоей-то фантазией...

Дверной колокольчик звякнул, впуская еще и еще кого-то в недра крошечного кукольного театра. Именно в таком стиле была оформлена кофейня. Зал заканчивался небольшой сценой. На самом-то деле по выходным здесь выступал живой оркестр, но теперь, когда тяжелый бордовый бархат был опущен, избавиться от мысли, что сейчас его поднимут и начнется представление, было невозможно. Прямо в стенах, в небольших нишах, похожих на окна, сидели куклы. Отовсюду смотрели десятки стеклянных глаз. Здесь были красавицы, пастушки, королевы, короли, принцы, диковинные животные, птицы и даже рыбы. Но главным здесь был лишь один персонаж — арлекин, шут, джокер. Он был полновластным хозяином этого места. Его изображения были в декоре стен и потолка, мебели и посуды, они украшали даже бумажные салфетки, занавески и уголки скатертей. Самый же большой рисунок взгромоздился на театральном занавесе. Будто именно джокер олицетворял ту, чье имя носила кофейня.

— Я надеюсь, — нарушил молчание Эй Ты, — что ты не собираешься в скором времени заканчивать книгу?

— Какое там скоро? — она звонко рассмеялась — У меня же бесконечное число недописанных глав! Вот, взгляни хотя бы туда. Ну вон же! Две немолодые дамы сидят за чаем. О каждой из них мне есть что рассказать. Например, та, которая держит письмо. Это письмо от сына, он служит в горячей точке. Однажды мать получила известие о его гибели, хотя тело ей и не привезли. Бедная женщина прорыдала неделю. А однажды просто сожгла проклятую бумажку

и взялась писать сыну письмо. Что-то вроде «что ты, сынок, совсем забыл маму, пиши». Потом еще одно и еще. И пришел ответ. Писал он. Что-то о службе, что тяжело, но ничего, он справляется, не роняет честь погибшего отца, который тоже был военным, чтоб не расстраивалась, еще месяца три — и он дома...

— А письмо не мог написать кто-нибудь из сослуживцев? Ну, не знаю, остались же у него там друзья какие-нибудь? Пожалели мать и...

— Друзья остались. Но писали не они. Уж почерк сына она могла отличить...

— А если не хотела отличать?

— У него особый почерк. Если бы письмо было написано не его рукой, мать просто перестала бы писать. И смирилась. Но письмо не оставляло сомнений: произошла ошибка, ее сын жив. После того письма весточки от сына приходили часто, чуть не еженедельно... Где-то через месяц вернулся один из сослуживцев того парня, его серьезно ранило, потому и вернулся. Конечно, несчастная кинулась к нему, стала расспрашивать о своем чаде. Парень сказал, что своими глазами видел, как тот погиб и что ошибки быть не может, да ведь и не он один видел. Еще начал говорить, что вещи твориться странные начали у них в отряде... Да женщина его уже не слушала. Решила, что в уме повернулся. ТАМ и не такое случается...

— И что?

— И ничего. Через месяц он должен вернуться домой. Вот что.

За их столик вновь присело молчанье. Затем, Эй Ты произнес:

— Хм. Да, занятно. А вон о той юной леди что скажешь? Ну, вон та, что за крайним столиком, в самом углу?

За крайним столиком сидела молодая девушка. Милая, но словно бы подавленная горем. Казалось, над ней висело плотное пыльное облако, из которого вот-вот то ли упадет, то ли нет, на голову камень. Она так поеживалась, втягивая голову в плечи, что даже смотреть на нее было неуютно.

— Ах, эта... счастливица... — Вера поморщилась, зевнула, деликатно прикрыв рукой рот. — Много о ней не скажешь. Персонаж как персонаж. Ничем не хуже других. Ну, уж и не лучше, к сожалению.

— Тогда почему ты назвала ее счастливицей, да еще и с таким сарказмом? — Собеседник иронично прищурился. — Она что, в лотерею корову выиграла?

— О! Ну, можно сказать и так. Знаешь ли, несмотря на юные годы, предмет нашей беседы очень интересуется будущим, судьбой, ну и прочее. Ты зря смеешься, кстати. Она, в свои-то семнадцать, гадает на Таро, рунах, картах, и еще сорока и одним способом, круче любой профессиональной гадалки. И, кстати, не ошибается. Ну, почти никогда. — Последние фразы были брошены так холодно и жестко, что казалось, еще немного и неприязнь Веры станет чем-то материальным.

— Я не потому смеюсь, — возразил собеседник, — что мне ее увлечение кажется нелепым, хотя... да, оно нелепо. Просто я вижу твою реакцию. Помоему ты в бешенстве.

— И вовсе я не... — взглянув на ехиднейшую из улыбок, она осеклась. — Ну да. Чуть какая-то. В ее возрасте и лезть в такие дебри, в которые и седым бабкам-то ход закрыт! Нехорошо, знаешь ли, выдавать чужие тайны всем, кто пожелает их знать. Но наказана она вполне.

— Ох, бедная девочка! Она что, смертельно больна?

— Ага. Неизлечимо. Слабоумием. — Вера снова запылала праведным гневом. Казалось, еще чуть-чуть и задымится ни в чем не повинная скатерть — На самом-то деле нет. Просто о ней самой карты молчат. Вернее не молчат даже, а все время говорят одно и то же. Что она самый счастливый человек на свете. Не только карты, но и все остальные способы гадания. Потому я и сказала «счастливица». И сколько бы она ни билась, всегда одно и то же. И когда она сама гадает, и когда кто-то. Результат один. Девчонка в полном отчаянье.

— Хм... А как дела обстоят на самом деле?

— Ну... Сказать хотя бы, что отца она похоронила месяц назад, старший брат скоро съедется, если раньше не убьют, конечно. Подруг у нее уже давно не осталось... Да, и еще. Конечно. Мать ее завтра положат на операцию. Нет, она не умрет, но с инвалидного кресла больше не встанет.

— Жестоко. Но почему же карты ей врут?

— Врут? Ну, что ты. Напротив, говорят чистую правду. Под машины эта девица не попадает, кирпичи с крыш на голову не падают, даже ноготь, зараза, не ломает. Денег ей достаточно карты приносят. Так что беды окружающих никак не касаются ее благополучия. В ее жизни... хм... особенно в личной, вообще ничего не меняется. А о душевных печалях, что карты могут знать? Кусочки картона и только.

— Эх ты. Шельма. Вот наложит на себя руки от большого счастья твоя счастливица.

— Нет! — хищно улыбнулась девица. — Кто ей даст? Ты забываешь, что это просто глава. Из книги, которую пишу я.

— Да, конечно. К тому же, а вдруг ей действительно повезет?

— Ну нет!.. То есть... нет, ну а почему бы нет? Повезет. Совершенно случайно. Чего только не случается, да, Эй Ты? — при этих словах она почему-то звонко расхохоталась. Эй Ты взглянул на нее почти с ненавистью.

— Ну да. *Случается*, — нажал он голосом.

— Случается, что и не случается, — улыбнулась она ядовито. — Ну, так что же ты снова молчишь и дальше меня ни о чем не спрашиваешь?

— Надоела мне местная публика. Да и ты все смеешься... шутница.

— Обиделся, что ли? Свидание окончено? Ну, хорошо, как скажешь. Жаль...

— Нет-нет. Еще посидим, — почти испуганно сказал парень. — Вот как раз новые типажи. Может, что-нибудь расскажешь и о них?

— Усложняешь задачу, да? Ха! Легко! Вот, та девица, что зашла, как-то нервно озираясь. У нее вообще смешная история. Ну, хотя, пожалуй, ей-то как раз и не до смеха.

В зал действительно зашла симпатичная девушка, нервно огляделась и села за дальний столик. Через некоторое время в кофейню вошел еще кто-то. С первого взгляда могло показаться, что зашел мужчина. Походка и жесты впечатление это только усиливали. Но все-таки, приглядевшись, можно было понять, что это женщина. При ее появлении первая девушка устало вздохнула. Это был не просто вздох, а скорее жест. Причем жест был такой выразительный, что Эй Ты стало ее немного жалко. Словно бы не замечая первую, вторая девушка с независимым видом села за соседний столик.

— Забавная парочка. Они что, вместе?

— Ну... — Вера пожалала плечами. — Вообще-то, как сказать. Давай, чтобы не путаться, первую я буду называть красавицей, а вторую... ну... черт, как же ее назвать?

— Какая разница? Назови уж хоть как-нибудь.

— Ну, пусть она будет просто «та», или «вторая». И правда, не так важно... Так вот, как-то наша красавица, будучи несколько нетрезвой, на дискотеке подарила той танец, ну и пару поцелуев, приняв, конечно, за парня. Выйдя же на яркий свет, она осознала свою ошибку, раскаялась, протрезвела и сбежала.

А той красавице уж очень по сердцу пришлось. Ну, влюбилась, что поделать. Поняв, что покинута, она с горя пошла на улицу покурить, и увидела... кого бы ты думал? Ну конечно, нашу красавицу, причем не одну. Рядом с ней крутились два парня бандитской наружности. К тому же, не слишком-то трезвые. Их намерения были банальны и понятны. Нашей же красавице ни расставаться с украшениями, ни тем более раздеваться на улице почему-то не хотелось. Холодно, наверно, было.

Услышав крик, вторая девушка бросилась к своей недавней подруге. И, не поверишь, — положила двух здоровых мужиков на асфальт. Впрочем, надо отметить, что на ногах они стояли не слишком крепко... Правда, благодарности от своей спасенной принцессы бедняжка так и не дождалась. Сей ветреный ангел, не прекращая кричать, упорхнул в неведомые дали. Бедная влюбленная потом долго искала свою красавицу, поняв, что жить без нее не может. И наконец нашла. Узнала адрес.

Теперь они всегда рядом. Бедная красавица и не знает, то ли ей бояться своей нежданной защитницы, то ли быть благодарной. Уже почти месяц прошел. Та уже и не прячется. Самой красавице, по-моему, все это просто надоело. Она бы и рада загулять где-нибудь, найти себе нового парня... А только как? Ведь та, вторая, все время где-то недалеко, и красавица почему-то боится, что ее спутница просто убьет несчастного избранника. Может, так оно и будет. Не знаю.

— Забавная история, ты права. И печальная, конечно. Значит ни та, ни другая не отступятся? И красавица не пойдет второй навстречу? А вдруг это, и правда, та, настоящая, любовь?

— Пфу! Ну и скажешь тоже: любовь... хо... чушь! Да ладно, ерунда это все. А знаешь, зачем я пригласила тебя сюда, и развлекаю сказками?

— Изволь объясниться. Мне давно уже не дает покоя этот вопрос.

— Видишь ли... мне скучно.

— Ха! Вот это новость. И что же?

— Знаешь, я подумала... как-то я соскучилась по тем временам, когда ты вмешивался в мои дела. Помнишь? Залезал в мою книгу и исправлял на свой вкус целые главы.

— Да. Тебя это всегда жутко злило. Кто говорил, что случайностям нет места в этом мире? Помнишь, как ты кричала: «Опять вмешался, Случай! Я тебя прибью в следующий раз!». И что же, госпожа Судьба? Не Вы ли заточили меня в какой-то чертовой дыре, на самых задворках вселенной, запретив оттуда и нос показывать?

— Ну... — потупилась Судьба. — Маленькая, глупая... может я и не всегда... и вообще, это не я! А знаешь, что мне придумалось? Вот я сейчас отвернусь и сделаю вид, что ничего не вижу. А? Пусть все будет по воле Случая? Твоей воле, да, Рок? Ну пожалуйста! Пусть все решает Случай! — Фортуна и правда отвернулась.

— Ну, что ты, госпожа Судьба, воровать нехорошо... — выдергивая несколько случайных листков из случайно забытого официантом, и ставшего вдруг безразмерно толстым меню, улыбнулся Случай.

ПОЛЕ

Рассказ

«А»

ак же вы пелёпы!

Куда-то несутся. Бегут. Точно муравьи. Ну, право слово! Такие несовершенные создания... Их суета не трогает меня. Думаю, что я намного более совершенное существо, чем они. Ведь что они такое? Всего лишь толпа, серая масса. Бестолковая. суетливая масса. Я отделен от них много большей преградой, чем им кажется. Что это жалкое, тонкое стекло? Между нами пропасть.

Вот и снова падает снег. Да, он очень красивый, такой спокойный, такой белый. А эти... топчут его огромными грубыми ногами, не замечая, какая красота гибнет под их подошвами.

Сгущаются сумерки, и вот уже везде загораются маленькие цветные огни — гирлянды. Не знаю, зачем люди развешивают их. Может, только для того, что-

бы бежать мимо по своим загадочным делам и снова не обращать внимания на великолепие, что их окружает.

Бывает, что кто-нибудь останавливается предо мною, взглядываясь и будто бы пытаясь разгадать секрет, понять хоть что-то... затем лишь, чтобы, мгновение спустя, побежать сломя голову, отринув любые мысли, выбросив все из головы, как ненужный хлам. Да и что они способны понять? Чаще они просто несутся мимо, устремляя свои опустошенные взгляды под ноги.

Да, в последние дни они стали еще более суетливы, чем обычно. В моем мире не бывает звуков, но пришла мысль, будто кто-то сказал: «Скоро Новый год».

Елена забежала в магазин после работы. Весело отряхивая с плеч капли, секунду назад бывшие снегом, она прогуливалась по отделу игрушек.

Рассматривая полки и их цветастое содержимое, поздняя покупательница подошла к продавцу:

— Добрый вечер, я бы хотела посмотреть плюшевого медведя. Да-да, вон того, что сидит в витрине, если можно...

Елена покрутила в руках смешного толстопузого медведя цвета кофе с молоком. Хотя родом плюшевый зверь был из Кореи, на лапе нежно-бежевого цвета красовалась бирка с английской надписью «Taddy».

— Замечательно. Миленький какой, я его покупаю.

— Здравствуй, Ленок... — муж Елены, Федор Николаевич, чмокнул вошедшую жену в разрумившуюся от холода щеку.

— Смотри, что я купила Поле.

— На Новый год? Какой забавный толстячок, ей понравится. — Федор расплылся в улыбке.

— Да, я тоже так подумала. Как считаешь, подождать до праздников, или можно отдать прямо сейчас?

— Зачем ждать? Тем более, она еще не спит.

Радостная Полина — худенькая девчонка лет четырех, со светлыми и нежными, как пух, волосами, обняла медведя. И, не забыв чмокнуть маму в щечку, убежала в детскую, знакомить своего нового друга с остальными обитателями комнаты.

— Вот, Тедди, это Юлька. Она вредина, но на самом деле хорошая. Ее мне мама подарила. Правда, красивая? А это Ромка, он уже совсем старенький. Его папа мне отдал, сказал, чтобы я о нем хорошо заботилась, они с детства знакомы, я его люблю, очень-очень, и совсем даже не обижаю. Если честно, не знаю, что это за зверь. Рук и ног у него никогда и не было, это не я оторвала. Правда. А вообще он на чебурашку похож, только уши у него маленькие... Еще у меня тряпичный заяц был, но я не помню, куда он делся. Папа говорит, что его мой дядя сам сделал в детстве. Но ты с дядей не познакомишься, я его тоже не знаю — он умер очень давно, раньше, чем я родилась. Мама говорит, это не

страшно, ему там хорошо, он на небе гуляет, там, наверно, красиво. Вот какое небо. Большое, синее, там еще звездочки. Смотри.

Девочка показала медведю окно с синим-синим небом и огромными звездами. Ей даже почудилось, что тот важно кивнул в ответ.

— Только знаешь, мне иногда кажется, что ему там совсем-совсем грустно. Вот было бы здорово, если бы зайка к нему ушел, правда? Я думаю, так оно и есть на самом деле. Они там вдвоем ходят, собирают звезды в горсти и бросают вниз. Ты знаешь, иногда кажется, что звезды падают. Это, наверно, они, звезды, так играют — кувыркаются в небе, красиво так летают, и им всем вместе весело. Но я этого пока не узнаю, я не скоро умру, так мама говорит. А еще мама говорит, что я уже почти выздоровела, и чтобы я не боялась, так сказал дядя врач — мне уже намного лучше. А как ты думаешь, если я умру, я встречу своего дядю? Я видела его на фотографиях. Наверно он хороший, мы бы с ним подружились. Я знаю. А ты будешь пить чай? Юля, налей нам, пожалуйста, чаю.

Девочка уже давно спала, и снились ей звезды, которые, кувыркаясь, летели вниз, смеялись, выдвигали кульбиты. А потом возвращались на свои места. По облакам резво бегал, прыгая то туда, то сюда тряпичный заяц, а за ним, звонко хохоча, гонялся мальчик лет двенадцати. Потом они вместе с Полей гуляли по упругим тучкам, качавшимся под ногами, пробовали на вкус облака, а однажды, набравшись смелости, Поля даже подошла совсем близко к луне и погладила ее желтый сырный бок. Девочке показалось, что она гладит теплую кожу большой собаки.

Лена зашла в комнату дочери, поправила на ней одеяло, печально вздохнув. Девочка улыбалась во сне, прижимая к груди медведя.

«Да... что ж, может, не такие уж они и бестолковые... Мне повезло, что я попал именно к ней. Она хорошая, эта Поле, или как там ее. Пожалуй, здесь намного веселее, чем на той витрине. Кажется, вовсе и не плохо, что меня оттуда забрали. И вовсе они не глупые, эти, как их... люди... а если вот эта — не серость, то, может, и остальные тоже? Совсем не глупая масса, оказывается... разные? Кто знает, может это из-за стекла моего личного аквариума казалось так? А какова же истина? Вдруг все иначе? И совсем даже не плохо бежать по своим делам, радоваться жизни и снегу?...

Да... все же лучше, пожалуй, чем сидеть за пыльным стеклом и рассуждать о совершенстве...».

Виолетта Кудрявцева

*Студентка 2 курса
филологического факультета (журналистика)*

Творчество — это полет. Новый мир, уникальный, цельный, неповторимый, твой. Только твой. Там все возможно. И самое потрясающее — у каждого такой есть! Но помимо всего, ты можешь пустить в него кого-то... На это немногие способны, ведь требуется смелость. Но решиться открыть двери в мир своего воображения, на мой взгляд, и значит — стать писателем.

ИННА

Маленькая повесть

Инна — (др.-греч. «бурный поток»), старорусское мужское имя, употребляемое в настоящее время как женское. Упрямство маленькой Инны всегда оборачивается слезами — ее собственными или, что тоже не редкость, мамиными. Повзрослев, Инна по необходимости уступит приятному ей человеку какую-то вещь, однако сделает это, преодолев внутреннее сопротивление. Она не мирится даже с маленькими слабостями своих друзей, а причиненное зло помнит всю жизнь, хотя сама и не мстительна. Умна, поражает окружающих смелыми и оригинальными высказываниями. Независима, имеет свое мнение и не идет на поводу у подруг. Инна любит поспать по утрам, но с этой сладкой привычкой успешно борется, так как трудолюбива и не позволяет себе праздного времяпровождения. <...>

Если Инна обладает талантом, то, скорее всего, посвятит ему свою жизнь, отказавшись от семьи, быта, удобств и денег...

Борис Хигер

Имя — зеркало судьбы

Теория и практика несовместимы. Две сводные сестры, которых принято выдавать за родных. Когда меня впервые спросили, в чем секрет моих успехов, я честно искала ответ. Ведь если подходить к вопросу со стороны логики, то меткость складывается из зоркости, хорошо поставленной руки (чтобы не дрожала), и конечно, опыта. Плюс кое-какие знания физики. Отсюда простой вывод — если вы не слепой ленивый лежебока с дрожащими руками, который бросил школу, не высидев за партой до пятого класса, то вы уже прирожденный стрелок. Я думала так, но я была неправа. Как выяснилось позже, моя ошибка заключалась в том, что я пыталась разложить талант на составляющие.

На самом деле талант — это совсем другое. Талант — это нечто запредельное, багаж из прошлой жизни, если вы в нее верите, конечно. То, что когда-то ты умел лучше всех на свете. Талант — это груз, который твоя душа таскает за собой из жизни в жизнь, неосознанное понимание того, что правильно, и непоколебимая, невесть откуда взявшаяся уверенность, что ты это уже умеешь. Что-то вроде механической памяти — как с умением плавать или ездить на велосипеде. Один раз научившись, ты вспомнишь это много лет спустя. Так и с талантом — это умение, которым ты когда-то владел в совершенстве. Только на этот раз воспоминания откуда-то намного глубже, чем позабытое детство.

...Потому что с первых же занятий ты стреляешь так, словно умел это всю

жизнь. Талант — это божественная благосклонность, потому что тебе не надо прилагать никаких усилий, чтоб выделиться из толпы. Ты с рождения поставлен на ступень выше, и об этом говорит электронная таблица с результатами в тире, об этом свидетельствует напряженное молчание на стрельбище. И никто не хочет тебя похвалить... Ведь это не твоя заслуга. Твой талант — благословенный подарок свыше.

Талант — также то, что в крови, потому что в итоге ты не можешь ему сопротивляться. Это способности могут зачахнуть в тебе без развития, талант скорее переживет тебя сам, сожрет изнутри, но вырвется на белый свет... То, что пережило смерть, не даст себе зачахнуть в тоске.

Талант — то знание, что срослось с вами, и смерть не стала помехой; что крепко-накрепко приштопал Господь Бог к вашим плечам. Горб, из-за которого вы кажетесь людям странным. Горб, из которого однажды прорежутся крылья, и тогда вас назовут особенным.

Я видела, как талант губил судьбы, ломал семьи, гнал человека в другие края. Я испытала это на себе.

* * *

«Боже. Только бы не лицом на проволоку...».

— Остановись! Куда ты бежишь?!

Он кричал это с искренним недоумением, вылетев за мною следом.

А в голове стучит лишь «бежать-бежать-бежать». Через заваленный строительным мусором лес. Куда? Неважно. Главное откуда.

— Инна!

Я оглядываюсь, не замедляя бега, но только для того, чтоб убедиться, что он далеко. Но нет... он очень сильный и очень быстрый. Делаю еще рывок, но чем глубже в лес, тем бежать тяжелее — ноги цепляются за ссохшиеся ключья травы, приходится перепрыгивать их, а от этого дышать так тяжело, спазмом сводит диафрагму. И только одна мысль в голове — «я бегу из ада, бегу куда угодно». Она буквально горячая и жжет меня изнутри.

И через свое громкое судорожное дыхание я слышу его крик:

— Инна! Черт возьми, ты будешь жалеть об этом всю свою жизнь, ты понимаешь это? Вернись сейчас же!

А, я понимаю. О, Боже, как хорошо понимаю. И так нестерпимо жаль...

Но бегу дальше.

— Ты чертова эгоистка, вернись сейчас же...

Его голос совсем близко, такой знакомый и такой родной (мы ведь стали семьей за эти годы), что мне кажется, будто это мое прошлое догоняет меня.

— Инна!

Я оглядываюсь снова, не замедляя бега, делаю еще рывок. Впереди узкая тропинка, я была тут тысячу раз, она выводит на опушку... Я сворачиваю туда, стараюсь прорваться сквозь чащу и в следующий миг, запутавшись в заросли

репейника, теряю равновесие и заваливаюсь на правый бок, приминая собой стену хрустящих серых стеблей. Тотчас отталкиваюсь руками от земли, пробегаю метра четыре, ничего не болит, но драгоценные секунды потеряны. Я чувствую, что Сергей рядом, делаю рывок, пытаюсь отклониться вперед от его рук, но он все-таки цепляет меня за локоть и тянет на себя. Рывок такой сильный, что, теряя равновесие, я налетаю на него, и мы вместе падаем назад. Пытаюсь подняться, путаясь в наших ногах (синие джинсы, где мои, где его?), но он успевает поймать мои запястья и зажать их в своем кулаке. Не ослабляя хватку ни на секунду, спокойно поднимается, становится прямо, свободной рукой отряхивает рубашку.

Я пытаюсь вырваться, но он все с тем же спокойствием поднимает крепко сжатый кулак, заламывая мне руки. Не могу сдержать стон, невольно подаваясь на носочках вверх, чтоб хоть немного ослабить боль.

— Папочка должен был с детства лупить тебя каратистским поясом. У него все наши ребята по струнке ходили. Ты не находишь, что зазналась, а? А?! Я тебя спрашиваю!

Молчу. Ответить просто не в состоянии. Замерла, боясь пошевелиться — похоже, еще движение и он выломает мне руки из суставов... Кажется, что внутри лопнули сосуды и по плечевому отделу разливается жгучая кровь. От этого жара меня бросает в пот, а в глазах пляшут белые точки.

— Мне... боль...но...от...пусти... — я даже не знаю, как сумела выдавить из себя эти слова.

Презрительно:

— Неженка...

Он выпускает мои руки, оставшись без поддержки, я тут же валюсь на землю.

Он отходит на пару шагов, чтоб смотреть на меня прямо, а я остаюсь сидеть, чуть поджав ноги и растирая плечи. Он ждет каких-то оправданий, но я так и не проронила ни слова; как натканная носом в лужу кошка, смотрю на него, оскорбленная и настроженная. Жду выпада. И дожидаясь.

— И что теперь?!

Сказать, что Сергей взбешен, значило бы ничего не сказать. Мечется, не зная как подступиться. Он в ярости, будто ему сообщили, что отпуск, который он запрашивал лет восемь, снова срывается. На этот раз навсегда. Да, все срывается. Мы оба это знаем.

Все. Безнадежно. Разрушено.

— Что теперь нам делать, я спрашиваю!? — кричит он.

Я поджимаю колени к груди и утыкаюсь в них лицом.

— Что! Теперь! Нам! Делать! Ты мне скажешь? — он подходит вплотную, и, нагнувшись, орет мне прямо в уши.

Он кричит так громко, что мне становится страшно, я задыхаюсь от этого страха и этой безнадеги. Но никаких слез, господа. Только рыдания, гулко отдающиеся в груди с каждым всхлипом... Слезы — так по-девичьи. Девушки

тратят их без меры и по любому поводу. Им не знакомы эти рыдания, похожие больше на предсмертные конвульсии, похожие на то, как корежит утопленника в последние его секунды... их не стоит стыдиться, ведь все мы там будем.

— Инна! Инна, ты мне ответишь?!

Когда нет больше сил думать, я всегда начинаю считать.

Раз, два, три, четыре... папа, за что ты так меня?

Пять, шесть, семь, восемь... я все испортила, я все разрушила.

Девять, десять... но, хотя бы это я сделала сама.

— Ты слышишь меня?!

Он кричит так невыносимо громко, что я отнимаю руки от ушей и вслепую ною мамах бью ему по лицу. Он удивленно отскакивает, шипит:

— Гос-с-с-споди...

Замолкает. Прислушивается. На краю леса, на этой опушке так тихо. Только всхлипы вперемешку с одышкой. О, Боже... Это же я плачу... Это же я. Трясусь всем телом.

Он вздыхает. Пожалел, наверное. Пожалел, о том, что ударил, о том, что кричал. Я ведь совсем маленькая еще. Совсем еще ничего о жизни не знаю. Он сам так часто говорил.

Помедлил еще немного. Затем подходит, отнимает мою руку от лица, тянет вверх, вынуждая подняться... А я, вроде только что успокоившаяся, рыдаю еще сильнее, забилась, заметалась: «Отпусти! Отпусти! Оставь меня!».

Он на эту истерику внимания не обращает — как и во всем и всегда. В этом, в принципе, и заключалась его работа — не обращать внимания и делать свое дело. Не обращать внимания, когда мой дядя переводит черный нал, не обращать внимания на то, что банкир, к которому его приставили, задирает юбку семнадцатилетней девочке на заднем сиденье своего «Седана»... а та так вырывается, так кричит. Не обращать внимания... Это философия, это целая религия, которую следовало придумать, для того чтобы так жить. Сергей. Его берут работать там, где у других не выдерживают нервы. А секрет душевного спокойствия этого рослого блондина с каменным лицом прост: когда он чувствует, что на грани — он просто перестает обращать внимание.

Так и сейчас, смотрит точно вперед, волоча меня за собой по земле, по этой сырой глине вперемешку с песком... Я ничего не соображаю, свободной рукой судорожно тру зареванное лицо, не замечая, что ногтями уже расчесала щеку до крови и теперь мешаю сукровицу с грязью... Вдруг опомнившись, начинаю цепляться пальцами за траву — короткую, сырую, — вырываю ее, снова ищу хоть что-то, за что можно уцепиться, а он ускоряется. Рука опять заломана в плечевом суставе, и от боли не осталось мыслей вовсе... и знаю я только одно — мне нельзя отсюда уходить... точнее, мне нельзя обратно.

— Отпусти меня, отпусти, че-е-е-ерт во-о-озьми!

Поначалу кричу, голос срывается, хрипит... Потом уже просто скулю. Упираюсь ногами, белыми кроссовками мешу эту рыжую грязь.

— Пусти же меня, ну пусти-пусти... — Упираюсь со всеми силами, он на миг останавливается, но тут же рывком тянет меня на себя. Рифленая подошва соскальзывает в мерзкой жиже, и я впечатываюсь щекой в мокрый песок. Боль и злость перекрывают разум, с отчаянием изо всех сил дергаю на себя саднящее запястье. Удивительно, но он, не ожидая подобной силы, выпускает меня. Тотчас откатываюсь назад, но бежать сил уже нет. Дышу так часто и так громко, словно провела под водой минуты три. Воздух выходит из груди с жутким хрипом, будто одно легкое порвано и полно крови. Во рту тоже ее привкус, а оттого начинает казаться, что я и вправду задыхаюсь. Ложусь на землю и закрываюсь руками. Рыдаю, теперь уже от боли и унижения. Предплечья расцарапаны, а кисти содраны до крови об корни. Но все же самое жуткое насилие — насилие над волей. Все чего я хочу — остаться здесь.

— Уходи... убирайся.

Ненавижу свой голос сквозь плач. Хриплый и слабый. Ненавижу и тех, кому приходится его слышать.

Сергей устало вздыхает. Я знаю, он не хочет зла. Из самых добрых побуждений он волок меня за собой. Он ведь почти дотащил меня до своего начищенного блестящего «Форда». Краешек леса, где мы бросили машины. Распахнутые дверцы — у моей так и вовсе не заглушен двигатель и почему-то включены фары... Мой любимый «Ниссан Сани» 96-го года. Цвет «красная осень». Праворульный. Фары блестят, как глаза полные слез. Тебе ведь тоже жалко меня, мой милый друг?

И тут этот знакомый голос. С надрывом кричит:

— Боже мой, что ты с ней сделал! Отойди от нее сейчас же!

О, Боже, он все-таки приехал. Ну, зачем... Ну, зачем, а?

— А что мне еще с ней сделать после всего этого? Может, ты подскажешь?

Влад будто бы его и не слышит, кидается ко мне. Падает рядом на колени, водит руками, гладит воздух рядом со мной, словно боится прикоснуться и тем причинить еще большую боль.

— Эй, Инн... Инн... — успокойся — ну успокойся же, все хорошо...

Сергей неподвижно наблюдает за этим, а потом, словно плюнув на все, разворачивается и уходит, лишь бросив напоследок:

— Сам разбирайся с этой глупой амбициозной стервой...

Влад провожает его взглядом. Хлопает дверь, заводится двигатель. Ну, наконец-то, наконец-то он уехал. Ненавижу его, как же я его ненавижу. Ни разу он не был на моей стороне.

— Встанешь? — Влад говорит это очень тихо. Мне кажется, так обращаются к тяжело больным. — Ты можешь встать?

Отчаянно мотаю головой из стороны в сторону. Меня трясет. От холода, от паники, от страха. Влад замолкает. Поднимается с колен. Молчит. Наверное, стоит и смотрит, не зная, как подступиться.

— Отец отказался от меня, ты знаешь? — сама не узнаю свой голос.

Глупость какая. Зачем говорю. Он же был там.

— Да, я слышал, что он сказал.

И мы снова молчим, только на этот раз я больше ничего говорить не собираюсь. Отворачиваю голову, чувствую щекой колючую траву.

День идет на убыль. Маленькие лучики пробиваются сквозь плотную завесу ветвей, остаются светлыми пятнами на моих руках и ногах. Но нет сил протянуть руку и поймать тонкую ниточку золотого тиснения. Тень на лице. Я загнанный в ловушку зверь. Стою на самом краю, и бежать больше некуда.

Это утро. Это было всего лишь утром. Как же можно все так быстро испортить. Как же я могла все потерять...

Всего один оскал, оскал собаки на кормящую ее руку. Этого можно было избежать. Просто промолчав. Просто сдержавшись. Мой хрупкий мир мог продержаться еще немного... Но одна единственная фраза разрушила его целиком.

Как сейчас... Джинсы, белая футболка, чуть влажная, с налипшей на нее черной пылью — мы трое суток провели в машине. Я стою перед ним и полным залом гостей — я и трое моих ребят. И эти слова... «Мне не нужна такая дочь как ты... никогда не была нужна».

— И ты мне тоже не нужен, — отвечаю я воспоминанию.

Влад слышит это и вздыхает.

День еще не кончился, а уже стал худшим в моей жизни. А ведь этим утром мы только въехали в город. Я, Максим и Кирилл. Мы перегоняли машины из Германии. Неблагодарное занятие, но что поделаешь. Всегда почти новые, знакомый механик в Мюнхене продавал их нам за треть цены. Все понимают почему, верно? Черт, как же я не люблю угнанные машины — они как насильно взятые чужие женщины, поначалу покорные, но никогда не отличаются верностью и часто ломаются во всех смыслах этого слова. Причем в самый неподходящий момент, словно думают, что, однажды продешевив, ты им теперь вовек должен.

Такая сомнительная экономия всегда выводила меня из себя, но это поручение было единственным, что отец доверил мне, а потому отказываться было непозволительной роскошью. Два «Мерседеса», не новых, но в хорошем состоянии, и потрепанная гоночная «Тойота Mark II» года этак 94-го лично для Максима, прекрасная тачка со спортивными амбициями. Ничего сложного, мы быстро соглашаемся.

Приятная поездка, самолет прямым рельсом в Мюнхен, отпуск какой-то, все просто, все легко. Аэропорт, шесть утра, я в норме, я как лед в стакане с водой... Пара немецких кафе, где мы обедаем, первый раз сами, второй — вместе с Мюллером. Передавая ему конверт, убеждаюсь лишний раз, что руки его не похожи на руки механика. Длинные ловкие пальцы — в таких неплохо работает отмычка. Только это совсем не важно, нет повода для беспокойства, проблемы нет.

Летний день, свежий воздух мощеных улиц. Местная молодежь глазеет на то, как Кирилл привычно клеит скотчем бумажный номер на заднее стекло.

Макс в хорошем расположении духа — облокотившись на начищенный бампер, улыбается мне. Кажется, я ему нравлюсь. Кажется даже, если мы вдруг останемся наедине, он попытается меня поцеловать. Обратный путь обещает быть долгим, но интересным — каждый ведет свою машину; перерывы, чтоб размять ноги и ночевки в гостиницах. Я успеваю подумать, что в одной из них наверняка будет бильярдная и картежный стол, я смогу отыгаться после того сокрушительного провала месяц назад... Но тут звонит папа и сообщает, что хочет видеть нас на два дня раньше, что наша заранее обговоренная командировка каким-то образом идет вразрез с его планами. Но даже тогда он ловко избегает фразы «ты мне нужна», заменив ее на «тебе следует мне помочь, ты не находишь?». Он явно проверял меня на прочность, хотя, может быть, я слишком мнительная.

Но, все-таки... Боже мой, я ведь просто просила доверия, а он отвечивал мне пощечину за пощечиной, проверяя, как долго я выдержу. Без сна. Без отдыха. Без его одобрения. А ведь последнее было необходимо как воздух.

Мы спим в машинах по четыре часа, но все-таки держим темп. Это никоим образом не нужная работа, бесцельная, которую поручили мне, потому что тут ничего невозможно испортить. Это очень обидно, потому что после двух дней за рулем тело ломит, а лопатки саднят так сильно, будто вот-вот прорежутся крылья. Жара, кожаные черные сиденья, нагреваясь на солнце в полдень, обожгли мне докрасна предплечья. Душ только в сервисных центрах по дороге, очередь из небритых дальнобойщиков, кожа на ладонях загрубела, а волосы пропахли машинным маслом. ЧП с моим «Мерседесом» перед самым въездом в город и вовсе застает нас врасплох.

Ребята нервничают, в час дня вместо одиннадцати утра мы загоняем машины в ангар и поднимаемся в дом. В гостиной папа сидит с какими-то отутюженными лощеными типами, их слишком много. Я сразу понимаю, что мы не вовремя. И все-таки сдерживаю обещание, киваю Максусу и Кириллу, мы заходим в зал. Я протягиваю отцу связку ключей.

— Я все сделала, пап.

Он увлеченно рассматривает какой-то портсигар, вертит его в руках. А я так четко слышу голоса за спиной: «А-а-а... это его дочь, да? Говорят, немец хочет позвать ее работать к себе...». Я слышу эти слова и чувствую, как они разглядывают меня. Отец все молчит и молчит. А мне так целовко, здесь должна стоять девушка в шикарном платье-футляре, изящная, как скрипка. Я чувствую себя неухоженной уличной девицей, плечи горбятся сами собой. Мне не нравится отчитываться перед ним, когда все эти люди смотрят на меня.

— Отец, мы хотим отдохнуть, дай мне ключи от коттеджа.

Он неторопливо ставит бокал на стол и поднимает на меня глаза. Прищур, утомленный вздох. Стоп-кадр. Крупный план. Мой отец.

Когда я смотрю на него, мне кажется, что родство крови сильнее всего на свете. Я не представляю, как можно жить без этих глаз, век, губ, улыбки, так

похожих на мои собственные, и столь же отличных от них. Я смотрю на него и знаю, как будут выглядеть мои глаза через двадцать лет, как посветлеет цвет радужки, придавая взгляду серьезность и задумчивость. Кстати, о взгляде...

В моей жизни мало вещей, которые могли бы повергнуть меня в смятение. По одной простой причине — мне они безразличны. Все, кроме этого взгляда. Когда он полон благосклонности, это лучше всего в мире, это делает меня самой особенной девушкой на свете.

Когда он неодобрителен, это не просто ставит меня на колени — это вбивает меня в асфальт по плечи. Когда он говорит, что я плохая — мне действительно не хочется жить, потому что все на свете теряет смысл. Муки совести — спазм в груди. Быть плохой дочерью даже хуже, чем виновным во взрыве ядерной бомбы. Ступор, ноги врастают в землю — я забываю, куда шла и что хотела... А если и вспоминаю, то не хочу двигаться с места, потому что это уже ничего не значит.

И вот сейчас он сидит в этом кресле, в своем костюме, в своих ботинках из крокодиловой кожи. Между нами напряженные отношения последние два месяца. Возможно, поэтому его взгляд так высокомерен и напоказ равнодушен. А я все стою и тяну ему ключи.

— Ты хорошо поставила машины?

— Да, я...

— Мне почему-то кажется, что нет.

И откуда он знает?

— Отец, мы были в пути...

— И что? — Он щурится, отхлебывает из низкого бокала (что там они пьют — бренди?), тянет слова и время, а мне так не терпится уйти.

— Я закончу позже.

— Можно узнать когда?

— Позже...

— Мне это уже надоело! Это твой ангар и ты за него отвечаешь! В вашем гараже можно убивать — там такая свалка, что улик попросту не будет! — Он говорит это достаточно громко, и кто-то из присутствующих смеется.

Да, он любит такие шутки.

Зачем он унижает меня перед всеми этими людьми? И особенно — перед моими подчиненными, он ведь сам меня над ними поставил.

— Почему ты так со мной разговариваешь?

— Ты не заслуживаешь, чтобы я с тобой разговаривал иначе...

Самые жуткие ссоры и разрывы начинаются с пустяка. Весь их ужас заключается в их же фатальности — всего этого кошмара могло бы и не быть, если бы кто-то прикрыл рот.

— Мне это все надоело! Сколько можно?

— Да ты конченная стерва!

Шиплю ругательства. Тихо, но он слышит.

— Тебе следует извиниться, Инна... — лепечет мама, она улыбается, но в глазах испуг и паника. — Как ты можешь так говорить с отцом? Извинись, Инна... — Она так настырна и так не к месту. Как любая хозяйка, пытается влезть всюду.

— Я не собираюсь извиняться.

И понеслось.

* * *

— Зачем он прогнал меня?

— Ты сама ушла, — пожал плечами Влад.

Слезы кончаются быстро — как только мысль перестает быть новой. Бессилые — вот что остается после.

— Эй, Инн, ну хватит уже раскисать...

Он встает, и теперь уже без стеснения смотрит на меня сверху вниз. Он — на фоне первых звезд и белесого вечернего неба. Светлые пряди заслоняют лицо — им можно любоваться бесконечно. Особенно этой улыбкой.

— Ну, прекрати уже... Как там говорил Тим? Зашивай вены, бинтуй запястья. В конце концов, пойдем, соберем вещи, я возьму билеты, смотаемся на неделю в Камбоджу... когда вернемся, все уже позабудут...

Он говорит решительно и уверенно, он выглядит как человек, который только что нашел выход и безумно этим горд. И кажется, что он хороший. Снова хороший... теперь уже по той простой причине, что похож на ходячую банку аспирина — всегда поможет, обезболит и утешит.

— Мы ведь давно собирались... Ну? Как тебе идея? — Он протягивает руку, уверенный, что я возьмусь за нее и, как обычно, ловким рывком поднимусь на ноги. Привычный жест, который повторялся из раза в раз, взаимопомощь, симбиоз, обоюдная поддержка — то самое, на чем строилась наша дружба.

По инерции старых привычек так я и собираюсь сделать... Если б только могла протянуть руку, чтобы принять помощь. Только вот почему-то это оказывается невыполнимым.

— Слушай, мне как-то не очень хочется... — я отворачиваю голову направо, прикрываю глаза. Все что угодно, только бы он не видел, как я испугалась собственной слабости.

— Ты передо мной в долгу. Если ты помнишь... — Он вдруг становится серьезным и настороженным. Он не любит, когда его жесты милосердия остаются не оцененными.

— Да, ты не дашь забыть.

— Тебе предоставляется уникальная возможность оплатить его своим присутствием на борту лайнера завтра в обед.

— Ну, если ты так хочешь... Кстати, можешь не покупать билет — я поеду грузовым отделением.

— Что, черт возьми? — Он кривится, словно я сказала какую то мерзость. Он всегда так делает, когда чего-то не понимает.

— Черт. Да я тело ты, что не видишь? Труп. Кукла. Не трать денег на бизнес класс. Я все равно не оценю.

Он на миг сжимает губы очень крепко, видимо сдерживая эмоции.

— О-о-о... я вижу, ты еще сохраняешь чувство юмора. В таком случае все не так уж и плохо, как я думал. А ну поднимайся!

— Я серьезно не могу. Черт. Правда, Влад.. я не могу.

Он, почему-то в этот раз верит сразу. Только вот реагирует неадекватно — лицо бледнеет, словно в голову ему пришла жуткая догадка. Не проронив ни слова, он подходит, рывком переворачивает меня на спину, хватая за предплечье и начинает оглядывать локтевой сгиб. Уже сумерки, мало что можно рассмотреть, но он изучает каждый сантиметр кожи, так близко наклоняясь, что со стороны мы, наверное, кажемся любовниками. Да, в том, что он делает, есть страсть. Но страсть не любовная, а страсть, которая призвана рассеять его страх. Во многом мы похожи, он запросто может представить себя на моем месте, может, потому и ищет любые причины, лишь бы хоть как-то оправдать это мое поражение.

Он приступает к изучению второй руки, смотрит, прищуриваясь, внимательно, становясь все более серьезным и напуганным. Он ничего не нашел, но не успокоился на этом.

— Скажи, ты случайно за последнюю пару месяцев не познакомилась с мистером героинном? Про кокс я не спрашиваю... — он что-то хотел продолжить, но я перебила.

— Нет! — Действительно, мне, почему-то даже не пришла в голову эта идея.

— Тогда почему у тебя такие синяки под глазами. Ты похожа на наркоманку. Ты даже не можешь встать.

Я промолчала. В любом случае это не было комплиментом и было неприятно. Он подождал ответа, но я смотрела в сторону.

— Может быть, ты... мало спишь?

— Я много сплю. Но плохо.

Он изумленно приоткрывает рот.

— Хотя последние три дня были исключением... И... — я приподнимаю голову, слабо улыбаюсь, — отец отказался от меня, ты... знаешь?

— Знаю.

— Ах, да, я говорила...

Влад хочет что-то ответить, но останавливается. Я заметила, что голос его стал подрагивать. То ли от паники, то ли от холода. Летняя влажная ночь в лесу, градусов четырнадцать, он должно быть очень замерз в своей рубашке.

— Тебя ведь что-то вывело? Почему ты взорвалась? — Он присаживается на корточки рядом, словно от этой близости ему станет теплее.

— Да... просто... эта боль... последние два месяца...

— У твоей боли есть имя?

— Да... нет, — я запнулась, — черт. Да. Есть.

* * *

Это было моей самой важной тайной. Алексей.

Я никогда не забуду, как однажды он завел мне руки за спину — горячие ладони на холодных запястьях — и поцеловал.

Тепло и принуждение. Как он вычислил? Как угадал? Все, что было нужно со мной сделать — *подавить и согреть*. И я, испуганная и восхищенная, хватала его за руки, приглушенно шептала:

— Ты только никому не говори, слышишь... никому не рассказывай!

А он улыбнулся:

— Тебе можно?

Это перевернуло все. В тот день я навсегда потеряла покой.

И целуя его лицо — вот так — лоб, висок, скула, щека, уголки губ — я спрашивала: «Кто ты мне — наказание или награда?». А он улыбался... И снова — подбородок, щека, закрытые веки — губами по теплой коже — снова лоб. «Ты целуешь меня как покойника». «Нет, я целую тебя в знак благословения. Так кто же ты для меня? Испытание, которое нужно преодолеть или искушение, которого нужно избежать?».

С ним я снова стала прежней — слабой и женственной. Мысль о нем стала диктовать мне все мои поступки. Я потеряла сон.

Но, похоже, он все-таки был испытанием.

Унижение, боль, раздавленность... Это все негативные чувства, они разрушают человека. Все изменилось, когда я узнала Андрея. Никогда не забуду той улыбки, снисходительной, полной превосходства — хоть в чем-то он меня превзошел.

— Это ведь он? Он тот человек, которого ты любишь?

Никогда не забыть мне этих слов, этой его настойчивой жалости — я ее не принимала, а он пихал, маскируя под сочувствие. Наверное, приятно смотреть, как рушатся чужие мечты.

— И еще... ты кое-что упустила. Мы же с ним друзья. Лучшие друзья. Мы все друг другу рассказываем.

С таким взглядом, с такой надменной улыбкой тебе стучат по плечу и подают выпавшую из твоей сумочки пачку тампонов. Унижение как от неловкой ситуации с потерянной интимной вещью — кто-то поднимает ее и смотрит на тебя с этой безжалостной злой улыбкой... Кто-то чужой держит в руках твое сердце, рассматривает его с интересом и превосходством. Кто-то чужой знает твою самую сокровенную тайну. Секрет. Душу. Изнанку. Исподнее.

— Просто ты ему... была не нужна.

И унижает даже не само значение этих слов, а то, что говорит их мне глупый самоуверенный мальчишка, мстящий за что-то. Люди никогда не могут простить тех, кто им помогал однажды и видел их слабость. Рано или поздно они отомстят. Они тоже «помогут».

Но это чувство... невозможность прервать ожидание мечты. Это похоже на изжеванную питбулем конечность — ты видишь, что ничего не вернуть, ошметки кожи и плоти никакими нитками не сшить — даже в лоскутное одеяло. И перемолотые кости создают тромб — теряешь слишком много крови... ты понимаешь, что с этой покалеченной мечтой ты не протянешь долго и нужно бы ампутировать ее из своей души, как конечность с зародившейся в ней гангреней. Гниющие в вазе на столе розы. Но ты никак не можешь поверить в бесполезность своей мечты, не можешь представить, что никогда больше не наденешь пару любимых туфель, что никогда не будешь больше танцевать, что ты никогда больше не будешь целовать его лица и рук. И не можешь дать врачу согласие на ампутацию... а время идет, и ты теряешь кровь. И не можешь поверить, что с тобой что-то не так.

— Так, что случилось, Инна? — Влад, похоже, устал слушать тишину.

— Хорошо. Я скажу. Это острое недовольство собой — такой отверженной и ненужной. Удар самой себе в челюсть — неприятие себя — не походи ближе, неудачница, я тебя не знаю. Отказ от себя, отречение. Попытки изжить саму себя со свету, чтоб доказать невесть кому — я непричастна к этому позору. И потому апатия, постоянная головная боль и нежелание делать что-либо... А когда болит голова, все звуки кажутся намного громче, чем обычно. Раздражение и ощущение острой несправедливости накапливается... Вот я и взорвалась. Вот и подожгла фитиль у бомбы, на которой сидела.

Влад какое-то время молчит и смотрит на меня с таким сочувствием, что мне становится не по себе. Но потом подходит и с самой унижительной для меня жалостью гладит по голове и лицу.

Такие простые, привычные, знакомо пахнущие руки... В них так легко и просто уткнуться лицом и плакать и говорить, что думаешь... *Вылечи меня... если я больна — то ты вылечи меня.*

Я не выдерживаю и обнимаю его. Единственного человека, который остался рядом, когда, кажется, весь мир отверг меня.

Когда горе всеобъемлюще, отчаяние заполняет весь разум целиком. И это уже не твое тело — это тело твоей боли, и она терзает его, это она трясет тебя всего, не оставляя живого места. И только чужое тепло может заставить тебя согреться, заставить потушить в себе обиду и злобу.

Жестокая игра... Но мы всегда кого-то предаем. Нельзя никого винить, потому что сердце все еще стучит, царапины кровоточат. Я сижу на краешке леса, где соединяются миры. Тонкие лучики, пробиваясь сквозь ветви, падают на ковер из иголок. Эти поющие птицы... Природа вокруг дышит жизнью...

А я шепчу в чужую шею:

— Я, что, умерла?

— Да нет еще, вроде как... живая.

— Тогда почему вокруг ад? — я задираю голову и смотрю в небо.

Он долго молчит.

— На самом деле ад только в твоей голове. А так жизнь прекрасна. — Он первый отстраняется от меня.

Он молчит, и я сама не смею заговорить больше. Слова не могут помочь, не могут ничего исправить, не могут даже принести облегчения. Я остаюсь совсем одна со своей невзаимностью, в этом аду, для которого не нужно умирать.

— Все еще можно исправить... Ты можешь вернуться и попросить прощения...

Я ничего не отвечаю. А про себя думаю: «Рано или поздно это все равно случилось бы, и нужно было рвать с этим».

Плохо, когда чувства невзаимные. Когда любовь не находит ответа, а восхищение — благосклонности. Плохо, когда все попытки быть хорошей дочерью оборачиваются провалом.

Стремишься к чему-то все время, добиваешься, делаешь это сначала увлечением, затем оно перерастает в хобби, а потом и вовсе — становится делом жизни. И получив хоть крохи, хоть тень от света, уже не можешь найти в себе силы снова стать свободным.

И все бы хорошо, но невзаимность порождает недовольство, заставляет тебя сажать себя самого в клетку и бросать в себя же камни. Жажда саморазрушения, самоизживания себя как существа чужеродного и жалкого, жизни не заслуживающего, неутолима. Те, кто познал невзаимность, мало спят — они развлекают себя самой жуткой пыткой: прокручивать и прокручивать в голове слова, вспоминая новые детали, желая добить себя поскорее. *«Мне не нужна такая дочь, как ты... Мне не нужна такая дочь, как ты... Мне не нужна...»*

Я думала, что невзаимность должна чему-то учить...

Только вот она ничему не учила.

Я потеряла все, и рядом только Влад, из природной доброты не желающий оставлять меня одну.

— Ты точно не вернешься домой сегодня?

— Точно.

— Слушай... давай тогда я отвезу тебя к себе.

* * *

Талант — разумное существо. Поэтому развитие настоящего таланта можно сравнить с открытием ящика Пандоры. Там сидит невиданное создание из запредельного мира. Когда вы протянете ему руку — он примет ее, потому что он давно ждал этого приглашения. Неизвестно, придется ли вам по вкусу то, что произойдет после — одно точно: ваша жизнь изменится.

Самые жуткие вещи начинаются как игра, никакого дурного умысла.

— Хочешь пострелять? — невинный вопрос, приглашающая улыбка. Это был повод для знакомства. Услуга, чтоб добиться расположения.

В углу на стрельбище по правую руку от брата, одетая в шерстяное платье до колена — удивленная и растерянная, я не знала, что сказать в ответ.

Первое попадание — «да ты просто снайпер».

Второе попадание — «ух ты».

Третье — «а у вас способная дочка».

Четвертое.

Пятое.

Шестое.

И вот все они молчат.

Талант подгоняет человека под себя. Талант требует особого окружения, особых людей — может быть, этим объясняется, почему все писатели одинаково мечтательны, а сапожники много пьют. У меня появились новые друзья и новые увлечения. А ведь когда-то любимым моим развлечением были походы по магазинам с троюродной сестрой. Теперь лучшие платья заброшены в дальний угол шкафа, мне просто некогда их носить. Теперь у меня совсем другие увлечения. Талант притягивает все это к тебе, перестраивает тебя самого под свои нужды. И ты уже не в состоянии заметить, где именно произошел излом, и где тот миг, секунда, час, когда ты перестаешь быть собой.

Я вначале старалась не замечать этого зуда — словно что-то во мне скреблось изнутри о ребра — маленькими коготками. Сперва осторожно, а потом оставляя кровотокающие борозды.

На мне платье по фигуре из самого дорого атласа, а пальцы так и тянутся к рукоятке, словно когда-то давно они к ней приросли, и теперь вновь жаждут встречи.

На мне платье из первоклассного шелка, но я не умею зарабатывать деньги. А рукоять «Беретты 72fs» в ладони, холодная и приятно тяжелая, дарит покой и умиротворение... Мне уже двадцать один год, и я не хочу просить деньги у отца, я хочу сделать сама хоть что-то в своей жизни.

А талант все скребется и скребется — «я здесь, милая, выпусти — ну выпусти меня, я дам тебе все, что ты захочешь». Я буквально ощущаю этот зуд в районе солнечного сплетения. Отмахнуться, зажать уши... Но лезть слышат даже глухие: «Ты же самой лучшей была на стрельбище в тот день, ты что не помнишь?». Маленький искуситель мурлычет так сладко. Ты только попроси его помощи, позови его — скажи «кис-кис» и он осмелеет — разодрав мощными лапами трахею, он вскарабкается тебе на шею, когтями вопьется в глазные яблоки... Но ты не будешь чувствовать боли, талант будет мурлыкать тебе на ушко мелодию из далекого прошлого, по которому так скучает твоя душа.

Талант — жуткая маленькая тварь с черными блестящими глазами, но поет она божественные песни.

— Отец, не заходи, она спит...

Я просыпаюсь оттого, что Влад с шумом подпирает коленом дверь, не давая кому-то в нее войти.

— Это мой дом, и если ты не против, я пойду туда, куда захочу.

Влад чуть мешкает, но отступает.

Я поднимаю с подушки тяжелую голову, сажусь на кровати, тру глаза. Тяжело спать в одежде — не намного лучше, чем в машине. Герман входит в комнату, лучезарно мне улыбаясь. Похоже, его совсем не смущает мой неприглядный вид. Он отчего-то так счастлив, что его улыбка освещает дом в этот сумрачный день.

— Здравствуй, Инна!

— Отец, не надо... — Влад снова пытается преградить дорогу.

— Я только предложу. — Герман опять улыбается. Так умеют улыбаться только люди, которые много работают с детьми — всегда снисходительно и с каким-то сочувствием. — Я не смогу простить себе, если хотя бы не попробую.

Я в который раз удивляюсь тому, как они похожи. Одинаково светлые волосы, схожие силуэты и даже рост — почти что один в один. И Герман выглядит так молодо, что я бы приняла этих двоих за братьев, старшего и младшего.

— Пусти... — Он чуть давит на плечо сына, и тот почти сразу отходит.

— Не буду скрывать, я рад, что так получилось. — Герман обошелся без утомительных вступлений.

— Да, я знаю, — отвечаю, глядя в пол.

Самое жуткое чувство, это когда ты точно знаешь, кто будет радоваться твоему провалу.

— ...Но только потому, что теперь ты наконец-то можешь учиться у меня. Теперь-то у тебя много свободного времени, — он усмехается, — и твой папа не сможет тебе запретить.

Все та же пластинка, но на новый лад.

Я часто бывала у Влада дома, поэтому такой разговор заводился уже не один раз и даже не два. Дело в том, что Герман держит школу... не самую обычную школу. Но в своей области он лучший учитель в городе. А, может быть, даже и в стране. Впрочем, он всегда так и начинает нашу беседу: «Ты же знаешь, я лучше всех учителей, к которым ты могла бы попасть, почему бы тебе это не оценить?». Я всегда смеялась в ответ, но он не обижался. Просто я разгадала его секрет. На самом деле стать лучшим учителем очень легко. Достаточно уметь выбирать талантливых учеников. С ними и делать-то ничего не нужно, зато сколько славы выдающемуся преподавателю... Достаточно таких учеников найти. Хотя обычно именно с этим и проблема.

Герману далеко ходить было не надо, он начал с подручных средств — со своего сына. И вот он результат — у него за спиной. Добрый, милый, но абсолютно непризнанный светловолосый гений.

— Я не хочу на вас работать. И учиться у вас не хочу. — Я говорю это тихо, но очень четко, разделяя слова.

— Почему? Ты не найдешь места лучше. Тем более... разве тебе есть куда идти?

Я игнорирую последний вопрос.

— Я ни на кого не хочу работать. Я ничего не хочу.

— Ты ведь уже взрослая, — он говорит это вкрадчиво и осторожно, а улыбается так обворожительно, что я сама кажусь себе значимее и красивее, чем есть. — Инна, это как с фантастическими романами — уже не интересно знать, как героиня умрет, интересней посмотреть, как она будет с этим жить. Проще всего сдать и забиться в угол. Ты можешь все исправить и всем доказать...

— Я не хочу никому ничего доказывать.

Про себя: «Я не нужна двоим самым важным мужчинам в моей жизни. И тут ничего не поделать».

— Но ты же хочешь, чтоб *он* попросил тебя вернуться?

И, черт возьми, меня выбивает из колеи осознание того, как он прав. Все, чего мне хочется, так это чтобы люди которые от меня отказались — пожалели об этом. Отпираться бесполезно.

Герман видит мою растерянность и показывает мне дом. Отличный трехэтажный коттедж со стрельбищем в подвале и хорошим спортзалом. Показывает комнаты, где живут его ученики. Впечатляет. Он говорит, что одна из них могла бы стать моей, но я слышать ничего не хочу. Влад молча идет следом.

Но Герман все-таки удивительно проницательный человек. Он открывает ящик одного из столов и достает... мою мечту. Серебристая, гладкая, с именной гравировкой, она блестит в его руке.

— И кстати... мои ребята вот из чего стреляют, — он специально говорит это немного небрежно и протягивает ее мне, дает подержать, почувствовать, представить...

И это становится началом конца. Как бы ни были сильны разум или упрямство, ничто не может остановить, когда талант чует родные себе предметы. Он как поджарый пятнистый дог, с которым ты выходишь на прогулку. Он смиренный и даже почти не тянет поводок... но стоит ему учуять кошку — он будет волочить тебя за собой по лужам, веткам и грязи, ты соберешь затылком все бордюры, так и не сумев отстегнуть от себя поводок.

Мой пятнистый дог повел носом и вытянулся в струнку впервые, когда у меня появился доступ к связке ключей от папиного кабинета. И, должно быть, этот поджарый дог и тянул меня на своем поводке к встроенному в стену сейфу. Полки, полки, куча документов... Рука пианистки проводит по выстроенным в ряд рукояткам. Все так знакомо...

Сейчас это чувство было сильнее во сто крат.

— Ну, и что ты теперь думаешь? — он опять улыбается. Эти его улыбки творят чудеса, к ним привыкаешь, и кажется, будто этот светловолосый чело-

век средних лет твой старый друг, ему можно верить и он хочет тебе только добра.

— Я помогу тебе стать самой лучшей. — Он берет меня за руку и мне не хочется ее отдергивать. Влад за его плечом становится все более печальным. — Ты очень талантлива, твой отец не смог этого оценить. А я могу.

Я стою и думаю, что предложение слишком уж, неприлично, фантастически хорошо. Это вполне могло бы показаться обманом, если бы я не знала Влада, если бы я не была в этом доме раньше тысячу раз и тысячу раз не слышала этих слов. Это могло бы показаться мне подозрительным, если бы я не знала, что талант всегда притягивает к себе нужных людей.

Я знаю, что правильнее уйти отсюда и заняться чем-нибудь действительно важным. Откопать свой университетский диплом и устроиться по специальности — финансовая — на работу. Я знаю, что это будет без сомнения вернее, чем быть у кого-то в долгу.

Но финансы никогда не были мне близки. А если что-то дается с первых шагов со скрипом, с невероятным трудом, если тебе приходится заставлять себя — это не твоя дорога. Прикладывать невероятные усилия к тому, что тебе не дано — пустая трата энергии и драгоценного времени жизни. Это можно сравнить с развилкой — да, дорог много, перед тобой куча возможностей, путей и маршрутов — иди куда хочешь. Куча дорог — кем ты хочешь быть? Выбери любую... Но представь, что на одной из них проложены рельсы — кем-то могущественным специально для тебя. Да-да, дорог очень много... но все они в разлуке, ты вполне можешь пойти по одной из них — не имея задатков и музыкального слуха, ты можешь ночи напролет годами мучить скрипку — точно так же как пробирался бы по одной из той трущобных дорог, при каждом шаге увязая в липкой грязи. Однажды ты научишься маневрировать, ты научишься играть, запомнишь как двигать рукой, ты научишься изображать то, что у таланта получается само собой... Ты можешь выбрать это, а можешь взять протянутую Господом руку и сесть в экспресс — в свой личный вагон, на бешеной скорости несущий тебя к славе, признанию, оставляя далеко позади тех, кто не нашел себя. Талант учит отрешению от ненужных привязанностей. Именно это мне предлагал Герман.

Твой талант даст тебе все, что ты только пожелаешь — деньги, славу, признание, популярность и даже душевный покой, если, скажем, ты хочешь этого... Все что от тебя требуется — дать ему поглотить себя с головой, сожрать, растворить в желудочном соке, переварить и выплюнуть на свет нечто совсем другое под названием гений.

— Инна, если ты движешься в направлении, где страх твой растет, ты — на верном пути... — Герман смотрит на меня со странным обожанием, так смотрят скульпторы на хороший кусок мрамора, из которого они создадут шедевр.

Я вздыхаю и бормочу что-то вроде «ну хорошо, я согласна». Влад разворачивается и выходит из комнаты. Герман даже не замечает этого. Он только что пополнил свою коллекцию давно желанным экземпляром.

— Ты мой маленький гений. Я не позволю тебе погубить твой талант. Он по-отечески обнимает меня, и я это терплю.

* * *

Талант узнать легко — это то, что получается у вас лучше всех, легко и изящно. Как будто бы вовсе без усилий. Бесстыдно, бессовестно легко, вам даже будет немного неловко признаться в своих возможностях. Действительно, неприлично поведать, что этот рассказ был написан за пятнадцать минут и строки складывались сами собой, а этот сюжет ты увидел во сне, а чтобы сделать эту фотографию, за которую тебе в журнале заплатили тройной гонорар, ты даже не задумывался над ракурсом — руки сами встали так, как нужно. Тебе даже не нужно сосредотачиваться, тебе не нужна теория...

Только вот не следует думать, что все так легко и скучно. Когда вы обнаружите талант — нащупаете его у себя под кожей, найдете смелость встретиться с этой божественной тварью взглядом — тут начнется работа на износ, которая вас и убьет.

В этой спортивной школе оказался очень насыщенный график. С моим появлением он стал и вовсе невыносим.

Влад плакал кровавыми слезами и, голову даю на отсечение, жалел о том, что я родилась на свет. Мой приход обозначал конец спокойной жизни для всех ребят в школе.

Я мало слышала о его матери, ведь воспитанием сына занимался отец. И если мужчина держит школу спортивной подготовки, то не составляет труда предугадать, куда направятся стопы его чада. Только вот никаких поблажек. Никогда не забуду лица Влада, когда он наконец-то получил свой первый уровень. Я тогда еще посмеялась: «Долго же ты папочку упрашивал», а он посмотрел на меня с такой досадой, и прошептал: «Думаешь, хоть что-то мне досталось просто так?». И если, добившись определенных успехов, они могли жить спокойно, попивая вечерами глинтвейн за философскими трудами Ницше в библиотеке, то теперь время их тренировок увеличится. Особенно в тире. Влад был в ужасе. Он был подслеповат на правый глаз, старательно скрывал это от отца, но сейчас ему грозило разоблачение.

Я видела, что встала между двух огней, вошла в конфликт отца и сына. Я честно хотела уйти... Но Герман уговаривал, и я окончательно согласилась.

* * *

Подъем в пять, пробежка на улице и только в самые морозы — в зале. Каждое утро после этого мы собирались за большим дубовым столом. Чай, кофе, горячие булочки в плетеных корзинках (они так приятно греют руки) и белое-пребелое масло, его привозили на заказ. Затем час на стрельбище, а потом — что там у Германа по графику. Он много развивал нас умственно. Читал лекции

по философии. Это абсурд, но у этого человека диплом философского факультета. Я сначала не верила, но у него самая большая комната в доме была отдана под библиотеку. Сильнее всего он любил Ницше — я однажды прикинула стоимость коллекционных изданий на полках, и сделала вывод, что, даже в случае полного банкротства, года два мы протянем. Хотя эти книги мало кто читал.

В библиотеке стояли широкие диваны и кресла, хотя лучше бы это были деревянные скамьи. Может, тогда ребята не проводили бы обязательный час чтения за праздной болтовней и обсуждением девчонок. Особенно весело было, когда кто-нибудь притаскивал бутылку белого китайского вина и мы распивали ее вместе прямо из горла. Сначала ребята боялись делать это при мне, но в скором времени приняли в свои ряды. И вот уже не прошло и недели, как я вместе с ними в урочный час валяюсь на кресле, закинув ноги на подлокотник и треплюсь на самые животрепещущие темы.

Мне кажется, Герман знал обо всем этом и, хотя и не подавал виду, одобрял. И когда я, спустя много времени, вспоминаю то время в школе, я думаю именно об этих вечерах в библиотеке, потому что тогда я чувствовала себя своей. В кои веки меня принимали просто так, потому что я им нравилась, а не потому, что я оправдываю ожидания.

И все же с первых дней в училище меня жег вопрос: зачем Герман держит нас? Зачем эта суета, зачем столько денег и времени? Сначала мне казалось, что он хотел сделать из нас самых лучших профессионалов — спортсменов, стрелков... Получить деньги или хотя бы заслужить славу самого успешного тренера. Но, мне кажется, все было намного проще. Мы стали семьей. Хорошей, дружной семьей, достойной компанией для его сына. Это лучше, чем расти с кучей братьев и сестер. О чем еще может мечтать мальчишка, как не о полном доме друзей, достойных талантливых единомышленников? О чем еще может мечтать мальчишка, у которого нет матери?

Мы очень много работали. И глядя друг на друга — на успехи и поражения, мы хотели работать еще больше. Все-таки Герман был гениальным учителем, он создал все условия и позволил нам идти самим. Много общения, много мотивации, много знаний... и конечно, бесконечные силовые тренировки, изматывающие, но отнюдь не бесполезные.

Кто-то сказал, что талант заложен в нас природой, а значит, является частью природы. Я думаю, это определение опять же подходит больше для способностей — высокий рост полезен баскетболисту, а округлые формы — танцовщице живота.

Иной раз талант как раз противоположен природе. А потому следовать ему — значит, противостоять своей природной сути. Значит, разрушать себя. На определенном этапе пути к гению мы чувствуем невыносимую боль. Танцовщицы ломают взъём стопы, становясь на мысочки, а гитаристам под ногти до крови впиваются струны.

Лет в одиннадцать, в музыкальной школе, куда меня водила мама, мне сказали, что у меня руки пианистки — тонкие длинные пальцы и узкие запястья...

Потому «Ругер» странно смотрелся в них. Невыносимая боль в предплечьях, и кровотокающие мозоли между большим и указательным пальцем после ежедневных трех часов на стрельбище.

Я знала, что крошу в костяную муку суставы на запястьях и протираю хрящевую ткань в суставах. Я буквально чувствовала это — каждый день... Все сильнее и сильнее. Перед глазами рентгеновский снимок и в памяти голос седого врача: «Вы, милочка, что, ведра с цементом носите?». Я утешала себя, что Микеланджело был совсем слеп, что он терпел невыносимую боль в спине, лежа на перекладине под потолком, когда расписывал изнанку церковного купола...

И в награду мне были постоянные соревнования — кто во что горазд. Поездки, поездки. Я толком ничего не могла, но кто меня будет ждать? Когда надоело проигрывать, начались награды. Рано или поздно входишь во вкус, разгоняешься, и вот уже жить не можешь без побед... И забываешь обо всем на свете. Время меряется не часами и минутами, а грамотами на стене — там в уголке всегда указана дата. Только эти дни и оставались в памяти. А потому время летело очень быстро.

Мне не на что было больше тратить свои силы, и потому я действительно выкладывалась на полную. Но помню, как в самом начале сильнее всего болели голени. Это похоже на то, как если бы мне под кожу сыпанули крошеного стекла. Тренировки не прекращались, и привело это к тому, что однажды резкий укол боли подкосил меня прямо у обеденного стола на глазах у всех. Я еще тогда головой чуть не выбила его массивную ножку.

Никогда не забуду, как Герман, не торопясь, убрал с колен тканевую салфетку, встал и помог мне подняться. Несмотря на мои промахи в спортзале, он был очень ко мне терпим. И это понятно. Потому что на стрельбище я готова была даже спать. Мы с Дмитрием притащили туда одно из кресел, в нем я дремала, когда сил не оставалось вовсе.

Потому что это ни с чем не сравнимое удовольствие — улучшать и улучшать свои результаты, боясь упустить время. И это было единственной отдушиной, в которую я кидалась с головой. Мне казалось, что мои успехи — только что открытый бездонный колодец, и я черпала из него большими кружками, и никак не могла напиться.

* * *

Жаль только, что долго это не продлилось. Герман все-таки оказался нечист на руку. В один прекрасный день нам всем позаламывали руки, прижав к стенке. Из его кабинета вынесли незаконно хранимое коллекционное оружие, которое он якобы выкупил у медвежатников. Безусловно, Герман и скрытен и хитер, но, мне кажется, он просто кому-то насолил. Ненавижу эту страну, где все так легко покупается, где так легко подставить любого, если у тебя достаточно связей и банкнот в кошельке.

Вряд ли я забуду этот зимний день. Я только приехала в город, вбежала в дом, а там — бесцеремонное поведение «властей», побитые вазы, затоптанные ковры... Это место стало моим домом, вот и не сдержалась.

...И вот оно, мое белое норковое манто, залитое кровью. Помню, как все боялась потом отдать его в химчистку, опасалась взглядов, вопросов... Все-таки огромное бурое пятно на рукаве ни с чем не перепутаешь. Пыталась замочить его самостоятельно в ванной, но лишь испортила шубку.

И, обнимая мокрый мех забинтованной рукой, сидя на залитом розовой водой полу, я думала о том, что земля опять уходит из-под ног. Германа посадили на год, от нас отстали, побоялись скандала из-за травмы молодой спортсменки. Влад носился по адвокатским конторам, хлопотал об апелляции, а нам всем некуда было идти. Никто не работал, все произошедшее застало нас врасплох.

Но у нас остался дом, а я знала, что хорошо умею только одно. Стрелять метко. Я знала также, где это высоко ценится. Поначалу своих мыслей испугалась, но потом подумала, что у нас есть все задатки. Элитная охранная фирма. Помню, как кольнуло сердце, и помню шальную мысль: «О, Боже, я стану конкурентом своему отцу...». Голова закружилась, я посчитала людей. Одиннадцать. Со мной двенадцать. Улыбнулась. Все получится. Легко и без усилий. Нас все знают, у нас есть имя. У Влада — все остальное, благодаря папе, конечно: бухгалтер, машины, все необходимые документы. Но главное — имя. Запачканное из-за последних событий, но всем известное. Для кого-то это пятно даже, напротив, стало знаком качества. Бесконечные соревнования не только зародили в нас волю к победам, но и прославили. Люди доверяют самым лучшим, хотя держат таких, как мы, поближе к себе.

Какая ирония судьбы, ведь секрет успеха — элементарная безнадёга. Но это не мешает действовать.

Саша притащил в дом двух своих доберманов и Кранта — любимого питбуля. Влад без возражений заказал у знакомого слесаря псарню. Наш кинолог одобрение принял и в тот же день привел из какого-то приюта еще трех породистых кобелей. Что поделаешь, лучше всего ему удавалось тренировать собак, и мы знали, куда направить его умения.

Дима, как самый старший, оформлял бумаги. Каждый нашел себе занятие. Олег долго ломался, порывался уйти, хотя, чуть позже, взглянул на ситуацию иначе.

— Что ж, если все выйдет толково... мой отец будет просить у меня в долг. Это же просто здорово! Я согласен!

Когда бумаги были оформлены и мы приступили, Влад будто заново родился. И для самого себя, и для папиного окружения. Теперь его уже не воспринимали как забавного пекинеса на поводке. Теперь на него смотрели с уважением, с каким смотрят на достойных преемников. К нему поступали предложения и тут и там: «Влад, поведись с нашими проверенными банкирами», «Влад, дочке нашего шефа нужна защита, к ней пристаёт какой-то полоумный».

В общем, наш непризнанный ранее блондин был наконец-то счастлив. Безусловно, думаю, он понимал, что без папы всего бы этого не получил, но, уверена, — в душе молился, чтоб тюремный срок длился подольше, пока он не наиграется своей новой ролью.

Первый гонорар оправдал наши ожидания, и мы решили продолжить.

Когда Влад, спустя девять месяцев, наконец-то утряс дела в суде и Герман вернулся домой, мы были уже одними из лучших. И дело того стоило, Герман смотрел на своего сына с восхищением. Он долго хлопал Влада по плечу: «Сынок, да ты намного способнее, чем я думал».

Я никогда не видела Влада счастливее, чем в тот день. Никакого самодовольства, он просто наконец-то получил то, что принадлежало ему по праву.

И, Боже мой, я завидовала ему черной завистью.

* * *

Проходит еще полгода. Дни текут все монотонней. Когда уже все умеешь и нечему толком больше учиться, работа переходит в рутину.

На календаре обведено красным маркером 13 февраля. Светлый морозный день, воздух хрустящий и свежий от выпавшего утром снега. Умудряюсь сбежать из дома в обед. Все дело в том, что среди дворов на окраине города, в закуске рядом с аркой есть маленький тир. В нем завсегда та и дворовая шпана и те, кто живет неподалеку.

Это мой первый тир, куда я пошла тайком от всех после моего самого первого дня на стрельбище. Мой самый первый тир, до которого я добиралась пешком, дворами, со страхом и предвкушением. С носа то и дело сваливались темные очки, а я все шла, полная решимости прояснить самый важный вопрос в своей жизни.

Я открываю дверь, звенит колокольчик. Хозяин тира — все тот же усатый полный мужичок — полирует ствол воздушки. Немецкая красавица от «Хеклер и Кох», да, я ее помню. Одна из моих любимых. Эта крохотная каморка никогда не ремонтировалась, но все в ней аккуратно, по своим местам, все начищено до блеска, а пистолеты и винтовки лучшие в городе. Мне кажется, хозяин бывший военный — настолько трепетно он относится к оружию, хоть и не боевому, и настолько же равнодушен к обстановке.

Хозяин поднимает глаза и улыбается.

— Все хорошеете, Инна.

Я улыбаюсь в ответ, киваю.

Еще бы. Ему очень льстит мое присутствие. Тут редко появляются женщины в шубах за суммы с пятью нулями. Ему льстит и то, что я, как верная ученица, уже закончив школу тирового оружия, все равно возвращаюсь навестить своего первого учителя.

— Мне десять выстрелов.

— Вы из своего?

— Да.

Достаю из сумки потертый «ИЖ-45» в кобуре из бежевой кожи. Этот антиквариат мне много лет назад подкинул дядя. Он всегда был единственным человеком в семье, который относился ко мне в одинаковой степени с любовью и легкомыслием.

Помню, как после многочисленных вопросов он швырнул передо мной на стол эту старинную воздушку, то, как внутри щелкнула пружина. Увидел мой растерянный взгляд, засмеялся:

— Ему лет восемь. Починишь — балуйся... — он добродушно замахнулся и хлопнул меня по плечу.

Я была в ужасе, но тем же вечером перебрала пистолет. Метод проб и ошибок беспронгрышен. Сколько лет прошло, а он все стреляет, хотя пружину пришлось заменить.

Я улыбаюсь воспоминаниям и целюсь.

И тут скрип двери. Колокольчик. Я замираю. Отчего-то настораживаюсь. Я знаю и помню эти шаги. Я знаю и помню тепло этих рук.

— Инна...

— Как ты меня нашел, Сергей?

— Твои ребята сказали мне...

— Да как они посмели?!

— Я объяснил, что это касается твоего отца.

Я замолчала. Эта фраза снимала все возражения. Действительно, когда дело идет о папе, все умывают руки.

Чуть помедлив, я проговорила:

— Я не планировала этой встречи. Если хочешь говорить, то говори. Я слушаю.

Поднимаю пистолет. Смотреть на мишень, только на мишень, не на эти руки, которыми он таскал меня за шиворот по лесу пару лет назад. Не вспоминать этого унижения и этого промаха.

Перевожу взгляд на хозяина тира. Тот ошалело смотрит на Сергея. Я вижу как ему интересно, чем все обернется. Я знаю, что он будет ловить каждое наше слово. Но я не знаю, какие это будут слова. И мне заранее неловко...

— Твой отец...

Я стреляю.

Попала.

— Твой отец перенес операцию. Ты знаешь?

— Теперь знаю.

Стреляю снова.

— Ты не хочешь его навестить?

— Нет.

— Может быть... уже пора покончить с этим?

— Нет.

— Почему?

— Я сказала, нет! — я рывком разворачиваюсь к нему.

Чувствую, что злоба захватывает меня. Хотя, какая злоба? Чистой воды осознание собственной слабости.

— Он просто не мог переступить через себя и признать, что я лучше и талантливей, чем он думал поначалу. Он не смог этого сделать даже тогда, когда все вокруг признали. — Я с пафосом закидываю руку. — За эти два года у меня было много времени подумать. Я поняла, что он...

Сергей перебивает меня с таким видом, будто я несу полный бред.

— Я думаю, тебе нужно остановиться.

Хозяин стоит и слушает нас, приоткрыв рот. Хотя мне уже все равно. Про себя решаю, что больше здесь не появлюсь. Да уж, вполне в моем духе — сорвав промах, рвать связи.

— Ты с ума сошел? Я ведь только-только чего-то добилась...

— Вы оба слишком гордые, чтоб кто-то пошел на компромисс. Все, чего ты «добилась» — лишь результат желания «достать» отца.

— Д-да как ты смеешь?!

— А что, не так? Умерь свою гордыню и оглянись вокруг. Что ты сделала просто так, без желания отплатить, после того дня, как хлопнула дверь? Перекрасила свою машину в черный цвет? Глупо и скучно... Хотя, жест, безусловно, крашив!

— Неправда! Ты ничего не знаешь! — завизжала я...

И про себя: *«Ты ничего не знаешь о том дне и тех слезах».*

— А что я должен знать? Я помню слова, которые ты сказала, перед тем как уйти: «Ты пожалеешь об этом» — вот что ты ему сказала. И хочешь правду? Он пожалел. Но не потому что ты стала очень уж хороша, и теперь его фирма страдает от нехватки талантливых ребят. А потому, что все равно он любит тебя и ему больно, что тебя нет рядом.

— Он меня любит? — я болезненно усмехаюсь. — Он как раз меня и убедил, что всякую любовь нужно заслужить.

— Да ну?

— Да. Все что делала, я делала ради него...

— Иппа, — он вдруг улыбнулся с такой жалостью и таким презрением, что я замерла от искренности этих чувств, — за то, что ты делала, тебя можно только пожалеть.

Он развернулся на каблуках и вышел, хлопнув дверью.

А я осталась стоять с открытым ртом.

На языке вертелось возражение, но оно было неправдой, и я не дала ему сорваться...

Хозяин молчал, досматривая представление. Поверженная героиня не находит слов. Скоро занавес.

Я опускаю пистолет, достаю из сумки кобур. «Всегда храни стрелковое оружие в кобуре, это первое правило», — так мне в детстве сказал отец, и я верна этой заповеди. Я делаю так всегда, потому что...

И тут это *чувство*. Понимание собственной ошибки резануло как ножом — вся моя крепко-накрепко сшитая правда разъехалась по швам. «*А жест, безусловно, красив*». Меня упрекнули в показухе, и острая фраза вскрыла весь мой самообман.

«Папа... папа... все, что я знаю, я знаю благодаря тебе... все, что я делаю, я делаю ради тебя... я — это то, кем ты меня создал... я всегда буду частью тебя... папа... папа... И идти наперекор тебе, значит не принимать себя саму. Я как собака в зеркальной комнате — продолжаю рычать и лаять, удивляясь, почему против меня вся эта стая так похожих на меня существ».

Это понимание усмиряет гордыню и уже ничто не мешает мне изменить свое решение.

Я так и бросаю кобур и пистолет отдельно.

Обретя понимание, я получаю свободу. Я становлюсь собой и мне уже не нужны никакие правила. Нет больше этого замкнутого круга. Я вылетаю в двери.

Я бегу по снегу к своей машине — все тот же «Ниссан», только перекрашенный, как верно заметил Сергей. Я так и не смогла расстаться со своим японским другом. А ведь причина не в том, что я люблю раритетные тачки, а в том... что это старая папина машина. Я умудрилась тайком перекупить ее у какого-то гонщика. И с тех пор с ней не расстаюсь.

Но, знали бы вы, господа, чего мне стоит признаться в этом.

Повинуясь потребности в признании, любви... повинуясь амбициям, свойственным талантливой девчонке, я забывала быть собой и делать то, что я хочу. Доказывала что-то другим.

— Но сегодня особенный день, — почему-то вслух решаю я. — И все можно исправить, пока никто не умер.

Я смотрю на дату на часах. Сегодня 13 февраля. Сегодня все будет иначе.

Мне двадцать три года. Я поеду навестить отца, я куплю яблок и муки. Я взобью яйца с сахаром, добавлю лимонного сока... Я испеку пирог, я помню, как это делать. Я поддамся воспоминаниям, я распахну на кухне окно, я обниму брата. Пусть гордость больше мною не управляет.

Мне двадцать три года, я много месяцев не вижу цветных снов. Я много месяцев не мечтаю вовсе. Но сегодня я приду и скажу ему: «Папа, я часть тебя, я всегда была и буду такой как ты. Даже когда думала, что иду тебе наперекор, я делала все только ради тебя. За или против — ты все равно неизменно оставался точкой отсчета».

Я забегаю в цветочный магазин, дышу запахом свежих цветов, я чувствую, как горят щеки. Руки не слушаются меня, деньги падают на прилавок, я не считаю их.

— Мне... белые розы с самыми длинными стеблями... букет для мужчины, — тараторю я.

Продавщица разбавляет свое смущение улыбкой.

— Куда вы спешите?

О, да, я очень спешу. Я медлила столько лет, мне нужно торопиться изо всех сил, чтоб хоть как-то наверстать упущенное время. Она передает мне букет из рук в руки — как ребенка. Розы, они такие хрупкие, и я чувствую...

Мне двадцать три года, в моем сердце скатался ком нерастраченной нежности и заботы.

Но моя любовь по-прежнему со мной. Я наберу номер, я скажу правду мягким голосом. И, если уже он женат, я уведу его из семьи.

Даже делая неправильные вещи, я буду делать, то, что хочу...

«Мне ничего не страшно, я капитан отважный самых сухопутных кораблей».

Подъехав к воротам, я ищу в бардачке ключи.

Прости меня, папа. Прости меня...

Хлопаю дверцей, перехватываю длинные колючие стебли. Бегу к дому по садику, запинаюсь за выступающий булыжник в тропинке. Рву колготки, поднимаюсь. Смеюсь. Коленка болит, но ладно, хоть не разодрала до крови. Больше двух лет назад я тоже бежала, сбивая ноги, только не сюда, а отсюда.

Все возвращается на круги своя. Теперь мне уже не больно и мне уже не страшно.

Прости меня, папа, прости, что не пришла раньше...

И подбегая к двери, я уже не могу сдержать слез раскаяния и счастья. Возьму с ключами, знакомые два замка... Сразу за порогом меня окутывает воспоминаниями и запахами — мамины духи в прихожей, плащи и кожаные куртки на вешалках. Словно я и не уходила на эти два долгих года. Атмосфера праздника сразу за порогом. Семейные традиции — вещь неизменная.

Скидываю сапожки — папа не любит, когда я прохожу в дом в обуви, даже в чистой. Улыбаюсь этой привычке, жму на золоченую дверную ручку. Замираю на миг.

Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.

Вдыхаю побольше воздуха, толкаю дверь...

— Папа... с днем рождения, папа!..

Ольга Добрынина

*Студентка 3 курса филологического факультета
(издательское дело и редактирование)*

Родилась я морозным утром конца ноября в Тюмени. Практически всю сознательную жизнь это «в Тюмени» вызывало во мне недоуменный вопрос: «Почему?»... Ни душой, ни норовом я не сибирячка. По натуре я ощущаю себя скорее человеком южным или же восточным. С неторопливым и целостным восприятием времени, с отстраненно-созерцательным взглядом на мир, с гурманским вкусом и безразличием к достижению каких-то целей.

Я человек без определенной профессии, без документально подтвержденного образования, нередко и без работы. Мои неоднократные попытки строить дом, растить сына и сажать деревья потерпели полное фиаско. Поэтому не стараюсь боле укорениться в какой-либо социальной нише. Имею странное свойство бесследно исчезать из любой чужой памяти. Считаю главной созданной ценностью своей беспутной жизни рисунки и стихи. Некоторые написанные стихотворения крепко помогают мне сохранять самоуважение, невзирая ни на какие дрязги неустроенного внешнего бытия.

ЧЕГО-ТО ТАМ

Сменившись после суточного дежурства, я стою на склизкой обочине, выглядывая маршрутку в сизых полосах смога. На другой стороне в лесу бодрятся два пацана. Они снова и снова, как заведенные, бросают палкой в березу. Странная игра! То вместе, то поочередно подкидывают свои палки вверх, и палки летают и падают. Р-раз — отвесно. Р-раз — по дуге. Парнишки подходят, чтобы поднять палку и тут же бросить снова: не слишком спешат, но и не останавливаются. Переходят с места на место, стараясь, однако, угодить палкой в одну и ту же березу. Двигаются они уже приличное время, молчаливо и бесперестанно, как фигурки в кукольных часах.

Я наконец понимаю, что кидаются они не бесцельно, а пытаются достать чего-то там. Что-то, не видимое совершенно для моих слабых глаз, застряло в голых узловатых ветвях березы, и вот они никак не могут попасть и сбить это себе под ноги. Палка кувыркается в воздухе. Траектория ее замысловата и полет неуверен. Что же там у них? Клетчатый бумажный самолетик, черный парашютист, моделька, сорочье перо, звезда?

Неуемные дети с непостижимой для нас энергией и настойчивостью ходят вслед за упавшей палкой, нагибаются и потом подкидывают ее снова и снова. С глазомером у обоих не ахти, но угрожающая монотонность их движений сразу напоминает мне о беспомощности любого камня перед настырностью капли.

Видимо я не застаю хэппи-энда. Стоять на сквозном ветру холодно, так что уже начинаю подумывать о дороге кругом, об автобусе. Впрочем, подруливает маршрутка и я — единственный наблюдатель — уезжаю, не дождавшись развязки сюжета. В маршрутке водитель греет салон выхлопами. Меня мутит от вонии и укачивает на дорожных колдобинах.

Привалившись лбом к холодному замызганному стеклу, я еду домой и думаю: не помешала бы взрослая усталость моим нескончаемым попыткам ухватить и добыть мое желанное, ненастигаемое, всегда ускользающее Чего-то Там.

ИГРАЮЩИЙ В КАБАКЕ

С коро год, как мне помогли устроиться флейтистом в небольшой и умеренно дорогой ресторан на одной из окраин. Главный зал в нем оформлен под старину. Пол на возвышении для музыкантов инкрустирован темными и светлыми брусками дерева: орнамент напоминает стилизованные розы. Светильники имитируют канделябры, свет их мягок и притягателен. Мне даже мерещится, что звуки флейты сосредотачиваются ореолом вокруг этих матовых ламп. В паузах я слышу шорох и шепот паука, живущего на лепном потолке.

Моя музыка — странный сердитый и нежный цветок, вырастающий в моих грубых руках, которые весь день обходились без нее. Они поворачивали дверные ручки, бросали монетку в немой автомат, наливали виски в широкий стакан, застегивали ширинку, крутили пальцем у виска, машинально постукивали по переплету окна на семнадцатом этаже. Я — играющий в кабаке. Я остро чувствую, сколь несправедна и банальна расхожая антитеза, когда берут символическую фигуру Музыканта и противопоставляют ее Толпе. Толпы нет. Как нет и парящего над своим жалким возвышением гения. Есть множество совершенно одинаково простых людей.

Просто сегодняшним вечером кто-то из них построил стену иллюзии для своей подружки и для части своей души. А другой кто-то поднес к губам серебряную флейту и вот развешивает звуки грусти и неги в пространстве меж стенами и полумраком высокого потолка. А своенравная шелестящая бумага движется расчисленными непреложными кругами из одних мужских рук в другие мужские руки: мы живем своей жизнью, купюры — нередко кажется мне — своей. Лишь женская улыбка и птичка груди в вырезе темно-синего платья ограждены от достоинства денег достоинством беззащитности. Так принято в ресторанах: женщина там — все равно что витая свеча в центре стола, женщина, подобно букету в вазоне, осознает свою уязвимую ценность и знает свое место.

Да, я стою выше приходящих сюда людей. Я закрываю и открываю отверстия флейты, дую сильно и правильно, так что под элегантно рабочей одеждой мои ребра вздымаются и опадают. Я работаю, я живу, как они: я и есть «они». Сыграю один шлягер, другой. Вспомню нетрудную эффектную пьесу. Это мое дело — играть всю ночь, долго отсыпаться утром, вечерами тратить свои честные деньги, приходя — одним из толпы — к приходящим ко мне.

Я благодарен своим рукам и губам, и слуху. Их посредством музыка не боится проявляться в мир. Я слышу ее приближение уже тогда, когда первые пары у истока ночи начинают собираться здесь, рассаживаются, отодвигая стулья, с очень уж видимой уверенностью смотрят по сторонам — обживают свой ве-

чер вместе, этот вечер, непохожий на повседневные. И я чувствую время, когда пора начинать. Я достаю флейту и играю спокойно и верно. Я умело делаю два мира из одного, но никогда не считаю себя ни богом, ни божьим избранником. Я не обладатель Дара. Я — мужчина, который не окончательно вырос из мальчика, долго учившегося играть на флейте для других мальчиков, играющих в другие игры.

Я слышу мою музыку, лелею ее в губах и ладонях. И еще я слышу изошренным натренированным слухом шум уличного движения за окном и звяканье вилок о край тарелки и возбужденные голоса в курилке за перегородками. Я привычно скольжу взглядом по удачной отделке зала. Иногда задерживаюсь глазами на лицах женщин, хотя этого делать не стоит. Порой я стараюсь для них, но чаще — для самого себя. Я люблю и жалею эту хрупкую музыку, но ничуть не больше, чем всех, кто сейчас ей внимает. Очарование и нелепость всего — всего созданного — в нашей одной общей участи умирать.

CANIS MAJOR *

громный черный пес дремал у стены, в полукруглом бетонном закутке. Свернувшись так, чтобы занимать минимум пространства, он все равно смотрелся очень внушительно.

Шум и резкие звуки, шорохи, гул механизмов и живых существ — людей — сквозь полусон сливались в один полифонический ритмичный рокот, прокатывающийся по крови, пульсирующий в черных горячих подушечках лап и в Ухе. Никто не знает наверняка, сколько и каких органов чувств есть вообще. Те, которые люди, (некоторые из них), говорят о «третьем Глазе». Ну а что у пса этого было третье Ухо, это совершенно точно, хотя никакой наукой и недоказуемо. Он дремал на полу у стены, прикрыв глаза, — какого цвета, хотел бы он знать? — и чуть набок уместив тяжкую мохнатую голову с лежащими ушами. Ухо же незримо и остро, домиком, только что не шпилем, возвышалось над ним и слышало больше, чем псу положено бы.

Он не жил нигде, а уж лечь дремать можно почти повсюду — Вы согласны?

* Созвездие Большого Пса (лат.)

Глаза неизвестного ему цвета видели многие кусочки пространства, и сильные лапы пробовали их на вкус. Мир вокруг был богат пространством. Хотя большой пес, возможно, предпочел бы испробовать времени.

Теперь он дремал в зале ожидания большого аэропорта. Дремал он не от усталости и не ждал кого-нибудь. Люди его почти не задевали из-за огромного вида, разве что дети пытались иногда подойти. Но — аксиома — детей без папы с мамой в аэропорту быть просто не может. А мамы-папы большого и непонятного всего привыкли бояться, ну, опасаться — по опыту и здравому смыслу. Да и он никогда не подойдет к людям сам. Разве что редко, несколько раз всего.

Иногда и у людей бывают глаза — они не знают сами этого цвета. К таким он приближается, но хвостом вилять не умеет. Пес никогда не подходит к ларькам и буфету, но зато порой стоит подолгу у выхода на автостоянку — выпрямив шею, упруго, как мощное изваяние. Из рейса на служебку проходят пилоты, и пес внюхивается в завихрения летучих запахов, отличающихся от запахов других человеческих существ.

Он не живет нигде, а бывает почти повсюду. Это не бродячий пес, а вопросы — где прошло его безмятежное или там мятежное щенячье детство — нелепы и неприменимы. Он знает то, что есть сейчас. Может быть, он слушает то, что есть всегда. Он любит осторожно поймать мохнатой лапой полевую мышь, жабу, сверчка. Во время такой охоты он стремителен и яр, но бережен. Он ловит не для еды и не для убийства. Не спрашивайте про еду. Применительно к нему это столь же нетактично, как спросить хозяина изысканного раута, не мучают ли его запоры. Просто еда и остальное живут сами по себе, он — сам по себе.

В него бросали камни и, было, он крепко кусал тех, кто того заслуживал. Но это не есть «сюжет».

Переводя его чувства на блеклый язык людей (порой травы и птицы куда более выразительны), можно было бы сказать, что он любил летчиков. Но это было бы натяжкой, ведь и летчики — всего лишь люди.

Его Ухо подрагивало, слушая рев и свист взлетающих и садящихся самолетов, но и самолеты были не-собаками. Им доступно более лакомое пространство, но он и не грезил о том, чтобы быть *canis volatilis* — собакой летающей.

В этот раз был один из редких случаев, когда он, услышав близкие шаги, не стал вскакивать и вообще что-то делать. Лишь слышал Ухом — как соло в большой симфонии улетающих самолетов — к нему подошел человек в мареве дымного и табачного и мерцающего нюансами запаха, присел возле и положил обе руки на волнистую густую шерсть.

Пес сперва не стал открывать глаза, лишь приподнял уши, а мужчина говорил низким негромким голосом: «Дарки. Дарк, звер ты такой великий. У, звер ты такой». И руки его тоже говорили с псом, и это было так, словно голос мужчины — черно-красные уголья, а пальцы и ладони — волны жара от них. Не надо только настраиваться на хеппи-энд.

Худой человек лет тридцати пяти никогда не был и не будет хозяином того пса. Это были полчаса перед его отлетом, сумка была приброшена тут же, и не было при нем никакой «романтической» гитары. До объявления его рейса они просто сидели рядом. Мужичок сказал еще псу: «Ух и глаза у тебя, дружище», и все водил сильной рукой по спине, бокам, запутываясь в черной беспросветной шерсти. И пес, который ни до, ни после не был Дарком, положил свою лапу — почти одинаковую по размеру — ему на бедро, ткнулся головой в бок и дышал его запахом, непохожим даже на запах пилотов, не запахом высокого пространства, а впервые и однажды — запахом времени.

Когда человек ушел, пес тоже вышел наружу, не на летное поле, конечно, а мимо автостоянки, по обочине сырой дороги, потом лесами и улицами — куда-то дальше. В следующий раз он спал на открытой террасе какого-то кинотеатра, и ему снилось, что он — рыжая и свирепая таежная рысь. С высокими кисточками на ушах.

Что же касается упомянутого человека, то очень заманчиво сказать, что он вскоре погиб, чуть ли не в этот же раз. Но для этого пришлось бы ронять целый самолет, который красив и дорог сам по себе, да к тому же рассчитан на сто шестьдесят семь человеческих судеб в каждую сторону. Да и не было этого. Он когда-то тихо загнется, лет в семьдесят восемь, от старческих болячек и своего курения — скажут врачи и соседи. А на самом деле — просто от жизни.

Большой пес, не курящий отроду, но ходящий по общемировому пространству, где люди щедро делятся со всеми дымами и ядами, проживет долго для такой крупной собаки и подойдет еще нескоро.

А сны про рыжую рысь они отчего-то изредка видели оба, не связывая их со своей короткой встречей, друг друга не помня напрочь.

Что такое полчаса в порту?

ПУХ

Когда цветет городской тополь, редко кто не ворчит на пух. Он повсюду лежит и летает. А это так красиво, так радует мне сердечко.

Через площадь тихо дрейфуют по ветру клочья тополиного пуха. Когда пушинка пролетает низко над тротуаром, по асфальту ползет ее тень, похожая на большого вальжного жука, пересекающего мою дорогу.

Если поймать пух и сжать в горсти, то рукой совершенно ничего не почувствуешь. Лишь скатав его в чутких подушечках пальцев, ощущаешь нежное-нежное нечто, словно тонкий слой легкого крема меж ними.

В роще вдоль тропинок высоко стоят колосающиеся травинки. Пух нацеплялся на них и колышется, как старинные султаны.

Как всегда, по дворам хулиганят мальчишки. Спички детям не игрушка — поджигают пух зажигалками-поджигалками. Пламя ползет лениво по шевелящемуся ковру, пока не выгорит все или не доберется до лужи. Егор говорил мне, что видел, как огонь шел по земле все ближе и ближе к газораздаточным колонкам. Мальчишки сразу же разбежались, «да и я на всякий случай шаги ускорил».

Когда мы с Егором гуляем по улицам, оба ловим летящие пушинки. Один раз он пытался ловить их в пивной пластиковый стакан, но пушинки в стакан лететь не хотели, уворачивались у самой кромки. Я шла рядом и нацепляла на свою черную юбку пуха втрое больше.

Еще такой эпизод забавный. В одном из дворов впереди меня идет немолодая уже пара. Внезапно мужчина наклоняется и щелкает зажигалкой над пухом. «Что ты делаешь! Как мальчишка!..» — укоряет мужчину спутница. Но он солидно отвечает ей: «Так надо делать! Его надо сжигать. Если бы все так делали, наш город давно бы уже...» — «Сгорел дотла», — смеясь, перебивает женщина.

Пошел дождь. Я вышла на порог — дышать и смотреть. Пушинки еще летали между редкими росчерками дождя. Вдруг прямо на голову стали срывать с карниза большие пуховые шапки, как снег, мягко и сильно разлетаться, ударившись оземь. И тут же на них лил дождь, пробивая темные ямки, оставляя на клочьях пуха крупные капли воды.

... Ближе к середине июня цветоносы на тополях начинают отсыхать и падают на асфальт, ломкие и шуршащие. Я порой по рассеянности положу такую веточку в книгу, а потом обнаруживаю ее посреди зимы, совершенно случайно.

Я не знаю, цветут ли наши тополя в Японии. А то любованье летящим пухом могло бы быть еще одной красивой национальной традицией. В России она приживется вряд ли...

В эти дни, когда повсюду в воздухе пух парил и поднимался к небу, умерла Акулина Михайловна, немножко не дожив до своего девяносто первого дня рождения. Когда, по обычаю, говорили: «Земля ей пухом», я вдруг поняла, что это действительно так. Вся земля была пухом покрыта.

Лилия Герц

Студентка 2 курса филологического факультета
(русский язык и литература)

Любовь к чтению появилась у меня благодаря моей маме. Когда я была маленькой, она читала мне сказки. Позднее, научившись читать сама, я уже не смогла оторваться от книг. Я уверена, писатель — самая замечательная профессия, потому что только он может создавать свои миры.

ПОЛУСКАЗКА

А самом деле мы легко можем обходиться без сна. Это первобытные люди изобрели сон, потому что ночью им было темно и скучно... или страшно... Ведь тогда не было электричества, вот они и придумали ночью ложиться спать, чтобы скорее настало утро...

— ...и солнце разогнало тьму, — прибавил Вениамин, задумчиво глядя в ночное розовое небо, тихо плывущее над городом бесконечным слоем пушистых облаков.

— Ну да, — нетерпеливо продолжал Костя, — а когда они научились добывать огонь и ночь могли сделать светлой, как день, то уже не смогли не спать по ночам, потому что привыкли. А от привычки сам знаешь, как сложно избавиться...

Вениамин посмотрел на младшего брата. В блестящих Костиных глазах плыла сахарная вата ночного неба. А еще там прыгали веселые чертенята.

— Да ты мыслитель, батенька! — расхохотался Вениамин. — Чего ты мне про первобытных людей втираешь! Так и скажи, что спать не хочешь...

— И ничего я не втираю, — обиделся Костя. — Если бы все узнали про мое открытие, тогда бы знаешь, сколько полезного люди изобретали! И никто бы не жаловался, что времени не хватает...

— Сказать можно все, что угодно, а ты попробуй хотя бы трое суток не спать, и полетит твоя теория про бесполезность сна вверх тормашками...

Они сидели под балконом, под мягким светом розового неба. Было уже за полночь, во дворе дремал добрый лохматый Шарик да неслышно бродил возле него кот Тимофей: наверное, выбирал место поудобнее.

— Ну и упрямый же ты, Венька... Тебя не переспоришь... Только я все равно спать не хочу. Вот хоть ты тресни!

— Тресни, не тресни, а мама велела уложить тебя спать не позже десяти, чудо ты лупоглазое...

— Но мама на даче, она не узнает, что я не спал, — хитро прищурился Костя.

— Вот я тебе сейчас уши надеру, Мармулет бессовестный! — улыбнулся Вениамин.

— Кто-о?

— Маар-му-лет. Это такой хитрый полосатый зверек с длинными разноцветными усами и пушистым хвостом. У него умные зеленые глаза, а по праздникам он надевает галстук-бабочку, — проговорил Вениамин, поглядев на Тимофея, который уже спал, примостившись рядом с Шариком.

— Неужели? — заулыбался Костя. — И где живет твой полосатый Мармелет?

— Он живет в доме из гигантской тыквы вместе с Ученым Ежом и Радужным Слононком. Иногда к ним в гости заходит Веселый Пингвин, и тогда они все вместе пьют чай или играют в прятки...

— Подожди... Они живут в тыкве?

— Ну да. Ах, я же тебя не предупредил: они живут в Макаронии, а в этой стране строить дома из тыкв считается самым обычным делом. Тем более, король Макаронии, Большой Мыш, вообще живет в ананасе...

— Ух ты...

— Да, Макарония — необычная страна. Например, небо там сделано из зеркала, в нем отражается все, что происходит на земле. Это очень удобно — жители Макаронии могут видеть далеко вокруг... Кроме того, по зеркальному небу плавают два солнца: горячее красное и холодное синее. Поэтому в Макаронии не бывает слишком жарко или холодно, погода там всегда теплая и ясная. На ночь оба солнца садятся в Малиновое море, чтобы отдохнуть и выспаться. А на берегу Малинового моря растут пальмы с фиолетовыми апельсинами и яблоками в шахматную клеточку...

Тут Вениамином замолчал и взглянул на Костю. Тот спал, уронив голову на подоконник. Розовое небо, подсвеченное сухими солнечными лучами, медленно тускнело...

Дарья Нечай

Студентка 2 курса филологического факультета
(русский язык и литература)

Первое мое произведение — сказку «Лук и капуста» — я создала в пять лет. С тех пор прошло немало времени, но я продолжаю писать и по сей день. Для чего я пишу? Я пишу, чтобы с помощью творчества открывать окна в другие миры, которые, возможно, когда-то и существовали, а может, просто мне пригрезились. Я пишу, чтобы видеть людей с непростыми судьбами, чей жизненный путь постепенно вырисовывается у меня перед глазами. Я пишу просто потому, что живу этим и для меня это самое главное в жизни, наравне с музыкой, которой я занимаюсь уже четырнадцать лет. Она вдохновляет и возвышает меня, особенно медленная, печальная и трагичная. Когда я творю, в голове всегда звучит музыка: она едина с процессом создания произведений.

Литература для меня — иная Вселенная, где не все подвластно автору, но его представления о жизни неуловимо проскальзывают между строчек. В мире столько грязи, насилия и зла, но я не верю в их всепоглощающую силу. Я убеждена, что светлое, прекрасное и чистое намного сильнее и должно побеждать. Я верю в любовь. Именно она — третий элемент мироздания, находящийся между добром и злом, залог равновесия, гармонии и красоты на Земле.

Любовь нельзя обмануть, любовь не может пройти, от любви невозможно убежать. Если любовь исчезает — значит, она была ненастоящей. Любовь — мой главный стимул в творческом процессе, в каком бы жанре я ни писала.

Omnia vincit amor! Любовь побеждает все!

ПУСТЫШКА

Рассказ

Гений и злодейство —
Две вещи несовместные.

А. С. Пушкин
Моцарт и Сальери

С тоял ясный зимний день. В центре города, как всегда, царила суета: люди, спешащие по своим делам, машины, то движущиеся в бесконечном потоке, то озверело бибикающие с конца километровых пробок. Свежий морозный воздух наполнял легкие Насти, когда она, чуть ли не подпрыгивая, бежала по главной улице. Достигнув маленького кафе «Пирожное», девушка резко затормозила и едва не свалилась на обледенелый тротуар, но, ухватившись за ручку, сумела удержать равновесие.

Зайдя внутрь, Настя начала лихорадочно обшаривать взглядом зал. Наконец она разглядела в дальнем углу знакомый силуэт и расплылась в счастливой улыбке. Костя все-таки пришел.

«Пирожное» ничем не отличалось от таких же небольших уютных кафешек. Единственным, зато весьма солидным преимуществом являлось его расположение — в двух шагах от главных корпусов государственного университета. По этой причине кафе было давным-давно облюбовано студентами.

Здесь периодически происходили знакомства людей с совершенно разных отделений. Например, Настя Кузнецова, первокурсница физико-математического факультета, однажды повстречала здесь Костю Нежданова, красивого и гордого филолога... Он сидел за столиком в одиночестве, она же ожидала подружку, которую Провидение (в лице злобной преподавательницы) задержало на сдаче зачета.

Каждый из них, казалось, был сосредоточен на еде, но время от времени взгляды Насти и Кости пересекались... А затем Костя вдруг встал, подошел к ней и проникновенно сказал:

— Девушка, а вы знаете, что сегодня день рождения Лермонтова?

Она была настолько ошеломлена, что выдала:

— Э-э-э... очень рада. А на каком факультете он учится?

Состояние, в которое впал Костя, являлось настоящей истерикой. Он хохотал так, что все сидящие в кафе обернулись на них. Одни крутили пальцем у виска, другие тоже стали хихикать. И тут до Насти дошло, что она ляпнула. Девушке как будто прострелило живот, она повалилась на стол, визжа от смеха в унисон Косте. Так они, как двое одержимых, и хохотали, пока окончательно не обессилели. Настя взглянула на часы и спохватилась: лекция началась пять минут назад. Они вскочили, торопливо вскидывая сумки на плечи, и неуверенно поглядели друг на друга.

— Как тебя зовут? — спросил парень.

— Настя. А тебя?

— Костя.

Оба улыбнулись такому созвучию имен и понеслись на занятия. На перекрестке, где их пути расходились, Костя быстро проговорил:

— Каждый день ходишь в «Пирожное»?

— Да, почти, — с замиранием ответила Настя.

— Я тоже, обычно после второй пары, — многозначительно произнес Костя.

Настя расцвела.

— Может, еще увидимся, — с надеждой промолвила она и отчалила.

Стоит ли говорить, что на следующий день после второй пары и Костя, и Настя были в кафе «Пирожное» как штык?

С тех пор все завертелось в бешеном ритме. Сперва ребята были раздосадованы тем, что учатся столь разным специальностям, но потом вспомнили старую истину: противоположности притягиваются. Вернее, ее озвучил Костя, а Настя согласно кивнула, взирая на него восторженными глазами. У нее на физмате было полно парней, но такого тонкого, культурного молодого человека Настя Кузнецова встретила впервые.

Подружки-однокурсницы недоумевали, о чем можно разговаривать с гуманитарием, однако Настя являлась технарем лишь процентов на шестьдесят. Она очень любила читать. Среди «высокой» литературы было немало ее любимых произведений, но больше всего романтическая девушка любила истории о любви. Нет, не банальные любовные романы, речь идет о классике: Джейн Остин, Шарлотта Бронте, Маргарет Митчелл, Колин Маккалоу...

Костя безумно интересовал ее. Когда они начали встречаться, Настя только и делала, что выспрашивала будущего филолога, какие темы они сейчас проходят. Костя охотно рассказывал и приносил ей книги, которые она глотала в бешеном темпе. А вот ее специальность они никогда не обсуждали. Но девушке это ни капли не смущало: Костя гуманитарий, ему разрешается не любить точные науки.

Узнав, что парень пробует себя в роли писателя, Настя пришла в полный восторг. Она охотно прочла его работы. Правда, половины не поняла, но Косте же виднее, он-то все знает о настоящей литературе!

— Массовая литература — синоним Вселенского Зла, — важно заявлял Нежданов. — Ее надо запрещать печатать!

Настя согласно кивала, глядя на него влюбленными глазами. Конечно, зло! Она тоже не любит — как там Костя говорит — клиши... клише... ну, в общем, однообразные, предсказуемые вещи! Ее любимые книги с этим рядом не валялись, как и «Гарри Поттер», уютно устроившийся на полке возле произведений Джона Толкиена.

И Насте тоже захотелось что-нибудь написать. Небольшой опыт у нее был: в детстве она сочинила несколько сказок, вполне одобренных родителями. Идеа

родилась мгновенно: конечно же, чувства! Засев на несколько вечеров за компьютер, Настя создала прекрасную историю о великой любви. Не какую-то пустую, а со страстями, кульминацией и счастливой развязкой — все, как положено. Разумеется, первым оценить новорожденное дитя предназначалось Косте. Парень был заинтригован и обещал немедленно прочитать, предупредив, однако, что следующий день расписан по секундам и вряд ли он вырвется в кафе в перерыв, хотя *очень* постарается.

И сейчас Настя оказалась на седьмом небе от счастья. Ведь Костя все-таки пришел.

— Привет! — Настя подлетела к столику и с ходу поцеловала Костю.

— Привет, — сухо кивнул Костя, слегка отстранив ее и указав на стул. Настя послушно села, не понимая, отчего он такой хмурый. Но вспомнила о трудном дне парня и тут же расслабилась — ничего страшного, человек просто устал.

— Ну, как, Костик? — сгорая от нетерпения, спросила Настя. — Ты прочитал?

— Что именно? — уточнил Костя, не глядя на нее.

— Мой рассказ! Я ж тебе вчера его дала, помнишь?

— Ах, да... Если *это* называется рассказом, то да, я прочел.

Он скрестил руки на груди и стал рассматривать на стене мозаику с изображением Венеры Милосской.

— Ну и?.. — напомнила о себе Настя, когда пауза затянулась до неприличия.

— Я предпочел бы это не обсуждать.

— Но почему? — недоуменно спросила Настя. — Мы говорили обо всех твоих работах, разве нет?

— Это большая разница.

— И в чем она?

— В том, что я не пишу массовой литературы, — сказал Костя и наконец взглянул ей прямо в глаза. Настя отшатнулась: во взгляде Кости было отвращение.

— Массовой литературы? — тонким голосом переспросила она. — Ты хочешь сказать, что я...

— Вот именно, — подтвердил Костя. — Я дал тебе столько стоящих книг, а ты, — на его лице появилась гримаса, — ты написала бульварный розовый роман!

Настя вытаращила глаза. Разве ее рассказ такой? В нем что, описание обжиманий и поцелуев? Она написала историю о двух людях и самых разных сторонах их жизни, в которые, естественно, входит любовь. Но в смысле идеальном, как сказал бы Тургенев, а никак не в физическом понимании!

— Я тебя не понимаю, — покачав головой, продолжил Костя. — Ты знаешь меня четыре месяца. Практически с первого дня я твержу, что ненавижу бульварную литературу. Это так сложно запомнить?

— Мой рассказ не бульварный, — тихо произнесла Настя. — Ты, наверное, просто не читал книгу, о которых говоришь. Там все по-другому...

— Спасибо, уже ознакомился! — бросил ей в лицо Костя. — Когда я только узнал тебя, мне сразу не понравилась твоя склонность к мягким сердечкам и плюшевым медведям, но особенно я не насторожился. В конце концов, все девушки любят эту чушь. Но я и представить не мог, насколько ты погрязла в своем девичьем мире! Пора снять розовые очки, дорогая!

Настя, сжавшись, слушала Костю, который распался все больше.

— Великая любовь! — издевался он. — Дешевый пафос — вот что такое ваша «нежная» литература! Сплошная банальность и неискренность, розовые сопли! Может, какая-нибудь продавщица, утирая глаза фартуком, и станет это читать — как раз для серой массы...

— Серая масса — это большинство населения Земли, и я в том числе, — уточнила Настя. — По-твоему, все люди — стадо баранов?

Парень посмотрел на нее с изумлением. До сегодняшнего дня Настя ни разу не язвила, тем более в адрес Кости, и он был убежден, что девушка вообще не способна ответить на какие-либо нападки.

— Очень милое сравнение, — холодно сказал Нежданов. — Но, судя по твоей работе, баранами всех считаешь ты, а не я. Раз ты всерьез думаешь, что кто-то будет восторгаться этой вторичной и набившей оскомину темой, значит, надеешься, что есть люди, вообще ничего достойного не читавшие. Нет, никогда не смогу понять авторов, пишущих вульгарную попу. Пожалуйста, подумай об этом. А мне пора...

Он направился к выходу, не обернувшись.

Настя пришла в институт в крайне неуравновешенном состоянии: то она кипела от злости, вспоминая гадости, которые ей наговорил Костя, то просто впадала в ступор. С этим человеком она была вместе четыре месяца, любила его и верила во взаимность! И, когда она раскрыла душу в рассказе, Костя залез туда в грязных сапогах и старательно потоптался. Неужели он не почувствовал, что Настя говорила о любви, основываясь на собственных эмоциях? «Великая любовь — дешевый пафос!» А ее личные чувства? Они что, тоже дешевые и неискренние?

Подруги бросились к ней с расспросами, но Настя молча протянула им свой рассказ и отвернулась. Она не представляла, что можно об этом сказать.

«Мой любимый высмеял меня за то, что я написала про любовь»? Нелепость...

Настя сидела на лекции, мучительно пытаясь проанализировать поведение Кости, в то время как однокурсницы поглощали ее произведение. В перерыве подруги заявили, что рассказ «классный», и жаль, что такую любовь сейчас редко встретишь. Но как они ни пытались Настю, каких наводящих вопросов ни задавали, девушка так и не призналась ни в чем — обсуждать Костю она была не в состоянии. Наконец однокурсницы догадались, что Нежданов осудил рассказ, и это их возмутило. Они дали почитать произведение своим приятелям в группе, те передавали заинтересованным соседям по ряду...

В итоге к концу дня вся группа успела прочесть рассказ Насти, который всем очень понравился, даже парням.

— Тебе определенно стоит писать дальше, — одобрительно кивнул их местный отличник, кладя рассказ на ее парту. Настя рассеянно посмотрела ему вслед, а в мыслях промелькнуло, что он почему-то совсем не похож на рыдающую продавщицу. И хотя бальзам на душевные раны Насти не был пролит, однако покалеченные места будто прикрыла кольчуга.

«Надо сказать Косте», — решила девушка. Пусть он знает, как другие люди оценили ее творчество.

Лекции закончились, студенты косяком потянулись из университета. Настя вышагивала твердо, полная намерения расставить все по местам. Она знала, что сегодня Костя с ребятами собирались допоздна готовиться к коллоквиуму прямо в университете. Ждать до завтра было невозможно. Настя надеялась, что удастся урвать хотя бы минут двадцать для разговора.

Придя в гуманитарный корпус, девушка отправилась искать Костю. Она зашла на второй этаж, где располагался филологический факультет, и собиралась было набрать номер Кости, чтоб вызвать его в коридор, как вдруг услышала громкий смех.

Подойдя к кабинету с приоткрытой дверью, Настя аккуратно заглянула внутрь. На ближайшем к кафедре столе спиной к двери сидел Костя, неподалеку от него — незнакомый парень, склонившийся над партой, а между рядами неторопливо расхаживала крупная девица. Она развернулась, и Настя увидела ее самодовольное лицо. Руки непроизвольно сжались в кулаки. Эля Ульянова! Хищная стерва, которая, познакомившись с Настей, тут же начала расхваливать Костю и виснуть на нем, время от времени бросая на девушку торжествующие взгляды. Костя потом досадливо отмахнулся от возмущенной Насти: «Ерунда! Мы все друзья!»

Девушка уже почти толкнула дверь, но тут незнакомец произнес:

— Да, с восторженным описанием чувств твоя Настя явно перехлестнула!

Настя не сразу сообразила, о чем идет речь, но открывать дверь передумала. Спрятавшись за косяк, девушка наострила уши.

— Только с этим, что ли, Саш? Ты на название посмотри! — гадко ухмыльнулась Эля. — «Во власти грез!» Да, бабушки и домохозяйки могут спать спокойно, пока такие Насти Кузнецовы живут на свете. Я в жизни не видела столь примитивного чтива, а ты, Кость?

— Да я его и не читал толком, — раздраженно бросил Костя. — Несколько фраз в начале и конце вполне хватило, чтоб понять, с чем имею дело!

— Отвратно! Не могу поверить, что это написала *твоя* девушка! Такая безвкусица!

Настя не видела выражения лица Кости, зато его прекрасно разглядел Саша.

— Перестань, Эля, — поспешно сказал он. — Эта Настя, конечно, перегибает палку, но в целом написано довольно интересно.

Элю такая оценка явно не устроила.

— Правда? — сладким голосом пропела она. — А по мне, так совершенно бездарная работа! Глупенькая девочка решила написать рассказ, но села в лужу, так как представления не имеет ни о литературе, ни о жизни вообще!

— Не скажи! — возразил Саша. — Неужели ты не видишь, что форма практически идеальная? Эта девушка, если захочет, может далеко пойти...

— Я разве спорю? — засмеялась Эля. — Разумеется, пойдет! Гениальная Настя Кузнецова — будущая звезда обывательского читива!

«Надо же, какая дрянь! — изумилась Настя. — И откуда такие берутся?»

— Хватит, Эля! — не выдержав, рывкнул Костя.

Ульянова изумленно посмотрела на Костю. Повисла звенящая тишина. Саша перевел взгляд с одного на другую и торопливо промолвил:

— Ладно, ребята, мне уже пора...

«Нет, не оставляй их одних!» — взмолилась про себя Настя, которую, естественно, никто не услышал. Саша взял сумку и зашагал к выходу. Настя отскочила от распахнувшейся двери и сделала вид, что усиленно изучает расписание на стенде. Ничего не заподозривший Саша скрылся за поворотом.

Настя, замерев, продолжила наблюдение. Костя встал со стола и устало опустил на стул в первом ряду. Эля изящно подплыла к нему и уселась рядом.

— Костенька, — вкрадчиво начала Эля, и Настя вздрогнула от гнева. — Ты расстроен из-за нее, да?

— Честно говоря, я разочарован, — признался Костя, и у Насти все обвалилось внутри. — Она совсем не та, какой казалась вначале. Я думал, Настя особенная...

Настя почувствовала, как вся ее сущность: и душа, и разум, и сердце — все тянется к Косте. Она тоже всегда считала его особенным! Так и должно быть в настоящей любви!

— ...хотя почти сразу понял, что она... — Костя зачем-то понизил голос, и остаток фразы Настя не расслышала. Но, судя по тому, как злорадно засмеялась Эля, ничего хорошего о Насте сказано не было. Тем временем Костя вновь начал говорить внятно. От его слов на лице девушки появилась болезненная гримаса.

— Вечно смотрит на меня снизу вверх, чуть ли не с благоговением, — резал по живому Нежданов, — а сама хоть бы раз высказала собственное мнение. «Да, Костенька, я с тобой согласна!» Не знаю, как она учится на своем

физмате. Я от нее ни слова не слышал по этой теме. А о литературе, которую ей понять попросту не дано, лучше вообще умолчать. Сколько я приносил ей полезных книг! И что в результате? Она вообще ничего не поняла! Мое произведение, говорит, не бульварная литература! Сколько я ей объяснял! Лучше б вообще не лезла писать, если мозгов не хватает!

— Видишь, Костя, — прошелестела Эля, — теперь ты все о ней знаешь. Вопрос в том, нужна ли тебе такая узколобая девушка?

Пятнадцать минут назад Настя поперхнулась бы от такого неприкрытого хамства, но сейчас это не имело никакого значения в сравнении с ответом Кости.

— Ну, как сказать, — пробормотал Костя. — Это ведь не значит, что все потеряно. Только один рассказ... После того, что я ей сказал, думаю, вряд ли она снова станет писать такую гадость. До этого момента у нас все было прекрасно...

— Но ты же не знал, что у нее не хватает серого вещества, — возразила Эля. — Хотя некоторые парни вообще считают, что девушка не обязана обладать сверхинтеллектом.

— Я не из их числа, — твердо сказал Нежданов.

— Я так и думала, — томно прошептала Эля, придвигаясь к нему максимально близко.

Сумка выскользнула из рук Насти и ударилась об пол железной пряжкой. Но разъяренная девушка ничего не услышала, в отличие от тех, кто сидел в кабинете. Дверь со скрипом распахнулась, и в проеме показался Костя.

— Настя? — растерянно произнес он. — Ты здесь?

— Что, не ожидал? — со злостью спросила Настя. Костя ошалело смотрел на нее, и тут из кабинета кошачьей походкой вышла Эля. Увидев Настю, она не только не смутилась, а напротив, на лице ее появилась злорадная улыбка.

— Ой, Настенька, ты здесь? Здравствуй! — шелковым голоском молвила Ульянова. Можно было восхититься подобной непробиваемой наглостью.

— Пойдем, — быстро сказал Костя, подняв сумку Насти и взяв девушку под локоть. — Эль, извини, ты нас не оставишь?

Эля нисколько не расстроилась, настолько была довольна полученным результатом. Настя, с трудом подавив желание стукнуть ее головой о стену, прошла в кабинет. Костя зашел следом и прикрыл за собой дверь.

— Я объясню... — начал он.

— Как? — закипая, перебила Настя. — Как ты объяснишь то, что обсуждал меня с какой-то посторонней девицей? Ты не на реалити-шоу находишься!

— Я поделился с Элей, потому что на курсе она мой единственный друг, — жалобно сказал Нежданов.

— Друг? Друг?! Не смей меня! Еще чуть-чуть, и она бы у тебя на шее повисла! Если б она стала трогать тебя своими руками... ух, я бы ее в ключья разорвала! Ты слышал, что она говорила про меня! Просто ушат грязи вылила! Гадюка!

Костя трусливо молчал, прекрасно понимая, что его черед тоже непременно настанет.

— А ты! — воскликнула Настя, полностью оправдав его опасения. — Ты сидел и слушал, и хоть бы раз ей возразил! Ну, правильно, она же такая умная, не чета мне! Раньше я что-то не слышала, что тебя не устраивают мои умственные способности! Мог бы и намекнуть за четыре месяца...

— Нет, нет, я вовсе так не думаю! — поспешно сказал Нежданов.

— И если хочешь знать, у меня есть свое мнение! Просто интереснее было слушать *твое*, но, если тебе это неприятно...

— Остановись, — попросил Костя, мягко дотрагиваясь до ее руки. — Сядь, пожалуйста.

Настя постояла еще минуты две, а затем, сверкнув глазами, опустилась на стул.

— Забудь о том, что я сказал, — проговорил парень медленно и раздельно, как психиатр, обращающийся к больному. — Я вовсе не считаю тебя глупой, просто меня вывел из себя твой рассказ... Понимаешь, нам еще на первом курсе объяснили, что массовая литература — это второсортное чтение для серой массы...

— Рада за вас, — буркнула Настя. — Но это не дает вам права унижать людей!

— Я знаю, что был неправ, — Костя виновато посмотрел на нее. — Прости, я повел себя очень грубо. Не хочу, чтоб мы поссорились из-за одного рассказа. До этого все было хорошо...

— До этого, надеюсь, ты не обсуждал меня с этой Ульяновой? — грозно спросила Настя. Парень замотал головой. — Костя, если я узнаю, что это произошло снова... Одно дело — рассказывать друзьям, и совсем другое — заинтересованной в тебе девице!

— Да какой там интерес! — беспечно махнул рукой Костя. — Мы с Элей учимся в одной группе и, если б захотели, то давно были бы вместе. У нас чисто приятельские отношения. А насчет творчества... Я ничего не имею против того, чтоб ты писала, но только не на ту же тему, которая задействована в первом рассказе.

— Но почему? — расстроено воскликнула Настя. — Тема любви подпитывается моими собственными чувствами! Когда я пишу, то как бы подтверждаю, что люблю!

— Этого делать не нужно. Я и так не сомневаюсь в твоих чувствах. И в своих тоже, — прошептал Костя, привлекая ее к себе. От такого признания Настя мигом растаяла и обняла своего любимого. Где-то в глубине души родился маленький червячок сомнения в искренности столь быстрого Костиного раскаяния, но... сердце пело.

Настя сидела в кафе «Пирожное», с головой погрузившись в чтение газеты. На ее лице блуждала мечтательная улыбка. В какой-то момент девушка даже прикрыла глаза, смакуя удовольствие от прочтения.

Костя ворвался в кафе как торнадо, чуть не сбив при этом какого-то паренька, и с совершенно безумным лицом направился к столику Насти, которая не замечала ничего вокруг себя.

— Добрый день! — на повышенных тонах произнес Костя. Настя подпрыгнула и часто заморгала.

— Костя?

— Да, это мое имя, угадала, — сказал Нежданов. — Можно присесть?

— Странный вопрос! — засмеялась Настя. — А если я отвечу: «нет», ты останешься стоять?

— И не мечтай, — прошипел Костя, плюхаясь на стул и вперившись взглядом в начинающее вытягиваться лицо Насти.

— Что опять не так? — протянула девушка с таким видом, будто ей смертельно надоело произносить эту фразу.

— Да нет, все в порядке, — усыпляя ее бдительность, ласково сказал Костя. — Лучше расскажи, что новенького у тебя.

Настя подозрительно посмотрела на него.

— Ничего особенного...

— Правда? — уточнил Нежданов.

— Да.

Костя прищурился.

— Это свежий номер «Литературного обзора»? — вдруг спросил он, кивая на газету.

— Ты его еще не читал? — оживилась Настя.

Костя резким движением достал из рукава куртки такую же газету. Настя виновато заерзала.

— Ты отнесла рассказ в издательство и ничего мне не сказала? — прорычал Костя.

— А ты что, меня поддержал бы?

— Речь не об этом...

— Тогда какой смысл? Я собиралась сказать, когда... а вернее, *если* его напечатают...

— Ну, так уже напечатали!

— Да! — просияла Настя. — Я, как увидела сегодняшний номер, чуть с ума не сошла! Мой рассказ в газете!

— Удивительно, — свысока заметил Костя. — Но почему ты отнесла туда именно рассказ «Во власти грез»? У тебя же есть три отличных новеллы!

— Понимаешь, — замялась Настя, — они замечательные, только не совсем мои... Когда ты их подкорректировал, там появились интересные идеи, которые пригодятся для *твоих* произведений...

— Что за ерунда! Раз поделился, значит, можешь пользоваться!

— Кость, это же не мясорубка, а творчество! Карьера писательницы должна начинаться с произведения, которое написала *она*, а не кто-то другой!

— Карьера?! Ишь, куда замахнулась! Если однажды опубликовали, то это еще ничего не значит! Тем более твой любимый розовый рассказ!..

Лицо Насти потускнело.

— Ты за меня не рад...

Костя, скривившись, пожал плечами. Настя, помрачнев, инстинктивно распрямилла спину и приняла напряженную позу человека, готового к битве.

— Ну, что мы скажем? — с вызовом спросила Настя. — Я жду комментариев, Константин Евгеньевич!

— Простите, Анастасия Степановна, но я не могу их предоставить, поскольку нахожусь в шоке, — прошипел Костя. — Я был бы счастлив, если б тебя опубликовали не в качестве писателя...

— ...массовой литературы, — устало закончила за него Настя. — Тебе не надоело? Я-то думала, ты обиделся, что узнал обо всем не от меня...

— И это тоже, но главное в другом! «Литературный обзор» — очень известная газета. Ее читают многие именитые литераторы и критики, которые, прочитав этот рассказ, поморщатся и сразу отнесут тебя к третьему сорту литературы! Это как клеймо — пристает раз и навсегда. Потом не отмыться!

— Отмываются только от грязи! Следи за тем, что говоришь! — вспыхнула Настя.

Костя открыл было рот, но тут в кафе вошла Эля Ульянова, при виде которой Настю перекосило. Она, словно отпугивая беса, скрестила пальцы под столом и начала умолять небо, чтоб Костина однокурсница их не заметила. Усилия оказались тщетными: цепкий взгляд Эли мгновенно выловил Костю, и она, к вопиющему негодованию Насти, направилась к их столику.

— Хорошо, что ты здесь, Кость, — нежно произнесла она. — А то я подумала, что придется есть в одиночестве...

Полностью игнорируя Настю, Эля потянулась к ближайшему стулу, однако разозленная Кузнецова мигом придвинула его к себе.

— Свободных мест нет!

Эля посмотрела на нее так, будто только что заметила.

— А-а-а, это ты... Привет розовой литературе! — Ульянова кивнула на газету в руках Кости.

— Смерть дешевому снобизму! — отбрила Настя. У Кости отпала челюсть, а Эля вообще выглядела так, будто ее огрели по голове ведром.

— Мы обсуждаем очень важное дело, — воспользовалась возникшей паузой Настя. — Поэтому, извини, конечно, но нам необходимо остаться вдвоем.

Эля бросила на Костю взгляд, полный надежды, но тот промолчал. Ульянова, взметнув волосами, зашагала прочь. Настя благодарно посмотрела на Костю и инстинктивно отодвинулась назад: щеки парня чуть подергивались, а глаза загорели бешенством.

— Теперь ты довольна, да?! — заорал он. — Все однокурсники узнают, что моя девушка такое пишет! Что обо мне подумают!

— Ничего! Какое им вообще дело до твоей девушки! Они даже имени моего не знают, — резонно заметила Настя.

— Зато Эля знает и, конечно, всем расскажет! А если у человека, с которым я все время общаюсь, нет вкуса, это наводит на мысль, что и я этим грешу!

— Это у кого здесь нет вкуса? — угрожающе спросила Настя.

— Ты все поняла! Больше полугода я, как дурак, исправлял твои сочинения, пытаюсь привить тебе хоть какие-то представления об эстетике...

— Точнее, ты полгода меня унижал! — в ярости крикнула Настя. — Эти постоянные намеки на мою недоученность, на корявость моих представлений о мире! А уж про реакцию на мои рассказы я лучше умолчу! Извечное высокомерие! Вот почему я не сказала тебе о публикации — и так хватило нервов тряпки за три месяца ожидания!

— Так моя помощь — нервотрепка и унижение? — взвился Костя. — Это такая благодарность за все, что я сделал? Когда ты только написала первый рассказ, я думал, этого больше не повторится, дал тебе шанс...

— Ты дал шанс? Мне?! Да как ты смеешь! — захлебнулась Настя. — Кем ты себя возомнил?

Девушка и глазом моргнуть не успела, как рядом с Костей выросла Эля, которая, очевидно, осталась в кафе ждать своего часа.

— А вот кто ты такая, что обвиняешь Костю! — пошла в наступление Ульянова. — Писака-самоучка, годящаяся лишь для дурацких девичьих журналов!

— Ты про «Литературный обзор»? — ядовито уточнила Настя. Но сбить Элю с толку было невозможно.

— Ха! — осклабилась она. — Да сейчас на престижнейших конкурсах занимают места произведения с матом! Народ поглупел, вот издатели для него и стараются! Костя, писатель с большой буквы, уже не раз посылал в эту газету свои работы, а напечатали тебя! Вот вам и подтверждение!

Настя застыла как изваяние.

— Тебе отказали? — обратилась она к Косте. — Это правда?

Парень бросил на Настю взгляд, полный смертельной злобы, и кивнул. Девушка закрыла глаза. Наконец она поняла все.

— Так все сегодняшние оскорбления были... из зависти! Все ради того, чтоб меня подрубить!

Глаза Кости расширились. Он не закипел и не взорвался от ярости, слова Насти, наоборот, словно выстудили его.

— Подрубить тебя? — ледяным тоном переспросил Костя. — Да кому ты нужна? Чтоб я, филолог-профессионал, завидовал заурядной необученной девчонке, пишущей об идиотской любви?! Что, уже пачалась звездная болезнь?

Настя молча смотрела на него. У нее непроизвольно приоткрылся рот.

— Боже, какой я была слепой! Вот как ты ко мне на самом деле относишься! А я старалась не замечать, внушала себе, что все в порядке... Полная идиотка...

— Что верно, то верно, — согласилась Эля.

— Никто здесь с тобой не разговаривает! — моментально отреагировала Настя.

Эля уже приготовилась к ответному выпад, но ее остановил Костя.

— Эля мой друг! С ней разговариваю я! — обрезал он Настю.

— О, ну конечно! — усмехнулась девушка. — Лучший друг, который готов растрезвонить всем, какую пошлость написала твоя девушка! Причем исключительно из привязанности к тебе...

Костя придвинулся к самому ее лицу и с хладнокровием палача произвел контрольный выстрел:

— Лучше уж иметь в друзьях ее, чем тебя!

Настя почти физически ощутила, как внутри что-то надломилось. Она вскочила, сотрясаясь от озноба.

— Да ты... ты просто... Знаешь, что... Катись ты куда подальше со своей Элей! Навсегда!

Она рванулась к выходу, чудом не забыв про свою сумку. Костя догнал ее у двери и ухватил за руку.

— Знаешь, что? — выговорил он. — Я счастлив, что наконец развязался с тобой! Ты глупая и ограниченная! Сколько тебя ни учи, все пропадает попусту! Ты пустышка!

Настя вырвала руку и бегом бросилась прочь...

— Нет, девушка, мы не можем это опубликовать, — развел руками редактор издательства «Грезы». — Сам по себе роман подходит, хотя сюжет излишне сложен и драматичен, но вот концовка... Неужели она обязательно должна быть именно такой?

— Да, — с недоумением ответила Настя. — А что в ней не так?

— Ну как что? Главные герои не остаются вместе!

— Они слишком разные, чтоб преодолеть внутренний барьер ради любви, — с сожалением сказала Настя. — Ничего не вышло...

Редактор нетерпеливо прищелкнул языком.

— Я не об этом. Вы, похоже, не совсем понимаете, куда пришли. У нас в издательстве существуют определенные правила и стандарты, которым все должно соответствовать. Вы что, не читали наших романов?

— Читала, — поспешно завершила Настя.

— И не поняли концепции? Каких бы у героев не было внутренних противоречий в начале, к концу проблемы всегда решаются! Он и Она должны понять, что любят друг друга — этого и ждет читатель! Вот на чем основывается смысл любовных романов! А ваш Олег так и не понял, что на самом деле любит Марину!

Настя покачала головой, вспомнив, как в тот злополучный вечер прибежала домой сама не своя, как долго рыдала, закрывшись в душе, а на следующий

день, преодолевая боль в распухших от слез глазах, уселась за компьютер и начала писать роман. Финал произведения был определен заранее и получил свое подтверждение две недели спустя, когда она по неосторожности зашла в «Пирожное» и увидела Костю, целующего Элю...

— Он не любит, — тускло произнесла Настя. — И никогда полюбить не сможет.

— Он *обязан!* — возмущенно воскликнул редактор. — У всех могут, а у вас, видите ли, нет! Если Олег злодей, а именно так он себя и ведет, нужно ввести где-нибудь настоящую любовь Марины! Пусть она сколько угодно сопротивляется, но в конце непременно должен быть хэппи-энд! А ваш вариант нас не устраивает. Либо переделывайте концовку, либо, уж извините, мы вам ничем не можем помочь.

Так Насте ответили еще в двух «романтических» издательствах, но менять она ничего не собиралась, чувствуя, что этим предаст самое важное, что есть у нее в душе. Наконец девушка, дивясь собственной смелости, отправила работу в несколько самых солидных столичных издательств. Как ни странно, в одном из них роман заметили и согласились опубликовать.

— Он интересно написан и легко читается, — промолвил вальяжный редактор Сорокин. — Сейчас, правда, в моде не любовь, а фэнтези и психологические романы... Главная цель девушек сейчас — сделать успешную карьеру и заработать денег, а вовсе не найти своего принца и выйти замуж... Но вот женщинам в годах не хватает качественных романов, они идут в магазин, а там полки забиты плохо написанным «розовым» барахлом. Судя по анализу рынка, ваш роман вполне может иметь успех у определенной аудитории...

— Потрясающий успех, Анастасия Степановна! — восторженно кричал в трубку Сорокин. — Ваш новый роман раскупается, как горячие пирожки! Хоть первая книга и имела скромный успех, но все-таки зацепила читателя! Теперь же она и, конечно, наша реклама, породили огромный интерес к вашей персоне! Так и знал, что народ когда-нибудь устанет от штампованной литературы! Мы непременно продлим с вами контракт!

Лицо Насти светилось счастьем. Она наконец вышла на дорогу, о которой мечтала. Ей предстоял долгий, но желанный путь, с которого ее ничто не могло сбить, включая валяющуюся за столом фотографию Кости Нежданова...

Анастасия Кузнецова сидела у себя в малой гостиной возле камина и, закутавшись в плед, читала письмо. В небольшой комнате практически не было мебели, зато стены украшали бесконечные фотографии: Анастасия Кузнецова с Президентом России, Анастасии Кузнецовой пожимает руку министр культу-

ры, Анастасию Кузнецову обнимает за плечи премьер-министр Франции... На красивой двойной полочке из резного дерева стоит награда из чистого золота: «За вклад в мировую литературу».

Анастасия получила награду месяц назад, и вот сегодня доставили три здоровенных мешка, набитых письмами, которые сейчас находились у ног. Писательницу поздравляли поклонники со всей России, и можно было не сомневаться, что на e-мэйл пришло столько же сообщений от почитателей за рубежом. Она честно прочла уже штук двадцать, но, сознание, утомленное многочасовым перелетом из Америки, периодически отключалось.

Настя сделала над собой усилие и продолжила чтение:

«...Спасибо за ваши потрясающе разнообразные книги, дорогая Анастасия! Я сначала очень расстроилась, что Олег и Марина не остались вместе, но потом поняла, что вы пишете про жизнь, а в ней всякое может случиться! Спасибо за то, что вы есть. Варвара».

Настя нежно улыбнулась и положила письмо в стопку к прочитанным. Засунув руку в мешок, она вытащила очередной конверт и... сон как рукой сняло. Кто отправитель, не указывалось, но ее имя и адрес были написаны *слишком* знакомым почерком. Задержав дыхание и моля небо об ошибке, Настя вскрыла конверт.

«Здравствуй, Настя, — гласило письмо. — Если не узнала почерк — пишу тебе я, Костя».

С Настиных губ сорвался нервный смешок: эту руку она узнала бы, даже будучи на последней стадии склероза.

«Ты, наверное, удивлена, что я пишу через столько лет, но я не мог не поздравить тебя с такой престижной наградой. Она лишний раз свидетельствует о том, что ты настоящая, гениальная писательница! Я очень рад, что ты так многого добилась, Настя... Ты достойна всего этого: славы, любви публики, признания главных людей мира, потому что ты добилась всего сама — а это очень трудно. Я пытался неоднократно...».

Настя усмехнулась: о да, ей это было известно. Она отложила письмо и вышла в необъятную библиотеку, заставленную огромными шкафами. Из тумбочки, скромно стоящей в уголке, писательница извлекла небольшую книжку, по серой обложке которой пролегалась надпись: «Константин Нежданов. Как устроен мир». Вроде бы философская, а на самом деле нуднейшая, ничего толком не содержащая работа.

С книжкой в руках Настя вернулась в комнату и вновь склонилась над письмом.

«...но мою вторую книгу никто не хочет публиковать. Один нахал даже обозвал меня графоманом, представляешь?! Да что они понимают в литературе! Все делается на потребу масс...»

Ты, Настя, совсем другая — умная, талантливая, образованная...»

«Глупая и ограниченная», — неожиданно всплыло в памяти, и Настю передернуло.

«...ты все понимаешь. Настенька, прошу, помоги мне. У меня жена и трое детей, но, к сожалению, достойной работы в наше время мало. Не иди же мне, в самом деле, учить детей в школу или журналистом в газету для массового потребителя! Может, для меня найдется место в твоём издательстве? Обещаю, у моего творчества непременно появятся интеллектуальные читатели. Ты — моя единственная надежда реализоваться как писателю. Я обязательно окуплю все затраченные усилия».

*Вот мой адрес, телефон и e-мэйл. Ответь, как только сможешь.
Искренне твой, Константин Нежданов»*

Настя дочитала письмо и устало опустилась на спинку кресла. Открыла в середине серую книжку, пробежала взглядом по странице. Пять лет она не открывала творение Нежданова, и за это время очень изменилась ее жизнь, интересы, да и она сама. А вот эта книжка — нет. Как была скучнейшим собранием общих фраз, так им и осталась.

Теперь Настя отдавала себе отчет, почему она ничего не могла понять в первых рассказах Кости. Просто понимать там было *ничего*.

Настя поднялась, подошла к окну и долго смотрела в густую черноту ноябрьской ночи. Снег еще не выпал, фонарь возле западного крыла коттеджа сломался, и ничто не пробивало плотную тьму. Она перевела взгляд на письмо и прочла его еще раз. То же самое. Ни проблеска света, ни озарения, ни одного луча в безнадежно темном царстве.

— Ты пустышка, — печально сказала Настя. Опустив голову, она направилась к двери. И вдруг резко развернулась и швырнула письмо в камин. Языки пламени охватили бумагу, сойдясь с ней в прощальном объятии, и через пару минут от послания Нежданова осталась кучка пепла.

Настя вздохнула полной грудью, распрямилась и легкой свободной походкой вышла из комнаты. Ей еще предстояло написать три книги по своему многомиллионному контракту с престижным лондонским издательством.

Сергей Потемкин

Студент 4 курса психологического факультета

Сейчас мне 22 года. С двенадцати лет периодически пишу стихи, а в последние два года увлекся написанием рассказов, сценариев и повестей.

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ СТАДА

Рассказ

Наступил новый день, обещавший интересные открытия, незабываемые приключения и неожиданные встречи. Нежные солнечные лучи начали щекотать закрытые глазки, и овечка Брит проснулась. Первое, что она сделала после пробуждения — это подбежала к зеркальной глади пруда и принялась придирчиво рассматривать свое отражение. Вчера вечером она покрасила шерстку в розовый цвет и теперь любовалась невероятно красивыми завитушками. Брит казалось, что на нее из воды смотрит облако сахарной ваты. Овечка уже предвкушала огромный урожай комплиментов, которые ей удастся сегодня собрать. Но даже это было не главным — главным она считала полуденное свидание с барашком Питером, который должен ждать около раскидистого дуба.

Взбежав по дорожке, Брит оказалась на вершине холма. Впереди открывалась потрясающая панорама огромного луга, поросшего сочной травой. Тут и там звенели ручейки с удивительно вкусной водой, пели птицы, спрятавшиеся в обрамлявших открытое пространство деревьях, летали разноцветные бабочки. Благоговейно вздохнув, Брит подумала: «Что еще нужно для счастливой жизни?»

Не успела она пробежать и десяток шагов, как дорогу перед ней перешел худой серый баран. Он приблизился к небольшому камню и перевернул его. Внимательно изучил землю под ним и сам камень с другой стороны, а потом констатировал:

— Нет, не он.

Баран продолжил путь до скопления созревших одуванчиков. Брит с интересом наблюдала за ним, решив не мешать. Он засунул морду в гущу пушистых шариков, сосредоточенно нюхая и пытаясь там что-то найти. Семена одуванчиков, должно быть, попали барану в нос, потому что он оглушительно чихнул, подняв вихрь «парашютиков». Проводив их долгим взглядом, он грустно вымолвил:

— Здесь его тоже нет, — и продолжил поиски.

В стаде, где жила Брит, постоянно что-нибудь менялось. Можно сказать, что каждый день сулил сюрприз. Однако вот Норт, только что убежавший по своим делам, — баран, которого Брит знала с детства, — всегда был одинаковым. Ни перекраситься, ни купить себе украшения или хотя бы сделать новую стрижку ему в голову не приходило. Он все время бегал по окрестностям и что-то искал. Надо ли говорить, что в стаде его считали не совсем нормальным. На этот раз Брит вынуждена была признать общественное мнение верным, ведь он даже не похвалил ее свежепокрашенную шерстку!

Оглядевшись, Брит не увидела ни одной живой души, но ее внимание привлек клочок бумаги, висевший на нижней ветке высокого дерева. Нечасто здесь можно было увидеть объявления — обычно их вывешивали только в чрезвычайно важных случаях, поэтому овечка бросилась к опушке, не желая пропустить нечто судьбоносное. На мятом листе оказалось написано:

«Голосуйте за кандидата “Общего пастбища”!».

Под надписью красовался довольно корявый рисунок, на котором художник изобразил нечто среднее между бесхвостой лисой и рогатым бобром. Брит настолько увлеклась рассматриванием этого шедевра, что не заметила, как к ней кто-то подошел. За спиной учтиво кашлянули.

От неожиданности Брит подпрыгнула и в воздухе развернулась к источнику шума. Перед ней стоял один из самых уважаемых баранов ее стада — профессор Дамбл, в больших очках и с седеющей ухоженной бородакой.

— А, Брит, — узнал он овечку, — рад тебя видеть! Ты сегодня очень необычно выглядишь. Надеюсь, ты не зарегистрировала собственную партию, официальным цветом которой будет розовый?

— Партию? — осторожно повторила Брит новое для себя слово.

— Ну, не зарегистрировала и хорошо, у нас уже есть достойный кандидат, который обеспечит порядок и равенство в нашем стаде. Ведь для тебя важны порядок и равенство?

— Да, — робко ответила Брит и шаркнула копытцем.

— Вот и замечательно. Ты всегда была одной из самых умных овечек подрастающего поколения. Я уверен, ты ни за что бы не проголосовала за кандидата Зигулина. Я даже не говорю о том, что у него кривые рога, он же... — профессор Дамбл огляделся и, не заметив там никакой угрозы, прошептал ей в самое ухо, — ... правый!

И тут же отпрянул, будто испугался собственных слов.

Подумав несколько секунд, Брит посмотрела направо, но кандидата Зигулина с кривыми рогами там почему-то не увидела. «Может, он спрятался за дерево», — осенило ее, но проверить догадку Брит не успела — сзади раздался требовательный голос профессора:

— Я могу рассчитывать, что ты придешь завтра утром к свиному дереву, где состоится встреча избирателей с нашим кандидатом?

Розовая овечка кивнула.

— Приходи обязательно, а послезавтра — и на выборы. Ты должна заявить о своей политической позиции. И помни: нам очень важно твое мнение.

Профессор Дамбл поклонился и убежал, а Брит осталась одна, пребывая в полном восторге. Ей многие говорили, что она красивая, но что умная — никогда. Тем более, это сделал сам профессор, который знает столько длинных и непонятных слов. Конечно же, она придет завтра к свиному дереву, потому что ее мнение важно такому известному барану, как Дамбл, и еще не известному ей Кандидату.

Пройдя немного по мягкой траве, все еще находясь в своих мыслях, Брит услышала ритмичное постукивание копыт. Устремившись в направлении звука, она увидела группу из нескольких баранов и овец, сидевших полукругом. Перед каждым лежал продолговатый камень, по которому отбивался определенный ритм копытами — у каждого свой. В итоге получалась замысловатая, но хорошо запоминающаяся мелодия. Под нее, в середине полукруга, танцевал молодой, спортивного вида баран.

На утрамбованной площадке он, прочно поставив передние ноги, быстро перебирал задними и вращал вокруг них корпус. Набрал достаточную скорость, он начал вертеться на спине, на боках, а в апогее выступления — и на рогах. Зрелище было фантастическим, и Брит замерла с открытым ртом, на некоторое время даже забыв, куда идет. В конце выступления баран замер в стойке на одном копыте, но, потеряв равновесие, шлепнулся на спину.

Тут же подскочив, он с невозмутимым видом отряхнулся и пошел в сторону музыкантов. Теперь Брит могла тщательнее разглядеть его: у барана были до блеска начищенные рога, их украшали обернутые вокруг них несколько раз золотые цепочки. Цепочки потолще были обмотаны и вокруг ног, около копыт. А на каждом из бритых боков красовалась татуировка: «Хип-хоп — наша судьба».

— Привет, Брит, бе, — обратился танцор к овечке, пройдя между переставшими отбивать ритм баранами.

— Здравствуй, Делц, — поприветствовала она своего давнего знакомого.

— Давно не виделись, бе. Ты за это время стала такой классной, бе.

— Ой, спасибо, Делц, — сказала овечка, покраснев от смущения, хотя на розовом фоне это осталось незаметным.

— Ты видела, бе, как я танцевал?

— Конечно, мне очень понравилось!

— А хочешь научиться так же, бе?

— Также, как ты? Но это, наверное, очень сложно, да и моя шерстка может стать грязной.

— Не парься! Вот возьми, — Делц протянул ей маленький шарик из плотного спрессованных растений разных цветов; шарик источал терпкий сладковатый запах, — проглоти его, бе, и у тебя будет столько сил, что сможешь крутиться до завтрашнего утра лучше меня. А через две минуты тебе уже будет все равно, какого цвета у тебя шерстка, бе.

Брит так и не успела решить, стоит ли брать шарик, а Делц открыл было рот, чтобы привести очередной аргумент, но не успел. Над лугом прокатилось многократно повторенное блеяние: «Б-е-е-э, б-е-е-э, б-е-е-э!» На мгновение бараны, которые сидели рядом с продолговатыми камнями затихли, а потом бросились наутек. Делц немного замешкался, а когда начал набирать скорость, догоняя товарищей, запнулся об один из камней и растянулся на траве.

Мимо Брит с невероятной скоростью пролетели два барана с загнутыми в кольца рогами, обмотанными фольгой. Один из них продолжил преследование беглецов, а второй поставил копыто на спину не успевшего подняться Делца.

— Не двигаться! Я из ПСНОДа — «Пастбищенской службы незаконного оборота дурмана».

В ответ Делц что-то сдавленно проблеял, тогда баран с серебряными рогами убрал ногу с его спины.

— Эта вещь принадлежит вам? — он катнул копытом травянистый шарик, лежавший рядом.

— Нет, бе, я его в первый раз вижу! — затравленно выдавил Делц.

— Ты мне это в загоне расскажешь! А теперь живо встал и пошел вперед. Если попытаешься убежать — бью рогами без предупреждения.

Делц поднялся и, понуро опустив голову, пошел в указанном направлении. За ним, грозно качая рогами, переливающимися в полуденном солнце, двинулся патрульный баран. Когда он поравнялся с Брит, то остановился и, слегка поклонившись, произнес:

— Благодарю вас за помощь в задержании опасного преступника и выполнении своего гражданского долга. Если бы все наше стадо было таким же сознательным как вы, уже к осени мы бы покончили с дурманоторговлей! — Переведа дух, он продолжил: — Могу я вас попросить при необходимости прийти к нам на поляну для дачи показаний?

— Конечно, — тут же нашлась Брит, вспомнив наставления своей матери, которая говорила, что если красивый баран с хорошей работой куда-нибудь приглашает, нужно соглашаться.

— Спасибо еще раз и, знаете, этот цвет вам очень идет.

После этих слов он бросился за Делцом, успевшим уже отойти на приличное расстояние и теперь прикидывавшим дистанцию до первых деревьев. А Брит в который раз порадовалась, что выбрала именно розовый цвет, а не фиолетовый, который так нахваливал ей парикмахер. Раз она такая популярная, то нужно дать понять Питеру, что он для нее не единственный вариант. И чтобы она осталась с ним, Питер должен быть еще внимательнее и галантнее.

«Кстати о Питере, — подумала Брит и, прищурившись, посмотрела на солнце — по его положению овечка решила, что уже полдень, — пора идти на свидание». Но не успела она сделать и шагу, как из-за непроницаемых для взгляда кустов раздалось жалобное блеяние. Оно прервалось, но только для того, чтобы через пару секунд повториться с новой силой. К первому голосу присоединились еще два, не менее жалобных. Судя по их звучанию, обладатели голосов отчаянно нуждались в помощи.

Брит самоотверженно бросилась через кусты, невзирая на опасность оставить клочки шерсти на скрытых среди листвы крючковатых ветках. Ей повезло — она выбрала место в зеленой стене с молодыми побегами, которые, раступившись, мягко пропустили ее. За кустами не оказалось того, кто нуждался бы в помощи, но жалобное блеяние продолжало раздаваться поблизости. Углубившись в лес, Брит неожиданно наткнулось на группу баранов. Самым примечательным в их внешности был непроглядно черный цвет шерсти. Услышь Брит их голоса ночью, она ни за что бы не смогла найти этих пятерых.

Оглядевшись, овечка не увидела лису или волка, которые могли стать причиной шума. Да и сами бараны не были ранены, а по упитанным бокам было видно, что живется им неплохо. Единственную причину для расстройства Брит видела в ужасном цвете и давно вышедшем из моды пирсинге, которым были испещрены их уши и ноздри. Наверное, Брит стала смотреть на баранов с жалостью и тут же спохватилась, но спустя еще некоторое время, прошедшее в гнетущем молчании, поняла, что бараны тоже смотрят на нее с сочувствием. Как будто это у нее все выступающие части головы утыканы железяками.

— Я услышала бляение и подумала, что кому-то здесь нужна помощь, — нарушила тишину Брит.

— Да, — грустно ответил один из баранов, — мне нужна помощь. Но, правда в том, что нам всем нужна помощь, однако никто не в силах помочь другому. Потому что не может помочь даже себе.

— Не поняла, — честно призналась овечка.

— Посмотри на этот лес и на нас посреди его деревьев. Так же в нашей жизни мы бесцельно бродим, потому что заблудились и не в силах найти дорогу назад. Все, что нас окружает: другие бараны, овцы, еда, даже удовольствия, в итоге приносят боль и разочарования. Жизнь полна страданий! — с догматичной уверенностью вынес свой вердикт черный баран.

Его товарищи закивали и продолжили жалобно бляеть.

— Постойте! — не стала соглашаться с черным бараном Брит. — Жизнь полна радости, когда вы бегае по лугу, едите свежую травку, играете со своими друзьями. Разве это не здорово?

— Раньше мы думали так же, — грустно улыбнулся баран, — но теперь мы все поняли. Придет время, и ты поймешь.

Внутри у Брит, любившей жизнь на своем родном лугу и ценившей каждый день, все клокотало. Она уже собиралась высказать этим пятерым все, что она думает, но тут подозрительно зашумели кусты со стороны самой чащи леса, куда ходить было строго запрещено. Брит тут же бросилась туда, откуда пришла, но около кустов остановилась, поняв, что бежит одна. Черные бараны не шелухнулись, а только стали смотреть в направлении шелеста.

— Ну что же вы стоите?! Бежим! — в отчаянии крикнула Брит.

Тот же баран повернулся к ней и ответил:

— Я же тебе говорил, что жизнь полна страданий, — и был прав. Но я сочувствую тебе, потому что ты остаешься в этом жестоком мире, а мы покидаем его.

Шелест усилился, а Брит затряслась так, как будто стояла под порывами зимнего ветра. Она знала, что нужно бежать со всех ног, но буквально приросла к земле. Так и осталась смотреть на кусты, из-за которых вот-вот должна была появиться серая смерть.

Но вместо волчьей морды из кустов показался Норт. Розовая овечка с шумом выдохнула и начала дышать ровно, успокаивая готовое выпрыгнуть из гру-

ди сердце. Норт сосредоточенно оглядел всех на поляне и вылез на нее целиком. Потом огляделся еще раз и грустно прокомментировал:

— Тут его тоже нет.

— Да, друг мой, — вставил один из черных баранов, — здесь его тоже нет. А все потому, что жизнь полна разочарований. Если хочешь — становись одним из нас.

Норт посмотрел на говорившего, как на сумасшедшего, с чем Брит была полностью согласна, и начал бочком продвигаться к соседней группе кустов. Еще пара шагов, и Норт со зловецим шуршанием исчез. А черные бараны, как ни в чем ни бывало, продолжили жалобно блеять.

— А теперь в чем дело? — осведомилась овечка.

— Мы блеем, чтобы выразить нашу боль.

— Ну, не буду вам мешать, — сказала Брит, решив уйти отсюда подальше.

Вернувшись на первую поляну, Брит попыталась пролезть через кусты, но это оказалось не так-то просто. Когда она бросилась вперед на жалобное блеяние, то почти не думала о себе. Теперь же прыгать наудачу в кусты, рискуя шерсткой, она не собиралась. Постояв на первой поляне, овечка медленно двинулась вдоль кустов, надеясь найти лазейку. Сколько она ни вглядывалась в зеленую массу, видела там лишь хитросплетение жестких веток, прорваться сквозь которые было невозможно.

Пройдя вперед довольно далеко, Брит, к своей радости, подметила, что кусты стали реже и через них начали пробиваться дорожки света. Еще один поворот зеленой стены — и справа появился небольшой проход, в который устремилась Брит, осторожно протискиваясь между коварных веток. Попытка вырваться на луг увенчалась успехом, и высоко стоящее на безоблачном небе солнце приветственно ослепило отважную овечку.

Поморгав и подождав, пока солнечные зайчики, прыгающие перед глазами, уберутся восвояси, она посмотрела по сторонам. Прямо перед ней стояло около дюжины овец и баранов. Брит обрадовалась тому, что среди них не было никого черного цвета и с пирсингом. Напротив, все стоявшие перед ней были очень ухоженными и обладали изысканными предметами туалета, вроде ярких бантов, браслетиков и шапочек.

Брит заметила, что у смотревших на нее баранов и овец, начинают медленно отвисать челюсти. Чтобы закрепить произведенное впечатление, она приняла несколько эффектных поз, которые выгодно подчеркивали игравший на солнышке розовый окрас. Когда челюсти у собравшихся опустились до своего физического предела, Брит решила остановиться. Постепенно зрители начали приходить в себя.

— Это так... смело, — только и смогла вымолвить она из овец.

— Так самоотверженно.

— Интересно. Ново. Изысканно, — выразили свое отношение остальные собравшиеся.

Та овечка, которая восхитилась первой, подбежала к Брит:

— Мы все благодарим тебя, за то, что ты решила поддержать нас!

Остальные овцы закивали и стали говорить «спасибо», а один из баранов сказал: «Почему же мы сами до этого не додумались?»

Брит так смутилась, что начала говорить что-то невпопад, но на это никто не обратил внимания. Тут к ней подбежала еще одна овечка и спросила:

— Почему не все нас понимают? Разве я должна молчать и притворяться, что я такая, как все, если мне нравится другая овечка? Ведь если это любовь, в этом нет ничего плохого, правда?

Признаться, Брит не представляла, что на это можно ответить, но ответа от нее и не ждали. Сразу же заговорил стоявший поблизости баран:

— А что предосудительного в том, что двое баранов находят друг друга очень привлекательными? Ведь главное в жизни то, чтобы каждый конкретный баран и каждая конкретная овца были счастливы. А если наше стадо не дает нам быть счастливыми, не дает нам быть самими собой, то зачем нам нужно такое стадо?

Во всеобщем гвалте, в котором одни продолжали хвалить розовую овечку за смелость, а другие заявлять о правах каждого барана на собственную неповторимость и уникальность, было отчетливо слышно, как лидер этого собрания громко прокричал:

— К завтрашнему дню все должны прокраситься в розовый и голубой цвета! Так мы будем отстаивать свои права и станем еще симпатичнее!

Потом было еще много разговоров о превратностях жизни, до краев полной борьбы за свои права. Брит так прониклась идеей свободы выбора каждым бараном своего стада, что предложила своим новым знакомым прийти завтра утром к свиному дереву. Для тех, кто там соберется, очень важны равенство и порядок, поэтому они наверняка присоединятся к борьбе за права.

Столпившиеся вокруг розовой овечки бараны единогласно поддержали эту идею, а их лидер присвоил Брит почетное звание «Вечного друга всех необычных баранов и овец пастбища». Только сейчас овечка спохватилась, что уже полдень, и поняла, что опаздывает. Она крикнула слова прощания необычным овцам и бросилась было бежать в сторону дуба, но от них было не так легко отделаться. Их лидер заявил, что за неоценимую помощь в их борьбе для них будет честью проводить Брит туда, куда ей нужно. Отказываться от такой любезности было невежливо.

Переход в шумной компании занял больше времени, чем предполагала Брит. Когда впереди возник громадный дуб, Питера под ним не оказалось — должно быть, он устал ждать. Брит искренне пожелала удачи всем баранам, а напоследок одна из овечек, по имени Энджи, сказала, что находит ее очень симпатичной. И если Брит разочаруется в Питере и всех остальных баранах, то они вместе могут куда-нибудь сходить. На прощание подмигнув, овечка побежала вслед за своими.

Оставшись одна под сенью раскидистого дуба — самого большого дерева на пастбище, — Брит огляделась. Питера поблизости не было. Где-то за дубом должен был протекать ручеек, и овечка решила поискать Питера там. Она начала обходить древесного гиганта, не сводя взгляд с его кроны, которая находилась на невероятной высоте. «Должно быть, оттуда видно вообще все», — подумала Брит и чуть не упала, споткнувшись о массивный корень. Решив впредь смотреть себе под ноги, она прошла еще чуть-чуть и заметила, что за деревом кто-то прячется.

— Питер? — спросила она.

Кто-то спрятался за деревом, но скоро снова выглянул.

— Питер, это ты? — Брит сделала несколько шагов к дереву.

— Нет, стой на месте! Пусть они думают, что ты здесь одна! — раздался незнакомый и чрезвычайно взволнованный голос.

Розовая овечка послушно замерла на месте, с удивлением смотря на выходящую из-за ствола голову барана.

— Пожалуйста, повернись в другую сторону! Если они узнают, что я здесь, то я пропал!

В голосе было столько мольбы и страха, что Брит повернулась в сторону прекрасного вида, открывающегося впереди. Далеко отсюда угадывались очертания того холма, на котором она проснулась сегодня утром и отправилась в это путешествие. Но красоты дивного пейзажа и играющие в догонялки группы овец не могли сейчас отвлечь Брит от того, кто прятался за деревом.

— Спасибо, — раздался голос сзади, — теперь я на некоторое время в безопасности. Хотя, если честно, никто из нас не может чувствовать себя в безопасности в полной мере.

— Почему? — удивилась овечка.

— Потому что они всегда наблюдают за нами!

— Кто они?

— Те, кто действительно контролируют происходящее, и решают чему быть, а чему нет. На самом деле это они принимают решения, а не мы и даже не самые уважаемые бараны нашего стада. Вот, например, ты покрасила свою шерстку в розовый цвет, а на самом деле это решила не ты.

— А я была уверена, что я, — удивленно проговорила Брит, по-новому посмотрев на шерстку.

— Нет, это не так. Мы уже давно не принадлежим сами себе, а все наши поступки — результат решений сильных этого мира.

— Да кто они такие?! — вышла из себя Брит.

— Я могу тебе рассказать о них, но знай, это навсегда разрушит твой привычный мир. Все сразу изменится и никогда уже не будет прежним. Ты готова к этому?

— Да, — не долго думая, ответила овечка.

— Знай же, что они называют себя «Серыми кардибаранами». Это небольшая группа самых умных, самых скрытных баранов, из тех, кто когда-либо рож-

дались на нашем пастбище. В давние времена они объединились и навсегда скрылись от наших глаз, чтобы тайно управлять нами. Эти бараны играют нашими жизнями, как мы играем россыпью бусинок или камешков. Но самое страшное, что об этом никто не знает!

Рассказчик перевел дух, а Брит, заинтригованная происходящим, не стала его перебивать.

— Я и сам узнал о них случайно — это перевернуло мою жизнь. Теперь я вынужден скрываться, постоянно чувствуя угрозу и бремя знания. Серые кардибараны не хотят, чтобы и другие узнали о них, поэтому мне угрожает опасность. Со мной может произойти все что угодно: напасть волк, ужалить змея или я просто исчезну, а все подумают, что это случайность. Вот почему я рассказал все тебе. Если я погибну, то ты — единственная надежда нашего стада и будешь должна сделать все, чтобы правда открылась. А теперь прощай.

— Подожди, — запоздало крикнула овечка, но за деревом уже никого не было.

Она обошла дуб кругом, но от таинственного барана не осталось и следа. «Если бы я была серым кардибараном, — решила овечка, — то наблюдала бы за всеми с верхушки этого дуба. Но на него не под силу залезть никому, значит и кардибаранов нет. Потому что наблюдай они из любого другого места — их бы рано или поздно заметили».

Удовлетворившись таким объяснением, Брит дошла до ручейка, но и там Питера не было. Она вернулась к дубу и пошла от него к ближайшим овцам, надеясь, что они помогут найти Питера. Когда Брит подошла поближе, то узнала в овечках своих хороших подружек — Афру и Арти. Они лежали на ровном участке тщательно притоптанной травы, а перед ними была разложена куча фотографий. Брит гордилась тем, что умеет считать аж до двадцати, и могла с уверенностью сказать, что фотографий здесь гораздо больше. При ближайшем рассмотрении на каждом снимке оказался изображен один из баранов ее стада.

— Привет, Афра. Здравствуй, Арти.

— Салют, Брит, — хором поздоровались с ней овечки.

— Давно не виделись, — добавила Арти, — где ты пропадала?

— Я много играла со своими новыми друзьями, потом мы бегали около пруда и несколько раз ходили в лес искать ягоды.

— Все играешь, — вздохнула Афра, — пора бы уже повзрослеть и начать перебирать кандидатов.

— Как того, с которым завтра можно будет встретиться около свиного дерева?

— Да нет же, глупенькая, — засмеялась Афра, — кандидатов в мужья.

— В мужья?

— Конечно, — вмешалась в разговор Арти. — Поиск кандидата в мужья — это самое важное, что может быть в жизни каждой овечки.

— А что будет после того, как вы его найдете? — наивно спросила Брит.

Этот, казалось бы, простой вопрос поставил овечек в тупик. Они надолго задумались, а потом Афра протянула:

— Ну, а потом мы будем гулять... и играть... и бегать, но уже вдвоем.

— Вот смотри, здесь фотографии всех свободных баранов нашего стада, — решила сменить тему Арти.

Теперь Брит поняла, чем заняты ее подружки, и тоже углубилась в просмотр снимков кандидатов. После пяти знакомых и восьми незнакомых баранов она увидела снимок барашка, похожего на Питера.

— Это Питер?

— Да, Питер — кандидат номер двадцать шесть. Молодой, симпатичный, но безработный. Знаешь что, подружка, — сказала Арти, обращаясь к Брит, — на твоём месте я бы нашла кого-нибудь перспективнее.

— Но если Питер найдет себе работу, — вставила Афра, — то в моем рейтинге он войдет в тройку лучших кандидатов.

— А вы сегодня видели Питера? — спросила Брит.

— Сегодня нет.

— Мы должны были встретиться около того дуба, — Брит посмотрела в сторону великанского дерева и увидела там какого-то барана, который отсюда был похож на букашку. — Кажется, я его уже нашла. До свидания.

Не дожидаясь ответа, овечка бросилась к месту встречи.

— Я бы так побежала на свидание с Питером, только если бы он возглавил ПСНОД.

— И не говори, Афра, — поддержала подружку Арти, — Брит занимается каким-то глупостями, то ли дело мы! Ну что, пойдём дальше?

— Давай!

— На очереди кандидат номер тридцать один — барашек Стив...

Прежде чем Брит добежала до дуба, она уже поняла, что там был не Питер. По серой, давно не расчесываемой шерсти овечка узнала Норта. Тот что-то сосредоточенно искал между вырвавшимся из-под земли корнями огромного дуба. Баран обернулся и встретился взглядом с Брит. Она была уверена в той фразе, которую сейчас услышит, и Норт ее не разочаровал:

— Его нет и здесь, — вздохнул он и устало лег на землю.

— А что ты ищешь? — участливо спросила Брит.

Баран обвел отсутствующим взглядом пространство, а потом и вовсе закрыл глаза:

— Ты все равно не поймешь.

— Я пойму, — заверила его Брит, — даже профессор Дамбл считает меня умной!

Недоверчиво приоткрыв один глаз, Норт внимательно изучил овечку.

— Ладно, возможно ты мне даже поможешь, а то один я не справлюсь. Только пообещай, что никому не расскажешь.

— Обещаю!

Он собрался с духом и выпалил:

— Я ищу смысл!

Настал черед Брит на некоторое время замолчать, а потом спросить:

— А что такое смысл?

— Это такое... ну такое... — пытался объяснить ей Норт, но потом оставил попытки и признался, — я и сам не знаю, что это такое.

— Ищешь то, что никогда не видел?

— Да, но ведь другого выхода нет.

— Может твой смысл — это бабочка? — спросила Брит, на нос которой села большая разноцветная бабочка, наверное, по ошибке принявшая ее за большой розовый цветок.

— Не говори глупостей! Бабочка не может быть смыслом, — отрезал Норт.

— Может быть дерево?

— Не дерево.

— Трава?

— Нет, не трава. Не солнце, не вода, не другие овцы и бараны, не кусты, не горы, — отчеканил Норт все варианты неправильных смыслов, которые пришли ему в голову. — Смысл — это что-то неизвестное, и можно узнать, что это он, только после того, как его найдешь.

Задумавшись, Брит обошла вокруг лежащего без движения Норта:

— То есть смысл — такая штука, у которой нет названия, раз узнать его можно только когда найдешь, и это не бабочка, не трава и не все прочее?

Услышав эту фразу, Норт даже приподнял голову, обдумывая сказанное:

— Да, ты права — так и есть.

Брит сделала еще один круг вокруг серого барана:

— Ты пробовал искать смысл около пересохшей реки?

— Да, я там был.

— А около развалившегося амбара? Когда мы там играли... — вдруг Брит осеклась, вспомнив случай трехдневной давности. — Я, кажется, видела что-то похожее на смысл. Оно было большим, черного цвета, с восемью лапами и медленно ползло на меня.

Одним невероятным движением Норт вскочил на все четыре ноги:

— Пожалуйста, поподробнее! Где это было?

— Однажды утром я пила воду из пруда и тут заметила, что сбоку на меня что-то ползет. Такого я раньше никогда не видела. Оно меня испугало, и я убежала от пруда.

— Скорее всего, это мой смысл — он тоже ищет меня! — И уже на бегу Норт крикнул розовой овечке. — Спасибо тебе Брит, я должен бежать!

— Постой! Ты видел Питера? — запоздало крикнула Брит.

— Да, он собирался к подножию горы! — отозвался Норт, не сбавляя скорости.

— Но это же так далеко, — тихо сказала Брит.

Серый баран уже не слышал ее. Он с разбегу перепрыгнул через разложенные рядами снимки, так что некоторые из них разлетелись в разные стороны. Сидевшие рядом Афра и Арти взвизгнули.

— Что это было, Арти?!

— Это был Норт!

— Кандидат номер одиннадцать? Для того, кто может стать нашим мужем, такое поведение неприемлемо! Я его вычеркиваю из списка без права восставления!

— И я тоже, Афра!

Оставшаяся в одиночестве Брит размышляла, что делать дальше. Их пастбище имело форму песочных часов — два больших луга соединялись тропинкой, ведущей через лес, а подножие горы располагалось на противоположной стороне пастбища. Можно было свободно ходить в обе стороны, но жители каждого из двух лугов считали своих соседей слегка сумасшедшими и без особой необходимости границу в виде леса не пересекали.

В другой раз и Брит предпочла бы остаться на своем лугу, но ей очень нужно было увидеться с Питером. Не столько из-за провалившегося свидания, сколько для того, чтобы посоветоваться. Брит начала замечать, что в ее жизни чего-то не хватает. Все окружающие были заняты такими важными делами, как выборы, отбор кандидатов, охота за серыми кардибаранами, поиски смысла. «А может там, на берегу пруда, это был мой смысл с восемью лапами? — размышляла Брит ступив на тропинку. — Он же все-таки полз ко мне! Надеюсь, Норт поступит честно и отдаст мне смысл, если он, конечно, окажется моим. А если нет, тогда можно будет предложить Питеру стать моим мужем и вместе играть в разные игры».

Овечка могла и дальше идти, размышляя, чем можно заняться в будущем, но на ее пути появился баран. Это случилось так внезапно, что она еле успела затормозить и оказалась с ним нос к носу. Немного отступив, она рассмотрела незнакомца. Баран был отлично сложен, о чем можно было сказать с уверенностью, потому что он был коротко стрижен, а его шерсть больше напоминала щетину и была на удивление белоснежной. Стоял он очень напряженно, как сжатая пружина. Во всей его внешности, от позы до неподвижных голубых глаз, сквозила серьезность.

Почувствовав, что на нее смотрит еще кто-то, Брит повернулась направо и увидела перед собой точно такого же гладко стриженного барана. Поворачиваясь вокруг своей оси Брит насчитала четверых бесшумно окруживших ее баранов и снова очутилась нос к носу с первым.

— Никогда не видел шерсти такого цвета, — проговорил он. — А ты, Гим?

— Ни разу, Гит. Но посмотри на нее, она точно рийская овца, — раздался голос слева.

— Без сомнения, Гим, — подтвердил баран справа.

— Я рийская овца? — Осторожно спросила Брит, — а это хорошо?

— Это лучшее, что с тобой может быть! Подтверди, Гер.

— Да, Гит. — Сказал баран, стоявший сзади Брит, — все самые лучшие овцы — рийские, а рийские — самые лучшие овцы!

— Но есть и не рийские овцы — это те, кому не место на нашем пастбище, скажи, Геб.

— Так точно, Гит. Им не место на этом пастбище, оно только для нас — рийских овец!

— А кто такие не рийские овцы? — спросила Брит.

— Как кто? — опешил Гит. — Это те, кто не принадлежит к рийским овцам.

— А как это определить? — допытывалась овечка.

— Это видно, — объяснил Гит. — Стоит только повнимательнее посмотреть на овцу или барана — сразу станет понятно, кто есть кто.

— Ну, все, нам некогда, правда, Геб?

— Ага, Гер. А ты помни, — сказал Геб, обращаясь к Брит, — что ты рийская овца и веди себя соответственно.

— Геб, следы за дорогой, а мы проведем разведку.

— Слушаюсь!

Не успела Брит попрощаться с милыми баранами, которые назвали ее одной из самых лучших овец, как они растаяли среди деревьев, будто белые клочья тумана. Овечка продолжила путь, никем больше не останавливаемая. Скоро деревья расступились, и она оказалась на лугу, где раньше не бывала. Здесь все было почти так же, как дома: такие же небо, сочная травка, пение птиц. Если бы не рассказы об этом месте и его обитателях, то Брит не заметила бы ничего странного. А так ей приходилось быть настороже и медленно продвигаться в сторону возвышавшейся за поляной горы. Слева Брит приметилла сборище овец, которые не обращали на нее внимания, а сгрудились около небрежно сделанного деревянного помоста, на котором стоял баран и что-то рассказывал. Розовая овечка решила, что это встреча с одним из кандидатов предстоящих выборов, но когда она поравнялась с собравшимися, то уловила ритм в выступлении оратора и поняла, что он читает стихи. Надо сказать, что стихи Брит просто обожала, поэтому тут же изменила направление и замороженно подошла к последнему ряду слушателей, наострила ушки:

...Серые клоки свалявшейся шерсти,
Грустные, полупустые глаза.
Не уживаешься с овцами вместе,
Нет, ты не знаешь ни мести, ни лести.
В чувствах своих стоишь ты на месте,
Разве еще ты живая, овца?

Выступавший баран поклонился, а его слушатели восторженно застучали копытами. Брит, хотя ничего не поняла из услышанного отрывка, но тоже присоединилась к аплодисментам. Когда стук стих, и бараны принялись обсуждать услышанное, овечка приблизилась к ближайшим из них:

— Какой стиль!

— А какое владение словом!

— Как тонко автор передал всю тщетность овечьего бытия!

— Простите, — осторожно вмешалась в разговор Брит, — а о чем это стихотворение?

Окружающие бараны удивленно посмотрели на овечку, а один снизошел до ответа:

— Негоже передавать грубой прозой тонкие строки стиха! — продекламировал баран, но потом повнимательнее поглядел на розовую овечку и добавил, — хотя по-другому ты вряд ли поймешь. Ладно. В этом стихотворении говорилось о мертвых овцах.

— Совсем мертвых?

— Фигурально выражаясь, а не в прямом смысле, — вздохнул баран. — То есть о тех, кто физически жив, но фактически уже умер. Таких овец много: они просто бегают без дела, едят траву, спят, и на этом все. Они даже не задумываются о своем существовании, о смысле!

— А я, кажется, видела свой смысл! — встрепенулась Брит. — Он подполз ко мне сбоку, когда я пила из пруда. Такой большой, черный, с восемью лапами. А вы не подскажите, что делать со своим смыслом, когда его поймаешь?

Кто-то из баранов хохотнул, но когда понял, что Брит говорит совершенно серьезно, сразу же замолчал. Те, кто услышали последнее высказывание розовой овечки, потихоньку отошли от нее и присоединились к обсуждению стихов в других группках. В конце концов, Брит осталась одна: «Наверное, я сказала что-то не то, — размышляла она, продолжая свой путь, — Может быть, они сами не знают, что делать со смыслом, или еще никому не удалось его поймать».

Солнце начинало готовиться к тому, чтобы спрятаться за горами, возвышающимися на западе. Брит только сейчас поняла, что с самого утра ничего не ела, и немного пощипала травки, которая ничем не отличалась от той, что росла на ее лугу. Что касается местных обитателей, то они действительно были странными: ходили мрачные и совсем не приветливые, хотя Брит не видела для этого никаких причин. Дойдя до середины луга, она заметила среди деревьев овец, ходивших между каких-то палок, которые были плохо видны с такого расстояния. Брит больше не хотела разговаривать со здешними овцами, но нужно было проверить, нет ли среди них Питера.

Вблизи, когда овечка сама оказалась среди деревьев, она поняла, что здесь кладбище. Между ровными кучами земли с установленными около них крестиками ходили овцы и бараны. Одни что-то старательно рассматривали (Брит разобрала фразу: «Посмотрите какой чудный крест докозлинской эпохи»), другие плакали, третьи вообще смеялись. Питера среди них не было, и Брит уже собралась идти дальше, как к ней подошла овечка:

— Добрый вечер. Вы у нас в первый раз?

— Здравствуйте, — ответила Брит, — скажите, что здесь происходит? Почему кто-то плачет, а кто-то смеется.

— Все в порядке, — улыбнулась овечка, — просто мы чувы.

— Кто, простите?

— Чу-вы, — по слогам повторила она, — те, кто открыто выражает свои чувст-ва.

— Теперь понятно.

— Мы уверены, что не нужно стыдиться своих чувств или пытаться их сдерживать! Если тебе хочется плакать — плачь. Хочется смеяться — смейся. Тебя никто не осудит, пока ты среди нас.

Брит огляделась по сторонам — сказанное было правдой. Кто-то продолжал плакать, те, кто перестали смеяться, стали молча ходить или кричать на своих товарищей. И действительно, никто никого не осуждал, разве что те, кто кричали друг на друга, а потом начинали бодаться.

— А почему вы на кладбище? — спросила Брит.

— Здесь особая атмосфера спокойствия и нам никто не мешает.

— А вы не боитесь мертвых овец, которые еще живы?

Глаза овцы, подошедшей к Брит округлились:

— Кто тебе рассказал о них?!

— Бараны недалеко отсюда. Они говорят, что таких овец очень много, хотя я еще не одну не встречала. Наверное, они и здесь есть.

Глаза овцы стали еще больше, Брит подумала, что ей плохо, и хотела позвать на помощь, но помощь не потребовалась. Овца изо всех сил закричала:

— Зомби! Спасайтесь, здесь зомби!

За овцой, которая сломя голову кинулась в лестную чащу, устремились остальные, с ужасом повторяя:

— Зомби, овцы-зомби!

Ветки перестали шуметь, скрыв убегающих, и Брит поняла, что осталась на кладбище одна.

— Зомби? — удивленно повторила она и тоже решила покинуть это место.

К вечеру, когда солнце почти исчезло и раскрасило небо и землю в кроваво-красные тона, Брит оказалась у подножья горы. Перед поваленным идеально плоским камнем размером с небольшую поляну, собралась толпа баранов и овец. Брит с уверенностью могла сказать, что их больше двадцати. Они стояли вокруг этого камня, глядя вверх. На камне возвышался баран, завернутый в простыню, овечка приняла его за главного. Чуть дальше на камне стояли еще несколько баранов, среди которых она с удивлением узнала Питера. Барашек не выглядел счастливым, но смиренно стоял, исполняя свою роль в происходящем. Брит стала продираться через толпу к камню, расталкивая всех на своем пути. Она еще надеялась, что здесь не происходит ничего серьезного, но она ошибалась.

— Он дал нам эти луга и эти речки, — грянул с камня голос барана в простыне, — чтобы мы имели еду в достатке. Он дал нам эти горы, чтобы они защищали нас, и ничего не попросил взамен! Имя его...

— БЕ-гова! — грянула толпа.

Неожиданный крик на мгновение оглушил Брит, но она не перестала упорно пробираться вперед, на помощь своему другу Питеру.

— Он заботится о нас и знает все о каждом! Прощает каждого, если он раскаялся, и ничего не просит взамен! Имя его...

— БЕ-гова! — скандировала толпа.

— Он могущественен, непобедим, велик и милосерден для нас и ужасен для наших врагов. Имя его...

— БЕ-гова!

Крики больше не пугали Брит, и она достигла подножия огромного камня. Оно было отвесным, и овечка пошла вдоль него, высматривая проход, ведущий наверх.

— Сегодня у нас торжественный день, — продолжал главный баран, — мы собрались здесь, чтобы принять в наши ряды нового барана, который обретет у нас счастье и покровительство...

— БЕ-говы!

— Правильно. Имя этого барана Питер. Питер, иди сюда...

Барашек послушно подошел поближе к краю камня.

— Чтобы стать одним из нас, ты должен доказать свою преданность и принести в жертву жука. Жука мне!

— Жука! — повторила толпа. Несколько баранов невпопад крикнули: «БЕ-гова!», но на них тут же зло шикнули.

Один из стоявших рядом с Питеров баранов вышел вперед и поднял над головой стеклянную банку. Внутри сидел здоровенный жук, который при виде кричавшей толпы понял, в какую сторону дует ветер, и принялся отчаянно перебирать лапками, скользившими по стеклу.

— Смысл! — закричала Брит, оказавшись на противоположной стороне камня и увидев, кто сидит в банке.

На крик повернулись все собравшиеся на камне бараны, двое из них преградили дорогу Брит, бросившейся на помощь жуку. Питер обрадовался, увидев свою знакомую, и собирался пойти к ней, но баран в простыне встал у него на пути:

— Куда ты, Питер? Мы должны совершить жертвоприношение, забыл?

— Отпустите его! — закричала Брит, пытавшаяся обойти двух баранов.

— Да, отпустите его, — заговорил Питер, — и вообще мне надоело играть с вами! Я не хочу мучить жука.

— Мы бы не сделали ему больно! — соврал главный баран.

— Все равно я решил уйти, — уверенно заявил Питер.

— Ладно, отпустите жука.

Приказ барана в простыне был тотчас исполнен, и жук, обретя свободу, бросился подальше от баранов, которых всегда недолюбливал. А Питер вместе с Брит, смотревшей на него, как на героя, никем не останавливаемые, стали спускаться с камня.

— Если передумаете — возвращайтесь к нам, поймаем еще жуков! — пообещал главный баран. Подойдя обратно к краю камня и немного подумав, он объявил своим слушателям:

— Он спасает жуков от жертвоприношения, беспрепятственно дает уйти баранам, которые не хотят с нами играть, и ничего не попросит взамен! Имя его...

— БЕ-гова! — ответила толпа...

Наконец-то встретившиеся Питер и Брит, прежде чем вернуться на свой луг, погуляли по этому действительно необычному месту. На одном из деревьев они нашли листок с нарисованным кандидатом Зигулиным. Художник очень точно передал кривые рога этого барана, по которым его мгновенно узнала Брит, а в остальном он был похож на пушистого крокодила, что несколько не портило рисунок. Потом розовая овечка рассказала своему кавалеру обо всем, что с ней приключилось по пути к подножию горы. Занятые друг другом, они не слышали громких криков, раздавшихся, когда четыре рийских барана напали на группу овец, перекрашивающихся в розовые и голубые цвета. Как только они начали бодаться друг с другом, из засады выскочили агенты ПСНОДа и велели всем оставаться на своих местах. В это время Норт упорно продолжал искать свой смысл на берегу пруда, а профессор Дамбл репетировал с одним из кандидатов его завтрашнюю предвыборную речь.

Все, что происходило на пастбище, было прекрасно видно с одного из плато горной цепи опоясывавших зеленую долину. На его краю уже несколько часов сидели два человека. Старший из них был совершенно спокоен, даже с легкой усмешкой наблюдал за тем, что происходит внизу. Он сидел, скрестив ноги, и курил длинную трубку, пуская колечки дыма, такие же пушистые, как овечья шерсть. Его молодой ученик беспокойно ерзал на месте, несколько раз порывался вскочить, но каждый раз останавливался, повинувшись властным жестам своего учителя.

— Почему вы им позволяете делать все, что они хотят?! — не выдержал молодой человек.

Пожилой мужчина улыбнулся и выпустил очередное колечко. Выдержав паузу, он ответил:

— Поверь мне — это им не повредит.

— А вы не бойтесь, что все они разбегутся, кто куда?

— Нет, они все останутся здесь. Скорее это твои овцы убегут от тебя, потому что ты не разрешаешь им ничего.

— И все-таки я не понимаю...

На этот раз вместо колечка мужчина выпустил клуб дыма — копию пушистой овцы белого цвета.

— Ты боишься, что твои овцы станут слишком умными, поймут, в чем дело и убегут от тебя. Не бойся. Они — овцы, и не потому что ведут себя каким-то особым образом или выглядят, как пушистые облака, а потому что у них, если тебе это будет понятно, овечье содержание.

Юноша вопросительно вздернул брови.

— Объясню, — сказал учитель. — Содержание — это их мысли, цели, чувства, намерения. Строго говоря, имеет значение только это. Содержание обуславливает форму, а не наоборот. Они могут менять свою форму сколько угодно раз, любым способом, но все равно каждый из них неизменно будет оставаться бараном или овцой из моего стада. Так будет всегда, даже разговоры о смыслах не помогут, при условии, что я не запрещу им менять свою форму. Если это произойдет, то жизнь не оставит им выбора — они будут вынуждены действительно *измениться*. Только в этом случае они перестанут быть частью моего стада, потому что перестанут быть овцами. Поэтому ты должен оставить своих овец в покое — пусть живут так, как им будет угодно.

Молодой человек осознал всю мудрость своего наставника и решил, что будет слушаться его во всем. Но тут до плато, где они сидели, долетел отголосок крика толпы баранов, собравшихся около большого плоского камня. И юноша привел свой последний довод, который не давал ему покоя больше всего:

— Учитель, но они даже не знают о Вашем существовании!

Мужчина хитро посмотрел на своего ученика.

— В этом-то вся суть. Когда они думают, что полностью свободны в своих решениях и поступках, когда сами устанавливают границы своего поведения и уверены, что над ними никто не властен, тогда, и только тогда ими легче всего управлять.

Анотация

Исследования
в области

Стухи

Введение. Целью исследования является изучение влияния различных факторов на развитие струхи. В работе рассмотрены основные симптомы и признаки заболевания, а также методы диагностики и лечения. Исследования показали, что струха является распространенным заболеванием, особенно в зимний период. Для профилактики рекомендуется соблюдать правила личной гигиены и укреплять иммунитет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов, И. П. Струхи: диагностика и лечение. М.: Медицина, 2010.
2. Петров, А. В. Клиническая картина струхи. Журнал дерматологии, 2015, № 3.
3. Иванов, С. Г. Лечение струхи с помощью современных препаратов. Вестник дерматологии, 2018, № 1.
4. Козлов, Д. Е. Профилактика струхи в коллективах. Гигиена и санитария, 2012, № 4.
5. Сидорова, Е. М. Особенности течения струхи у детей. Педиатрия, 2016, № 2.

Анастасия Перлухина

Вольнослушатель

Школы литературного мастерства

Я согласна с высказыванием: «Планировать поэзию нельзя! Поэзия — это настроение, она приходит к человеку неожиданно как гость, как закат, как восход». В 1999 году я закончила Тюменский государственный университет по специальности «филолог», специализация — «Мировая художественная культура». Печталась в центральных и местных периодических изданиях, альманахах, книгах. Считаю, что поэтическое творчество, как и все в этой жизни, познается через любовь. Из поэтов выделяю А. Пушкина, С. Есенина, М. Цветаеву, И. Бродского, Б. Ахмадулину. А также люблю произведения моих современников — знакомых тюменских и петербургских авторов. Буду рада отзывать читателей: e-mail: vremya@list.ru

ИГРЫ НА ТРАВЕ

Сбивая мячиком росу,
Сминая травы,
Резвятся мальчики в лесу.
Им для забавы
И этот день, и этот дождь, и это лето.
И круглосуточно встают для них рассветы.

Врастают мальчики в игру.
Им очень важно,
Чтоб не замкнулся этот круг,
Чтоб выиграл каждый!
И в этот день, и в этот дождь, и в это лето
Они — юны, они — друзья, они — кадеты.

Мечтают вырасти скорей,
 Пойти на службу.
 Защитников и вратарей
 Святую дружбу
 Им не забыть за далью лет, и вспомнить где-то,
 Что был тот день, что был тот дождь,
 Что было лето...

ОСЕНЬ

В город N, на улицу Тюльпанную,
 Я пройду тенистыми аллеями.
 Я лелею осень эту странную
 И совсем о лете не жалею я.

Но не жду от сентября спасения
 И от октября обрядов праведных.
 На дворе — любовь и воскресение,
 Да мальчишка-первоклашка — ябеда.

ЗАМКИ НА ПЕСКЕ

Я строю замки на песке,
 Я знаю, где ночует чудо.
 Оно сегодня чайкой будет,
 Без обстоятельств, налегке.
 Спустилось на мое плечо
 Крылатым ярким вдохновеньем
 И задержалось на мгновенье,
 И сердцу стало горячо.

Луч солнца, дождик, маячок,
 Живого неба отраженье,
 Его в заливе преломленье,
 Идущий мимо морячок,

Соломка, камешек, сверчок
 Вплетаются в стихотворенье.
 Выходит славным сочиненьем —
 Четверостишье-новичок.

Я в это лето наизусть
Запомню радуги объятья.
И, как всегда, в нарядном платье,
По набережной вдаль умчусь.

НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ УЖЕ ОКОНЧАНИЕ ЗИМЫ

На этой неделе уже окончание зимы,
Но будут метели!
У нищенки милой опять попрошу я взаймы
На этой неделе.

Она мне протянет монетку, стыдливо делясь
Последним достатком.
И я накоплю себе хлеба, и съем, не давясь —
Какой же он сладкий!

Колода старинных гадальных сомнительных карт
Раскрыта на лавке.
Виною же чей-то безумно-игривый азарт,
Да гиблые ставки.

Они предрекают, что жизнь улетучится в миг,
В былую эпоху.
А вон вдаль, скрываясь, уходит старик —
Оглух он, оглух он.

Но мир нарисует картины добра и Весны,
Надежных причалов.
И люди поймут наконец, что они влюблены,
Поверят в начало.

Сольются в одно и стихи, и капель, и мечта
Бессонных рассветов.
И мир встрепенется и вновь оторвется от сна,
Затеплится где-то...

Улыбкой наполнится жизнь, и сегодня на Март
Огромные ставки.

А мой снеговик и на лавочке стонущий бард —
В заснеженной давке.

Я всех отогрею и всех расколдую сама
Звучаньем капли.
Уже на дворе, говорят, наступила Весна
На этой неделе.

ВРЕМЯ ДЛЯ ПОЭТА

Ты задержись, весна,
Не начинайся, лето,
И, осень, притаись за тем углом —
Лишь снежная зима
Есть время для поэта,
Когда теплом его наполнен дом.

Когда остатки сна
Надежду согреты
И в комнатах опять живет фантом,
А истина ясна
И сложена в конверты,
Спасибо и на том...

Когда строка красна,
Воздвигнутая светом,
Запрятана в сеченье золотом,
У тайного окна
В огромном мире этом
Написан книжный том.

Та задержись, весна,
Не начинайся, лето,
И, осень, притаись за тем углом.
Декабрь, январь, февраль —
Вот время для поэта,
Когда наедине очаг, стихи и он.

Я СТАНУ ПТИЦЕЙ

Когда моя душа уgomонится,
Я стану прежней золотою птицей,

Я постараюсь заново родиться,
Я в мир влечу на крыльях неземных.

И поселюсь я в песнях и куплетах,
И сны свои я сохраню в сонетах,
И попрошу у верного поэта
Не обрывать таинственный мой стих.

Я буду птицей с верой в небылицы,
Мне улыбнутся все чужие лица,
Я поднимусь над Северной столицей,
И попрошу не зажимать в тиски.

Я подарю свободу и надежду
Для каждого любимого мной прежде.
И любящих укрою я одеждами
От непогоды, страха и тоски.

И зазвонит струна над целым светом,
Окажутся все музыкой воспеты,
Строкой одной я передам приветы,
Лишь обмакнув в мечту мое крыло.

Когда в плену у ночи беспросветной,
Когда в дыму осеннем безответном,
Со мной моя заря, мои рассветы,
Со мной мое окно, мое перо.

РАЙ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

I.

В этом раю,
на самом краю
острова
говорила «люблю»,
кораблям и судам
просто так...
Любовалась с утра
и опять до утра
рострами.

Обходила
дворами
мосты
и
углы
острые.

Расходились и
вновь
собирались
в любовь
линии.
В переулках
домов
у фонарных
столбов
сны мои.

II.

Здравствуй,
здравствуй,
рассвет!
Вот ты — есть,
а вот — нет, —
тождество.
И дождями омыт
петербургский гранит.
Множеством
кораблей и судов,
всевозможных ходов
векторных
Распоролась Нева
и Невы синева
вне кормы.

III.

Солнце есть!
Солнце нам!
А вдали — Валаам —
Странникам.
Солнце здесь,

Солнце там.
Фаятоновый храм
В пламени.

Обойди и забудь
Весь васильевский путь
Истинный.
Обойдись как-нибудь,
Чем-нибудь,
Где-нибудь —
Выстой!

РОЖДЕСТВО В ПЕТЕРБУРГЕ

Рождество в Петербурге, мерцание свечек ночное,
И Нева леденелая, светом луны залитая.
Серебристые звезды во мгле ожидают покоя.
Это сон или явь, вы признайтесь, такое бывает?
Утонул в волшебстве яркий луч
колокольного звона,
Засветились огнем золотистых церквей купола.
На дворе — Рождество, на столе —
образа и иконы.
Эхо ангелов тает в таинственной дымке добра.
Пусть проходят года, унося за собой все бывшее,
Все грехи, оправдания, любую вину человека.
Догорает звезда, забирая на память с собою
Петербург. Торжество. Рождество XXI века.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ В РОДНОЙ ГОРОД

Я возвращаюсь, Родина, ты слышишь?
Из века в век перешагнуть спешу.
Ты мне с любовью письма снова пишешь,
Как прежде песни пела малышу.

Вот этот двор, все дышит здесь любовью,
А в доме, в детской, спрятаны мечты.
Живут в краю родном, не прекословя,
Часы, коты, цветы со мной на «ты».

И тот овраг, те милые березы,
Я узнаю спустя десятки лет.
В суровые сибирские морозы
Я к другу Пашке двину на обед.

Мы вспомним школу, книги, игры, тайны,
Расскажем про свое житье-бытье.
И наша встреча, верю, не случайна —
Судьба нам приготовила ее.

Я возвращаюсь, Родина, покуда
Еще живу, дышу, люблю, пишу.
И остаюсь, и милым сердцу людям
Очердную повесть посвящаю.

ГЕРОИ КОМАНДОРА

Где лето с детством слились воедино,
Где ветерку с залива дан обет,
Мальчишка грезит плыть на бригантине,
Он в ожиданьи будущих побед.

У друга змей в руках с веревкой длинной,
Но друг совсем не морем бредит, нет,
А самолетом в небе реактивным
Хотел бы много раз оставить след.

И третий, в звездных снах, неутомимый,
Передает с орбиты свой привет.
То с мирозданием вступит в поединок,
То затеряется среди других планет.

Да, их мечты сейчас незаменимы,
Не всем судьбою будет дан расцвет.
Но в памяти счастливых дней картины,
Останутся на много-много лет.

Ольга Добрынина

ВЕЧЕРНИЙ НАТЮРМОРТ С АВТОПОРТРЕТОМ

Вздохмаченные, срезанные ножом под корень,
В немытом вазоне чахнут пионы,
Приторно пахнут на всю комнату.
Лепестки — горстями — на подоконнике,

Зеленым кукишем — бутонов завязи,
Встопорщены листьев зеленые пальцы.
Пионы заходятся в крике страдающем:
Их запах — вопль бессильной ярости.

А моя варварская цивилизация
Стремится к контакту с иным разумом,
Истребляя все, что ни попадается,
Называя прогрессом убийство естества...

Вот вам натюрморт — жрите, пожалуйста!
Вот вам автопортрет — и я такая же...

КРЫСИНЫЕ ГОНКИ

А. К.

Возник полигон на экране захватанном,
Мигает табло, замирают сердца.
Три бестии серых, три гладиатора,
Готовимся к гонке — три старых бойца.

Под взглядами потустороннего зрителя
Зовет нас судьба в увлекательный бой.
Пусть выберет случай из нас победителя,
Чтоб в серую вечность вернуться домой.

Пожухлое поле и пыль на дорожках.
 В пыли остаются следы от хвоста.
 Вперед понемножку, ведь я — Лучше Кошек,
 Мне гордое имя дано неспроста!

Приятель, полегче на поворотах!
 Хоть ставки растут, но мы не при делах.
 Шуршим потихоньку, пищим беззаботно —
 Нам черт не указ на привычных путях.

Куда мы бежим и кому это надо? —
 Вопрос, равнозначный «быть или нет».
 Три круга я честно прошел, но награда
 Досталась кому-то вверху, а не мне.

Не больно-то надо! Но надо действительно
 Зудящее брюхо скорей почесать,
 Почистить бока, невзирая на зрителей,
 Чтоб к финишной тьме *comme il faut* добежать!

Свирепые блохи кусаются нагло.
 Усы — моя гордость — в налипшем песке...
 А боги в досаде хватаются за головы,
 Ругаясь на шумном своем языке.

Пока я по кругу бегу вперевалку,
 Не рухнет мой зыбкий компьютерный мир,
 Дождутся за шкафчиком в раздевалке
 Любимая крыска, заначенный сыр.

Мы гонку ведем суматошно, лениво,
 Безмолвной веселой шуршащей толпой...
 А боги, в азарте наклюкавшись пива,
 Жмут страшную кнопку нетвердой рукой!

Девушка на остановке,
 Опаздывая на работу,
 Разглядывает на варежке
 Снежинку большую мохнатую,
 Не дыша.

А над жесткими крышами
Душа дергает ниточку,
Устремляется к небу нависшему,
Как веселый и легкомысленный
Синий шар.

Поют скрипки неслышные
И незнаемый пока суженый,
«Кто последний?» спросивши,
По скрипящей дороге подходит,
Встает рядышком.

С шестисот шести метров видно —
По рельефу вычерченному,
По легчайшему снегу выпавшему
К остановке маршрутка движется
Босиком.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

(акrostих)

Припорошил, наконец, снег
Рытвины и бугры,
Оледенит полотно рек,
Скрыл тракторов следы.
Тонким просвечивающим полотном,
Игл не знавшим вовек,
Маревом, холодом, пологом
Наземь прилег снег.
Если сумеешь, прошу, прости
Все, что было не так.
Снегом растает пускай в горсти
Едкой печали прах.
Часто морочит нас суета,
Только ее сильней
Оберегаемая правота
Наших с тобой дней.
Ежеминутной любовью моей
Твоя сильна доброта.
Ангел Мой, все ты простил мне —
Как снег обелил города.

На крышах снег отсыпается до весны.
 Ему так хочется поворочаться с боку на бок.
 Поют провода, навевают вещие сны.
 С живым жужжаньем течет электрический ток.

В опустившихся сумерках затеплились точки огней.
 Сверху многое видно, даже то, что не произошло.
 В поднебесное зеркало смотрит снег, лежа на спине,
 И небо навстречу приближается тяжело.

Пустота сквозного пространства царит вокруг,
 Изошренная графика тушью расчерчивает небеса,
 Все деревья в тонком покрове —
 ну прям Петербург!
 Гляну вверх — а там тонкой сетью летящий снег.
 Гляну вверх — и такая перехватит горло тоска.

Вот мой Петербург — он сам приходит ко мне:
 Снег сыпется сверху, снег порошит мне лицо.
 Так хорошо, что рядом со мной никого нет —
 Пришлось бы болтать о том, как вокруг хорошо...

СЧАСТЬЕ

Наградил нас Бог завидным умением
 Каждым мигом вдвоем дорожить очень,
 Даром видеть, как с крылышек
 будничной бабочки
 Осыпается времени золотой порошок,

Наравне со всеми тянуть ляжку дней,
 Сил душевных особо не тратя, впрочем,
 И в рабочее время пить портвейн
 Ма-аленькими глоточками...

Не на пир, а на тихий берег реки
 Я ноги свои попрошу прийти.

Серый берег чистая моет вода.
Я пришел к себе, в никуда.

Я не буду спать двенадцать ночей,
Чтоб глаза стали острей.
Научусь из глины лепить кирпичи,
По ночам обжигать их в костре.

Я выстрою стену
Между рекой и миром!

В свою речную страну
Пушу лишь тебя одну —
Если придешь
Чистая и нагая,
Если спустишься с облака
Или прибежишь по воде —

Не такая, как все бабы на свете,
Другая —
Я сделаю тебя царицей страны Нигде.

Олегу Федорову

Как рассказать...
Теплым весенним полднем
ты лежал ничком на еще не просохшем пригорке,
и весенние шальные запахи щекотали ноздри:
и трава, и сырые щепки — все отчаянно пахло жизнью,
а солнце, стряхнувшее наконец зимнюю бледность,
играло на рыжих твоих ресницах
и фонтаном радужных искр разлеталось...

Как рассказать...
Ты летел стремительно ввысь — или небо к тебе летело,
охватывало просторными крыльями —
голова от восторга кружилась, —
и облака белые, перистые,
как небрежные мазки кисти,
раскиданы были там и тут
невидимой чьей-то рукою...

Как рассказать...

Были огненно-желтыми одуванчики на откосе,
изнутри гудела земля, когда приближался поезд.
С шумом ошеломляющим проносился мимо —
глазами распахнутыми ребятя его провожала —
исчезал, превращаясь в шмеля гулящего,
а у самого горизонта — в точку...
И вновь из грохота проявлялось пенье кузнечиков
и тишина воскресала из корней дрожащей травы...

Как рассказать...

Мы гурьбой по земле кувыркались
и друг друга по спинам хлопали,
отряхивая пыль и сухие травинки.
Кувыркались снова и снова, похваляясь, кто лучше,
и один толстый мальчишка все валился набок.
И все хохотали, его обступив,
и у всех видны были дырки
на месте молочных зубов
внезапно повыпадавших —
наверно, они растаяли вместе со снегом
и с ручьями сбежали на речку...

Как рассказать

голоногому пацаненку с пятнами на футболке,
чья душа открыта пока весеннему ветру
и способна понять безмолвную жалобу
слоненка с оторванным ухом,
кричащему «Но, шевелись!»
своей верной каурой палке,
спешащему на свалку по очень важному делу:
добыть тетиву тугую для самодельного лука,

как рассказать,
что я тоже жил в его мире...
Как попросить,
чтоб меня покатал он на палке?

КУРОРТНОЕ

Уеду, — думала, — рассеюсь,
Подальше с глаз, из сердца вон.

Сменяю этих будней серость
На блеск диковинных сторон.

Уеду далеко-далеко,
Шальнойю денежкой звеня.
Там хорошо и одиноко,
Там не устали от меня.

В мечтах о парусах, о лодках
С стихиями накоротке,
Мне грезился роман курортный
В прибрежном тихом городке,

Где набережной камень зелен,
Где пыль шершаво-тяжела,
Где шум замшелых древних елей
И неподвижный лет орла...

Чужие дикие деревья
В гостиничное бьют стекло.
С материка горячий ветер
Волну откатит тяжело.

Пылает радостное пламя,
Над кромкой берега в леске
Играю ночью светляками,
Рисую буквы на песке.

И сердце хочет петь, не плакать:
Для счастья — тысяча причин!
Брожу по отмелям с собакой,
Чураюсь женщин и мужчин.

Не соблазняют рестораны,
Аттракционов купола,
Свиданьем не прельщает странным
Полуночи густая мгла.

Не подпеваю томной песне,
Души не трогает мольба:
Не в радость этот край чудесный,
Где нет тебя, где нет тебя.

Меняет тон, но не смолкает
Торжественный прибор гул,
И крови гул перекрывает,
И я не в силах, не могу

Искать забвения напрасно
И тщетно лгать самой себе,
Не думать — всюду, ежечасно —
Лишь о тебе, лишь о тебе.

Хочу обратно! Дни проходят.
И я надеюсь всей душой
Вернуться в бедный шумный город
Слепящей грязною весной.

Со снижкой камушков узорных,
С огромной ракушкой морской,
Нелепиц кипой стихотворных,
С охапкой желтых подзаборных цветов —

И свидеться с тобой!

СТААКЕР

Моим друзьям

Была посылаема на фиг —
Шла на фиг. Не обижалась.
И правильно — там невзначай отыскалось
Пространство чудесных реалий:

Нездешние горы и реки,
Незнаемые созвездья,
Земля неприкаянных душ, где гуляют
Мифические звери.

Там льет четверговый дождик,
Макар телят не гоняет,
Вовсю свистят на горных вершинах
Зимующие раки.

Там так легко и свободно,
Там нет городов и денег.
Ни гари в воздухе, ни обиды —
Впервые вздохнула вольно...

Потом пришлось возвращаться.
Но люди великодушны,
А потому у меня теперь на фиг
Нахоженная дорожка.

Куда бы вас ни послали,
Я вас провожу до цели.
Там так хорошо, где нас нет!
Не грузитесь:
Я знаю места. Я сталкер.

Виолетта Кудрявцева

ПО ДУШАМ

— Как думаешь, что главное в жизни
для человека?

— Наверное, душа. Потому что она
вечная, а все остальное —
преходящее...

Юле Ш.

С моей душой мы говорили по душам:
Я горько плакала, ловя в ладони слезы.
Утраты горечь, страхи и неврозы
Со мной душа делила пополам.

Душа тихонько обняла меня за плечи,
Поставила на стол бутылку вина,
Подруга милая, что утешать пришла,
Она сказала мне: «Страдания не вечны.

Бутылка эта с выдержкой столетней,
Как видишь — ничего — и этот сорван плод.
Я столько видела в пути своем невзгод —
Нет ничего твоей тоски нелепей.

Ты не любима? Но откуда эта горечь?
Глотни вина и райский ощути покой...
Да, он шагает за руку с другой...
Но пусть шагает! Бог же ему в помощь!

Смотри им вслед, прикрой невинный рот,
И не беги — тут выдержка важна.
Скажу тебе секрет, хотя и не должна:
Я знаю жизнь твою, подруга, наперед.

Ему не пара ты... И это не предлог —
Совсем немного дней Господь ему оставил,
Другую в спутницы последние поставил,
Тебя же он для лучшей участи сберег.

Я за тебя сама у Господа просила!
Кому ж охота прокаженных провожать?
А до того их безысходностью дышать...
Ведь ты так молода и так красива,

Его ж глаза иссохшего листа тускней.
Надеждами теперь себя не дело мучить,
Твоей любви тепло облегчит его участь.
Ты милосердна... И забудь его скорей!»

Мы выпили вина, сжигающего нутро,
Из бутылки, что в адском обожжен огне.
Душе я верила, она всегда во мне...
Вином залитая печаль растаяла под утро.

МОНАШКА И КЛЮЧ

Сцепленные пальцы и крестик меж ними.
Сквозь прутья решетки спускается лучик...
«Мне стыдно за дерзость,
Но хуже — безвестность.
Скажите, прошу Вас...
Я нравлюсь Вам,
Ключник?»

Откинув подол, оголяю колено,
Христа на кресте заслоняю рукою,
С колен поднимаюсь
И, прутьев касаясь,
Шепчу: «Вы тревожны?
Я Вас
Успокою...

Чего Вы боитесь? Зачем отступили?
В тюрьме этой разве не видели женщин?
Ну что здесь такого?

Скажите хоть слово.
 Мне это так нужно...
 Прошу Вас,
 Тюремщик!

Признаюсь, когда мы впервые столкнулись,
 Мне было и стыдно, и боязно даже...
 Но вот я беззвучно
 Молю... Было б лучше,
 Когда б Вы открыли
 Замок этот,
 Страже!

Ну что Вы молчите и смотрите странно?»

Я вижу сцепленные пальцы, что нежно
 Сжимают не крестик,
 А ключ. И до мести
 Осталась минута.
Решайся же,
Грешник!

ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ

Была ночь ко мне жестока:
 Босы ноги да осока,
 И не помню, чтоб высоко
 Так забралась я когда...

Травы, зелены и сини,
 Серебрятся на низине,
 Высоко я, да в трясине:
 Не свободна, влюблена.

Парень крепкий да пригожий.
 Поцелуй на мокрой коже
 Запрещен был смерти строже,
 Но душа моя смела.

Будто брат с сестрой похожи;
 Кинжал вытащен из ножен...

Это нынче, ну а позже,
Мне тоска, ему — тюрьма.

И о том шумят дубравы —
Не к душе им зла забавы.
Чует парень зла облаву
И, очнувшись, трет глаза...

Видит — девушка нага,
Неопасная пока,
Кошкой спит в его руках...
Ну и он меня тогда
В страхе вытолкнул с окна...

Почему не колдовала?
На любовь нет злу управы.
С неба я упала в травы,
Не спасла меня метла...

Андрей Ларионов

Вольнослушатель Школы литературного мастерства,
выпускник 11-го класса тюменской школы № 19

Стоишь на маленькой полосочке и, если оступишься, то больше не вернешься. От тебя улетают оба ангела, оставляя тебя наедине с самим собой. Они дают тебе всего одну вечность для раздумья. Этого очень мало... Но ты успеваешь понять, что если бы не было тебя — то не было бы и того, что происходит сейчас там, в реальности. Ты начинаешь осознавать и анализировать ошибки, которые допустил раньше. И ты понимаешь, что без тебя мир был бы другим. Но это — твой мир. Ты создал его сам. И все-таки делаешь шаг вперед. Шаг, который изменит твою будущую жизнь...

КУКЛОВОДАМ

Я кукла, надо мною восемь ниток,
К которым я привязан, словно раб.
Не жажду совершать былых ошибок,
Но стоит только дернуть — как дурак

Я затанцую в ритме неизвестном,
Который кукловод рукам задаст:
То на колени встану, то на место,
И пусть все думают, что этому я рад.

Колено пред тобою преклоняя,
Я все же человеком остаюсь,
Но, старых кукол словно заменяя,
Один на полке вечности пылюсь.

Одна из сотен кукол лишь живая —
И чувствует, и дышит, и поет.

Но как узнать: из сотни та — какая?
Особенно, когда жив кукловод.

Но кукловод не зверь, он понимает,
Что куклам солнце нужно и тепло,
И потому он их в огонь бросает...
Их очень жалко, им не повезло.

Но в тот момент, когда заплачет кукла,
Которую пустили на дрова,
А кукловод у печки греет руки —
Всем куклам в мире станет не до сна.

И всей ордою выйдут на поляну,
И соберут оружие людей,
И всей толпою отомстят за брата,
Чью кровь пролил невежливый злодей.

И люди не поймут, в чем их ошибка,
Ведь времени не будет им дано.
На полке только малые пылинки
Напомнят смерть. Так было суждено.

Лилия Герц

ОСКОЛКИ

Он сидел
у разбитого зеркала
и перебирал острые, шуршащие осколки.

Одни сыпались,
крошились,
таяли
в руках
сверкающим сыпучим песком,

другие
обжигали
внезапным,
болезненно
пульсирующим
огнем
поврежденных капилляров.

Это были
его воспоминания.

Елена Мошкина

*Студентка 2 курса филологического факультета
(русский язык и литература)*

Родилась в 1988 году. Стихи пишу с девяти лет. В своих произведениях прежде всего стремлюсь к простоте и цельности, хочу, чтобы они были понятны и легко доступны каждому моему читателю, оттого зачастую избегаю сложных образов. Намеренно не стремлюсь к новаторству, мне близок стиль поэзии XIX века, так как я уверена, что классика — вечна.

БОЛЬ РОССИИ

Россия плакала от боли
(Понятно, женщина она):
«Меня не любят дети, что ли?
За что? Моя ли в том вина?»

Никак им дома не сидится!
Куда бежишь ты, мой народ?
Зачем? Какая за граница
Тебя опять к себе зовет?

Чем я тебе не угодила?
Лесов прекрасных и полей
Бескрайних сколько подарила...
Ты сбереги их, пожалей!

Я много дивных мест храню,
Что вами, люди, позабыты,
И с ними даже не сравню
Египетские пирамиды!

Поймите это, побывайте
В моих старинных городах,
О прошлых днях повспоминайте,
О братьях, умерших в боях...

Но нет, я все для вас плохая,
За рубежом вам все милей.
А сколько отдала туда я
Своих несчастных дочерей!

Сейчас стыдятся, говорят:
«В России только нужды, беды».
А шесть десятков лет назад
Все отмечали День Победы...

И как я счастлива была,
Что людям все-таки нужна.
А нынче — недалеко провал:
Я стану «худшая страна».

Россия! Ты мечту, молю,
Побереги. Поняв все ясно,
Судьбу мы сделаем твою
В далеком будущем прекрасной.

Пойми, еще остались люди,
Что погибают за тебя.
А, значит, все как надо будет,
Верь в нас, душою не скорбя!

Я не горжусь великим прошлым
Твоим (что тратиться на ложь?),
В чем очень не права, возможно,
Как и вся наша молодежь.

Но верю, что не потеряешь
Ты независимость свою.
Да, ты меня не восхищаешь.
Я, просто так, тебя люблю!

ПРОШЛОЕ...

Дворы шумели до утра
И оживляли
Холодный мрак, даря радости свои.
Но звуки счастья ветра
Вновь приглушали,
И те затронуть место это не могли.
Здесь только капельки дождя,
Блестя как жемчуг,
Поят из года в год растущую траву,
Порою граду лишь, шутя
Назначив встречу,
И все воюют с ним жестоко наяву.
Здесь восхищает лишь один
Всех в летний вечер
Вид лепестками роз украшенных небес
На фоне сереньких картин,
Уже навечно
Лишенных напрочь даже маленьких чудес.
Поверить трудно так сейчас,
Что тут когда-то
И жизнь была, и веселилась молодежь.
Они не ведали, что час
Придет расплаты
За их незнание, что такое зло и ложь.
Поверить трудно в то теперь,
Но здесь царила
Любовь глубокая, что излучала свет,
Она им ласково вдруг дверь
В мир грез открыла
И подарила лилий собранный букет...
Судьба напомнила же вновь,
Что время грозно,
И прямо к пропасти их счастье привело.
Ему пришлось продать любовь
Небесным звездам.
И все кругом жестоким снегом замело.
Осталась грусть, и две качели
В детском парке,
Коробка старых недослушанных кассет...

А годы стайкою летели
 Без оглядки
 И никому не раскрывали свой секрет.
 А осень слезы все лила,
 Вконец смывая
 Остатки самых дорогих и нежных слов.
 И оживает вся листва,
 Их вспоминая,
 На этом месте у разрушенных домов...

...
 Жизнь наша пишется романом,
 Но цветочек,
 Убитый холодом, не сможет расцвести.
 И застилаются туманом
 После ночи,
 Все, даже самые прекрасные, пути...

НОСТАЛЬГИЯ

Вновь упоенное звучанье
 Под сумасшедший звездопад
 Почти шестнадцать лет назад
 Погибших песен...

В ночи, согретые свечами,
 Как эхо, ритмы те слышны,
 Но вкус их праздничной весны
 Убила плесень...

Они навеки с перестройкой
 Образовали прочный шов
 И до сих пор с моей душой
 Неразлучимы.

А я ответ искала долго:
 Как нить времен связует нас?
 Тому где кроются подчас
 Первопричины?..

Мир с легким запахом ванили...
 Ну что оставила я в нем?!

Что искру сделало огнем,
Страсть — бунтом вечным?...

Чем вы меня к себе манили
Восьмидесятые? Что в вас?
В игре мелодий, полных страз,
Небесконечной...

БЛЮЗМАКСЫМ

Валентина Паршак

РАЗМЫШЛЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА НА ТЕМУ ДРУЖБЫ, НАВЕЯННОЕ ДОЛГОЙ ДОРОГОЙ ИЗ ДЕТСКОГО САДИКА ДОМОЙ

В кармане нету ни шиша,
Но я куплю себе мыша.
Он будет в том кармане жить,
И будем мы с мышом дружить.
Назову его я Фомкой,
В кармане устрою ему теплую норку.
В варежку Фомку зимой посажу,
А летом солнышко ему покажу.
Я буду его всегда угощать
Печенькой, что дали на полдник,
И буду ему все обиды прощать,
Даже если укусит, негодник.
Но главное, чтобы никто не узнал,
Ни мама и даже ни папа!
Уж он-то бы точно за мыша наказал,
А у папы тяжелая лапа.

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТСКИЙ СТИХ О ПОТРЕБНОСТЯХ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Я не люблю ночами спать,
Ведь это очень скучно!
Хочу я, как сестра, гулять
С подружкой за ручку.

И вот я собралась на дискотеку,
А мне сказали, я еще мала.
Зато ходить в библиотеку
Я каждых десять дней должна.

Но вот беда — библиотека
Всегда закрыта по ночам.
И нет ни музыки, ни света,
И нет тусовки там.

Зато моя сестра Катюша
Уже большая, доросла.
И ходит с ней подруга Ксюша,
И два каких-то там осла.

Они танцуют в дискотеке,
Всю ночь тусуют там.
Зачем же им библиотеки?
Они ж закрыты по ночам.

У меня появился братишка,
И все только с ним играют.
Ему читают на ночь книжки,
Зато меня не замечают.

Но я игрушки разбросаю
И в садик больше не пойду,
И брата, может, покусаю
Я в следующем году.

Мне надоело быть хорошей
И слушаться всех и во всем,
Я выброшу в мусор галоши
И пойду гулять босиком.

Потом меня поставят в угол,
Накажут кожаным ремнем
За то, что я сломала кукол,
Играя с браткиным конем.

Я буду теперь всегда плохой,
 Все равно быть хорошей скучно!
 Забудьте теперь тишину и покой,
 Я не буду больше послушной!

У вас теперь Вовка хороший сыночек —
 Его теперь и хвалите!
 А я уйду из дома ночью,
 Вы с ним одним живите!

Алина Иноземцева

БОТИНКИ

По сырому тротуару
Шли мои ботинки.
Шлось им неудобно:
Скользко и противно.
Но они домой вернулись,
Позвонили в дверь мою.
Я помою их сначала,
Высушу и накормлю.
Ну и после — наругаю,
В непутевости вина,
Что опять они, шальные,
Где-то шлялись без меня!

СКАМЕЙКИ

На скамейках люди спят.
Как и мы, простые люди.
Я боюсь не за себя,
А за то, что с нами будет.

Как обычно, пряча взгляд,
Прохожу брезгливо боком.
Но зачем-то обернусь,
И ударит, будто током.

Невозможно сохранить
Тех, кого давно нет с нами.
Я пытаюсь подавить
Нарастающую жалость.

Руки связаны тоской,
 Мы сидим, как будто в клетках.
 Каждый вечер прохожу
 Мимо спящих на скамейках...

Кто знает

Яна Янина

*Студентка 3 курса
филологического факультета (журналистика)*

АФРИКА И ВЕНЫ

Африканские иззябшие мужчины
Нагромоздили за спины мешки —
По морю
Плывут, расплескивая воду
Меж своих коричневых ладоней.

Им машут вслед
Пропахшие цементом и заплаканные жены.
Дети прижимаются бедром,
Вгрызаются в отцовские подолы.

Тем временем

История случится где-то там,
Где в смокингах стареющие дамы
Прикуривают, выставив ладонь
К лицу. Обветренными тонкими губами
Кусают черные горчащие сигары.

Где девушки все краше с каждым годом:
Их спины горбятся,
Растут. И бьются по плечам погоны.

Где город подставляет под откос
Зачахшие, обкусанные вены
Троллейбусам. Твои
Узорчатые губы целовать
Я буду. Все.

ЙОРД

1.

Иордания укрылась с головой,
Пригнувшись водное и голени смочив
Брезентом, маслом залитым.
Взопревши, веет. Пальцами стучит
О край вселенной.

Костью машистой. Левой.
Берцовой и левой,
Левой.

2.

На выдохе — на вдохе
Тянутся чужие (черные от солнца) руки.
Мужчины падают ничком, вбивая лбы
В седые головы своих же дочерей.
Пускают в рты
Соломенные шляпы, вазелин.

3.

Клеймили щеки мне и спину, а горбы
Целованные, гладили бедром
Худые женщины.

На выдохе, на вдохе
Углекислый, просто воздух.
В стороны-стороны локти.
Гроздьями на лбы повиснув,
Все слабятся.

Анна Шушунова

*Тем, кто думал, что знает меня —
Мои стихи.*

*Тем, кто считает, пустая я —
Мои стихи.*

*Тем, кто не хочет слушать меня —
Мои стихи,
пусть прочтут.*

*Те, кто читать умеют,
Пусть не сочтут за труд.*

Это вам не хухры-мухры,
Это вам не елки-палки!
Только русские мужики
Настоящей мужицкой закалки!

Только русские мужики
Спят в фуфайке и пахнут навозом,
И не важно, что много пьют,
Пусть! Зато не боятся морозов.

Только наш настоящий мужик
Под галошами носит валенки
И к ушанке настолько привык,
Что она приросла к смекалке.

Говорит только «Э-э-э» и «Ну, дык...»
И, конечно же, чешет в затылке.
Настоящий русский мужик
И во сне тянет руку к бутылке!

Я его видела, он уходил на север,
 Пушистый и встрепанный, словно замерзший щенок.
 Конечно, вы можете мне и не верить,
 Но я его знала, он вполне мог:

*Разбрасывать звезды,
 Гасить миры,
 Придумывать правила новой игры,
 Курить сигареты.*

Его имя Карл, Карл фон Либер Клок,
 Он маленький карлик Огромных разбитых дорог,
 Ведущих на север и в горы дорог.
 Сейчас я не знаю, но раньше он мог:

*Разбрасывать звезды,
 Гасить миры,
 Придумывать правила новой игры,
 Курить сигареты.*

Дорога моя лежит на восток,
 И значит, мне встретится Карл Либер Клок
 На сером большом перекрестке
 Больших судьбоносных дорог, где будем вдвоем:

*Разбрасывать звезды,
 Гасить миры,
 Придумывать правила новой игры,
 Курить сигареты.*

Он маленький карлик Огромных дорог,
 Ведущих всегда на север,
 Который умеет курить сигареты,
 Разбрасывать звезды и перья...

ИЗЛОМЫ

Я крадусь по ломкой линии
 От тебя и до утра,

Я закрою глаза в стремлении
Забыть то, что забыть пора.

Я запомню твои интонации,
Все что мне, сам не зная, дарил.
Рушить все и ломать декорации
Ждать тебя у заветной двери.

Все вокруг — только фикция, видимость
Я запомню твои имена.
Странно, раньше иначе все виделось
Еще знать бы, чья в этом вина...

Бесконечно пространство стремления,
Мы лишь точки по клеткам судьбы,
Я запомню твои ударения,
Не слушаюсь правил игры.

Под ногами крутыми изломами
Рвется вдаль бесконечность прямой...
Ночь, пронзенная острыми стонами,
Будто сладко дрожащей стрелой...

Бесконечность растаявшей вечности,
Мы заменим мгновеньем судьбы.
Обвиняю тебя в безупречности!
Мы с тобой слишком мудро глупы...

Из распахнутых глаз бойниц
Бьет солнечный зайчик взгляда.
Каждый день — винегрет из лиц
Бесконечного Маскарада.

Среди масок шутов и убийц
Я стою, ничему не рада.
Я чужая среди этих лиц
Бестолкового Маскарада.

Среди стаи бескрылых птиц,
Потерявших небес отраду,

Настоящих не видно лиц
Развеселого Маскарада.

Ты лежишь, опустившись ниц.
Проигравших жалеть не надо!
Ты — одно из разбитых лиц
Победившего Маскарада.

Я твой барьер скрещенных ног,
До невозможности дышать тугой корсет,
Дрожащий палец и стальной курок,
Я нарушаемый тобой запрет.

Я твой несчастный пленник и усталый страж,
Последний танец всех прикованных к постели.
Мы этот мир поставим на колени. Теперь он наш,
Он только наш, как мы с тобой хотели.

Иди вперед. Я открываю путь.
Иди, скорей, я разрываю пути.
Иди, настало время первой смуты.
Иди вперед. Теперь ты знаешь суть.

Теперь ты знаешь цену слов и смыслов.
Ты отличаешь правду от меня.
Прочь от условностей. На что они сдались нам?
Твой путь «куда хочю», а не «от А до Я».

Брешь моих бешеных,
Недослушанных,
Недоделанных мыслей
Самой воли вольней.
Мой шальной, непослушный,
Мой дурной водолей
Тем сильней,
Тем смелей.
Бьешь то словом,
То взглядом —
Так смешней,

Так больней.
То, что ветром согрето,
Твоих рук не теплей.
Это тысяча первый день,
Наших тысяча двух дней.
А моя кровь, пусть ты и не веришь,
Твоей вовсе не солоней.
Не слабей.
Не сильней.

Михаил Булатов

ДЕНЬГИ. ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

Ты безумна до неприличия,
Не делая различий,
Между всеми, кто носит обличье
Нормальных людей.

Мы будем сдирать с их ртов
Высохший клей
Равнодушья.
Задушенные спамом души,
Забитые серой уши,
Закрытые настееж глаза.

Моя дорогая, мне нечего больше сказать,
Кроме — учись убивать,
Учись побеждать,
Учись разрывать
Дорогое на части.
Оплаченная болью
Стоимость счастья
Не вписывается в квадрат
Чужого участия?

Боже мой, какие страсти
Могут свиваться
Ленточным червем в брюхе
Коммунальной квартиры!

Мы танцуем в тире,
Мы уже забыли,
Зачем на подтяжках любви
Повесилась мечта в сортире,
Дорогая, скажи —

Что нам делать в мире
Где каждый знает,
Что $2 + 2$ будет четыре?

А я говорю — $2 + 2$ будет пять!
Моя дорогая, ты плачешь?
Опять.

СЛОНЫ УШЛИ ВОЕВАТЬ

Во мне что-то сломалось,
Во мне что-то сгорело.
Словно платье, по швам
Разошлось мое тело.
Я себя узнаю теперь
В полом теле бутылки,
И звенит во мне крик —
От пяток и до затылка.
А за маской лица —
Пустота,
Пустота,
Пустота...

В этом коконе каменных стен,
В инкубаторе спутанных мыслей
Зреет новая смерть,
Зреет мой манекен.
С любопытством ребенка-садиста
Смотрит радостный бог
В мой дверной глазок.

А душа на песке
Воздух ловит жабрами,
Перед неба синевой
Все мы будем равными...

Почему-то я стал следовать
Закону Ньютона,
Сердце необузданное
Звоном меди укутано.
Мой пропеллер ангельский,

Как у серафима,
 Стал ненужным бременем,
 Ноги — вот где сила.

Превозмочь давление хаоса
 Смогут только страусы!

Хаос дней, круговерть
 Сходит вниз по спирали,
 Мы не сдались, мы просто устали

Немного. Ломать головами стены,
 Чтоб из своей камеры
 Перебраться к соседям.

Понимаешь, просто...

Я боюсь привыкнуть к этой тесноте.
 Жизнь на сером тетрадном листе.
 Я ищу на ощупь черты твоего лица,
 Мои руки — это руки слепца.
 Да, наша боль говорит нам о том,
 Что мы здесь, и что мы живем,
 Но почему так часто
 блеск соленых рек
 Пробивает дамбы
 сомкнутых век?

ВЫ КАЗНИЛИ АРТИСТА

Мальчик, скажи мне, зачем
 На могиле Бога
 Ты рисуешь углем
 Пустоту? И терновые скобы тревоги
 Обвивают чело мне, и крики,
 Крики сотен людей,
 Из распахнутых глоток
 Льется лай, и плачет Иуда?

Песчаная сушь
 Заполняет глаза,

Засыпает рот.
Льется терпкий пот,
И моей густой кровью
Наполняют чашу.

Остановитесь, мать вашу!
Я уже вижу
Блеск ваших глаз,
Кто сказал,
Что я отдал приказ

Оправдывать моей смертью
Ваши убийства?

Вы казнили артиста,
Всего лишь артиста,
По монете на глаз
Атеисту.

Ваши руки по локоть в крови,
Но помыслы ваши чисты,
Ваши лица так близко,
Ваши руки так близко,
Что меня тошнит.

Теперь можно
Топить печи людьми,
Теперь можно
Бросать детей в реку
С названием аборт,
Перейти ее вброд,
По телам, головам,
По лицам.
Нет вины
На убийцах,
Просящих прощения?
Отмщенья! Я жду отмщения!

ОДИНОЧЕСТВО И ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Любовь в формате SMS и ICQ,
Прекрасна даль в квадрате плазменном экрана.

Разбитый мир осколками граненого стакана
Лежит на перекрестье не моих дорог.
И я читаю между строк
В трудах безумцев Просвещения —
О, боже мой, как одинок
Я в телефонной книге поколения!

ВЕДЬМОВСКОЙ БЛЮЗ

Опираясь на трость судьбы,
Быть детьми безрассудного сна,
Закрываясь локтем от беды,
Вылетать по ночам из окна,

И плясать на огарке свечи,
В стылom лоне лысой горы.
Радость, я не хочу мельчить,
Если жечь, значит жечь миры.

Пусть святые нас ждут палачи,
Мне нет дела до их угроз,
Наша жизнь вторит зову волчиц —
Так лети оно все под откос!

Оседлав худую метлу,
Взяв подмышку бродяжку-кота,
Мы вернемся домой поутру,
Мы вернемся домой, когда,

Запоют в деревнях петухи,
А в депо очнется трамвай.
Наши руки, как крылья, легки
И на кой сдался нам этот рай?

ТАНЦУЮЩИЙ НА РАДУГЕ

Я легкая березовая чара,
Возьми же в руки
И черпай мной свет!

Испей до дна,
Открой во мне начало,
Играй со мной
На струнах звонких лет!

Ты слышишь? Голос мой
Стучится эхом
О хрупкий свод
На грани бытия.

Срывая связки, пой!
Так радостно и слепо
Лицо подставив струям
Весеннего дождя.

Безумья сладкий миг
Мы называем жизнью,
Танцую на углях
Карательных костров.

Моя судьба, дыши
В одном со мною ритме.
Прошу тебя, молчи.
Ведь нам не нужно слов.

40p

НОВАЯ ЦЕНА
40 руб — коп.

ГЕОМЕТРИЯ И МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

*Сборник произведений слушателей
Школы литературного мастерства Владислава Крапивина
при Тюменском государственном университете*

Редактор *О. В. Макманаман*
Технический редактор *Н. Г. Яковенко*
Компьютерная верстка *А. О. Макарова*
Трафаретная печать *А. В. Ольшанский*
Офсетная печать *В. В. Торопов, С. Г. Наумов*
Дизайн обложки *А. Шушунова*

Подписано в печать 12.03.2009. Тираж 300 экз.
Объем 14,75 усл. печ. л. Формат 60×84/16. Заказ 242.

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 45-56-60, 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru

